

**ВОЗВРАЩЕНИЕ НА
“ПОЛУОСТРОВ ЖИДЯТИН” -
продолжение романа Олега Юрьева**

**УБИЙСТВО С НЕОБДУМАННЫМ
НАМЕРЕНИЕМ - рассказ Сергея Рузера**

**В ПЛЕНУ У ПОЛИТИКОВ -
интервью Целли Гутиной
с израильским поэтом**

**ПУТЬ К ВЕЛИКОДЕРЖАВНОСТИ -
эссе Дмитрия Шляпенкоха
о будущем России**

**СЕФЕР INRI -
публикация Льва Беринского**

МІЛОНКВА • ЧІНЧІЧНАЛІМ

№ 116

Общественно-политический и литературный
журнал еврейской интеллигенции из СНГ в Израиле

ДВАДЦАТЬ ДВА

116

Журнал выходит при содействии министерства науки и
культуры и министерства абсорбции

2000

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРА

Олег Юрьев. Полуостров Жидягин (часть вторая).....	3
Сергей Рузер. Предварительное заключение.....	30
Владимир Яськов. Стихи.....	43
Варда Карелина. Qui bono?.....	47
Андрей Курков. Последнее приземление.....	50
Мордехай (Михаил) Зарецкий. Бедные молекулы.....	61

СТАРАЯ ЕВРОПА

Марк Амусин. Семейный портрет в интерьере.....	63
--	----

ИЕРУСАЛИМСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Меир Визельтир. Иерусалим-3000.....	84
Нелли Гуттина. В плена у политиков.....	85
Ася Энтова. Неоконсерватизм и традиционные еврейские ценности.....	95
Эдуард Бормашенко. Демократия - нетрадиционная еврейская ценность.....	116

РУССКИЙ ВОПРОС

Дмитрий Шляпентох. Россия-феникс.....	125
---------------------------------------	-----

КУЛЬТУРА

Дмитрий Хмельницкий. Новые версии советской архитектурной истории.....	139
---	-----

Ирма Золотовицкая. Вокруг имени великого мастера.....	159
---	-----

ЗАМЕТКИ КНИГОЧЕЯ

Михаил Юдсон. Удача, или Дневник читателя.....	169
--	-----

ОТКЛИКИ

Ян Зарецкий. В хорошей компании.....	176
--------------------------------------	-----

Виктор Голков. Дно "Высокой воды венецианцев".....	180
--	-----

Марк Львовский. Выступление простого человека.....	182
--	-----

СЕФЕР INRI.....	185
-----------------	-----

коротко об авторах.....	223
-------------------------	-----

*На первой странице и последней странице обложки: Репродукции
работ Ирены Френкель (к "Сефер INRI")*

ЛИТЕРАТУРА

Олег Юрьев

ПОЛУОСТРОВ ЖИДЯТИН

(Отрывок из второй части романа. Начало см. в №113)

Уважаемый г-н редактор!

Благодарю Вас за милое письмо и вторую половину "Полуострова". Присланную Вами часть рукописи я уже самым внимательным образом прочитал и приступил к необходимым разысканиям, результаты которых Вы сможете получить, по моим расчетам, примерно через полтора-два месяца. К сожалению, наша заполярная почта сильно перегружена, поскольку принуждена круглый год обрабатывать бесчисленные письма, приходящие со всех концов света на имя Санта-Клауса. Кстати, дорогой г-н редактор, если у Вас есть дети и им бы хотелось написать что-нибудь Деду Морозу, - нет ничего проще! Вложите их записку в Ваше следующее письмо (Лапландский Университет, г. Рованиеми) - у меня здесь неплохие связи и я мог бы позаботиться о внеочередном прохождении и скорейшем ответе.

Теперь о самом тексте, точнее, о его контексте. Особую важность, как мне кажется, представляют здесь временные координаты, в широком смысле, время действия.

За исторически ничтожное время в России произошли изменения такого качества и свойства, что вся наша предыдущая жизнь превратилась в нечто совершенно законченное, стремительно отдалившееся и отделившееся во времени. Теперь и советская цивилизация стала понятием сугубо археологическим и археографическим, как какая-нибудь Римская империя. Неважно, что еще лет десять тому назад мы считали советскую жизнь будничной и малоприят-

ной современностью; существовало, видимо, и поколение древних римлян, заснувших в одном мире, а проснувшихся в другом. Римляне те, вероятно, этого не заметили, и даже их внуки и правнуки не заметили, но мы, живущие в сумасшедшем ускоренном и ускоряющемся историческом времени, имеем случай воспользоваться единственным, быть может, преимуществом этого обстоятельства: мы имеем возможность осознать, что с нами произошло, и “с той стороны зеркального стекла” взглянуть на законченную жизнь. Я говорю не о сведении счетов - я говорю о появлении эстетического объекта. Мы все - кто бы где и с каких пор ни жил - потеряли родину, но получили материал. Именно в таком контексте я и рассматриваю юрьевский “Полуостров Жидятин” - эту, я бы сказал, “маленькую советскую энциклопедию” в форме исторического романа. Особенно важным и многозначительным представляется мне в этом свете время действия - год, месяц и день, выбранные автором из всего множества годов, месяцев и дней советской эпохи. Действие “Полуострова” происходит в 1985 г., судя по расчету выходных, субботним вечером 6-го и, вероятно, в ночь с 6-го на 7-е апреля. Почти месяц назад, 10-го марта, умер Черненко, “последний из кремлевских старцев”. 11-го марта назначен генсеком Михаил Горбачев - никому не известный (и подозрительно связанный со всем еще страшным, хотя уже умершим Андроповым) представитель нового поколения аппаратчиков, поколения, выросшего в “длинных машинах”, не испытавшего на себе кошмара сталинских чисток (этих, в сущности, периодических кровавых ротаций правящей номенклатуры). Советский мир для них незыблем, собственное право им управлять само собой разумеется - остается только сделать мир этот несколько комфортнее и безопаснее для себя, для “советских принцев” [1]. Чего Горбачев хочет и куда поведет, населению, как всегда, желающему прежде всего стабильности (“лишь бы не было хуже”), понапалу абсолютно неясно; до Апрельского “установочного” Пленума (23.4.1985), обозначившего первое из будущих колебательных, но в сумме неизменно ведущих режим под уклон движений, остается две с половиной недели. Именно в этот исторический момент система перестает вырабатывать какие бы то ни было антитела и начинает выдвигать на все жизненно важные для себя позиции наиболее неспособных для этих позиций людей. “Кремлевские старцы” были мудрее, опасливее - их мир уже несколько раз грозил рассыпаться у них на глазах, и они знали, точнее, “шестым чувством чекиста” чуяли, что в тотальной системе

не бывает мелочей, ее запас структурной прочности очень невелик - вылетела пара шестеренок и вся конструкция рушится. "Новые" не знали этого и не хотели знать.

Горбачев разрушил Советский Союз не потому что хотел его разрушить, а потому что, будучи максимально непригодным к занимаемой должности из всех возможных на нее кандидатов, всегда стопроцентно неверно оценивал последствия своих решений (если он их вообще оценивал) и соответственно принимал решения, максимально губительные для системы, которую он хотел сохранить, обеспечив только открытое и индивидуальное пользование благами и свободами, которыми предыдущие поколения правящего слоя пользовались коллективно и скрыто. А огромная империя жила своей будничной, рассчитанной на вечность жизнью, даже и не подозревая о том, что приговор ее уже подписан, смертоносный вирус уже неостановим, что для взгляда из сегодняшнего дня, оснащенного знанием последующих событий, вся эта жизнь, во всей ее величественности и смехотворности, закончена - обрамлена, запакована и сдана в музей.

Именно этот взгляд позволяет назвать "Полуостров Жидягин" историческим романом, собирающим под линзу индивидуального зрения (естественно, не без художественных заострений) чувство ушедшего времени, очертания затонувшего мира. Спору нет, этот мир был не слишком хорош (а какой из существующих хорош?), но он был - и закончился, и мы с чистой совестью обнаруживаем в нем красоту, самодостаточную ценность любых проявлений жизни. Смею заметить, что тот же древний Рим являлся государством и обществом едва ли не худшим (с современной, понятно, точки зрения), чем наша "Великая Шестеренка" - едва ли не более тупым, потным, садистическим, а на последней части своего долгого пути тошнотворно лицемерным и ханжеским (вероятно, это общее свойство тотальных обществ, нетотальные сразу начинают с ханжества и лицемерия). Но "под линзой" - вне политики, или в отраженном свете другой политики - этот Рим, оказался совсем неплох как материал для трагедий, стихов и романов, не правда ли?

Юный герой "Полуострова" как бы фокусирует в своем сознании (всегда оставляя различимым источник) опыт, суждения, предрассудки и мифы окружающих его людей, а это в первую очередь (хотя и не только) его родные и знакомые его родных - три поколения советских евреев, народа, выпущенного (а частично и вышвырнутого) Советской властью из "черты оседлости" - по практической необходимости

ности быстро и массово заменить уничтоженную гражданской войной и эмиграцией дореволюционную интеллигенцию слоем, с младенчества привыкшим учиться (см. яркое, хотя несколько и идеализированное описание в [2]), превыше всего ставящим образование, статус врача, учителя, инженера, как раз тех специальностей, которые были необходимы Советской России прежде всего - и в количествах многократных по отношению к дореволюционным. Но, кроме практической, у этого полуорганизованного, полусамодеятельного движения, перенесшего сотни тысяч людей из гетто в большие российские города, была еще и теоретическая подоплека - гитлеровское "окончательное решение еврейского вопроса" является ведь только одним из двух основных выработанных европейской цивилизацией проектов "окончательного решения". Другой (более ранний) предполагал признание евреями полной собственной ненужности и порочности, отказ от своей религиозной и (тем самым) этнической принадлежности и безостаточное исчезновение в окружающих народах. Результат тот же. Выработан этот проект был еще римско-католической церковью, но в XVIII-XIX вв. был многократно переформулирован (без изменения сути дела, но с употреблением различных рационалистических и гуманистических терминологий, которые еще тогда не назывались "дискурсами"). Для последующего исторического развития одним из важнейших и определяющих оказалось "окончательное решение" в изводе Карла Маркса: еврейская буржуазия уничтожается вместе со всей остальной буржуазией, а еврейский пролетариат растворяется в пролетариате стран, где живет. Большевики были, как известно (известно ли еще это?), марксистами. Во времена Маркса, впрочем, никакого еврейского пролетариата практически не существовало, а все еврейские торговцы и ремесленники Западной и особенно Восточной Европы проходили скорее по разряду буржуазии - мелкой, средней, ростовщической; но вероятно, что именно это пуще всего и радовало фанатического жидоненавистника, каким Маркс был в быту (что легко доказывается его личной перепиской, в том числе и поэтому никогда не печатавшейся в Советском Союзе полностью).

Сотни тысяч наскоро обученных на "рабфаках" и в "институтах красной профессуры" местечковых евреев приняли активнейшее участие в индустриализации Советского Союза на всех иерархических уровнях народного хозяйства - от наркомовских кресел (более, впрочем, занятых подготовленными еще до революции в зарубежных универси-

тетах специалистами, об этом, напр. в [3]) до заводских цехов, районных больниц и средних школ. По мере, однако, подготовки "собственных" кадров (которые в профессиональном смысле были ничем не хуже "первого призыва" и преимущественно еврейскими же учителями и профессорами в массовом и ускоренном порядке обучены) советская система начала вытеснение еврейских специалистов сначала с руководящих позиций (в том числе и с помощью уже упоминавшихся "сталинских ротаций"), а потом и из среднего звена общественно-экономической жизни (в чем, собственно, и заключался социально-политический смысл "антисемитской кампании" конца 40-х - начала 50-х гг.) К началу 60-х годов еврейская "техническая интеллигенция" была спасена и консервирована научно-технической революцией, потребовавшей очередного количественного взрыва в контингенте "работников умственного труда", но начали устанавливаться и ограничения (негласные "процентные нормы" и "закрытые зоны"), гарантировавшие доступ к более "жирным" кускам и к более высоким уровням иерархии представителям "коренного населения". К началу 80-х гг. эти ограничения стабилизировались в ясном для всех сторон негласном договоре; сравнительно редкий выход за их пределы стал возможен только в индивидуальном порядке - с помощью личных или семейных связей, удачного совпадения обстоятельств или в иных случаях особых дарований, признаваемых необходимыми для обороноспособности или престижа страны. С некоторой долей уверенности могу предположить, что имя автора является литературным псевдонимом. Любовное и доскональное описание еврейской среды изнутри, во всех ее мелких домашних обстоятельствах, в особенностях ее речи, в деталях ее маленькой мифологии, свидетельствует о собственном происхождении из этого слоя, а сочетание "Олег Юрьев" - само по себе малохарактерно для русско-еврейских имен и фамилий. Что приводит меня, кстати, к заключению о том, что наш автор должен был начать свою профессиональную литературную деятельность еще в советские времена, самое позднее в начале 80-х гг., когда ярко выраженные еврейские фамилии могли помешать своим носителям и заменились нейтрально звучащими вымышленными именами. Мне и самому приходилось тогда публиковаться под псевдонимом (напр. [4]), так что я знаю, о чём говорю. Следовательно, возраст нашего автора должен находиться где-то между пятьюдесятью и шестьюдесятью - стало быть, опытный писатель, сгустивший в этом сочинении свою жизненную и семейную

историю. Конечно, я бы мог и не вдаваться во все эти догадки, а просто расспросить Вас поподробнее, но мне было интересно испытать мой аналитический метод предположения текста по автору и автора по тексту, особенно в преддверии очередного литературоведческого симпозиума "Автор - Текст. Уравнение с двумя неизвестными", инициатором и руководителем которого я имею честь являться. Я был бы Вам весьма признателен, если бы Вы вкратце подтвердили или опровергли мои предположения, которые я собираюсь вынести на обсуждение участников симпозиума, конечно в гораздо более развернутой и научной форме. Я был бы очень рад, если бы Вы также захотели принять участие в этом научном событии. К сожалению, дорогу и гостиницу наш университет оплатить не в состоянии, и взнос за участие в симпозиуме составляет 300 финских марок с человека, но, быть может, Ваше издательство или Лапландско-Израильская Торговая Палата возьмут на себя эти расходы? Официальное приглашение на всякий случай прилагается.

Таков вкратце исторический и социологический очерк среды, которой по рождению принадлежит первое лицо повествования. Системное состояние этой среды к описываемому в "Полуострове" моменту можно считать критическим. На фоне ускоряющихся ассимиляционных процессов основные ее внешние социокультурные признаки и внутренняя самоидентификация все в меньшей степени воспроизводятся новыми поколениями и находятся таким образом на грани исчезновения. Пожалуй, лишь теснота семейных связей, характерная для всего советского общества и связанная в первую очередь с особенностями распределения жилплощади (совместное проживание нескольких поколений) и планирования семейного бюджета (экономическая взаимозависимость) несколько замедляет эти тенденции (более подробно см. в [5], [6]). Я взял бы даже на себя смелость высказать гипотезу, что, при сохранении общественно-политического и экономического устройства Советского Союза хотя бы до 2000 г. и с учетом среднестатистических показателей смертности, тенденций изменения структуры национального состава и половозрастной структуры, процесс исчезновения еврейской этнической общности на его территории стал бы необратимым ко времени вступления в производительный возраст поколения, следующего за поколением "рассказчика".

Языковые особенности "Полуострова" заслуживают отдельного теоретического рассмотрения, каковым я вместе со студентами моего социолингвистического семинара, собы-

раюсь заняться в следующем учебном году. Основной тезис: когда заканчивается цивилизация, умирает ее речь. То есть она становится для внешнего наблюдателя-пользователя единым лингво-эстетическим объектом. Иными словами: исчезают социологические приложения языка (конечно, чтобы постепенно замениться другими). Равноправие (равнодаленность) языковых средств текста по отношению к языковым средствам читателя устанавливает иные хронологические и эстетические отношения между ними, создает, по моей терминологии, эпическое расстояние. Открытость Вашего издательства ко всей этой тематике, определяющей фон и контекст романа Олега Юрьева “Полуостров Жидягин”, представляется мне заслуживающей самого глубокого уважения. В случае, если Ваш издательский интерес выходит за пределы беллетристики в чистом виде и распространяется на научную, научно-популярную и научно-художественную литературу (продающуюся, кстати, в наше время не хуже, чем стихи и романы), позволю себе обратить Ваше внимание на [7], [8], и [9], каковые сочинения, в основном, историографического и эссеистического характера, могут быть представлены на Ваше рассмотрение в самые сжатые сроки.

Жду Вашего скорого ответа.

Сердечный привет из-под Полярной звезды; пользуясь слушаем, прошу Вас также передать мои сердечные приветы и благодарности Его Превосходительству Почетному Консулу Республики Парагвай в Герцлии, вице-председателю Лапландско-Израильской Торговой Палаты д-ру Юкке-Пекке Куркияйкинену, чьей рекомендации я обязан нашим приятным знакомством и, надеюсь, плодотворным сотрудничеством.

Уважающий Вас

Яков Гольдштейн

[1] Я. Н. Гольдштейн. Утром в газете, вечером в куплете. Курс лекций по “Перестроечной” литературе. Труды Лапландского Государственного Университета, Серия “Russica”. Рованиеми, Финляндия, 1990.

[2] “...Они были народом Книги в самом прямом смысле слова. Они не ведали большей радости, чем изучение человека и человеческих отношений, называемых у них Торой, Талмудом, Мусаром, Каббалой. Гетто было не только местом убежища для преследуемого меньшинства, но и великим экспериментом мира, самодисциплины и гуманизма... (Исаак Башевис-Зингер. Нобелевская лекция. В: “Шнобелевские лекции. (Мировая литература под ярмом)”, М., Русский духов-

ный центр, 1995, дар университетской библиотеке по завещанию председателя Вселапландской татарской общины г-на Батыя Алтына.

[3] Я. Нах. Гольдштейн (Товарищ Яков). От Льежа до Кавкови. Записки товарища Якова. Л., Academia. 1934. Ввиду “Процентной нормы” (сегодня это именовалось бы “квотой”) в высших учебных заведениях Российской империи, а также и в связи с проблематикой военного призыва, очень многие еврейские молодые люди получали образование (и заодно сводили знакомство с “революционными кругами”) заграницей. Мой собственный, например, дедушка, Яков Нахумович Гольдштейн, закончил перед I Мировой войной Льежский технический университет, и к моменту своего в 1938 г. ареста в качестве финляндского, японского и бельгийского шпиона находился в должности заместителя наркома легкой и пищевой промышленности.

[4] Ник. Морозов (Я. Н. Гольдштейн). Памятники русской старины на Карельском перешейке. Л., Лениздат, 1987.

[5] Я. Н. Гольдштейн. Советское еврейство на грани исчезновения. Курс лекций по этносоциологии. Труды Лапландского Государственного Университета, Серия “социология и этнография”, подсерия “Judaica”. Рованиеми, Финляндия, 1991.

[6] Я. Н. Гольдштейн. Существительное, съеденное прилагательным (на примере понятия “советский еврей”). В сб.: “Дискурсивные тенденции тоталитарного синтаксиса”. Труды Лапландского Государственного Университета, Серия “Linguistica”, подсерия “Славянская, финно-угорская и германская филология”. Рованиеми, Финляндия, 1991.

[7] Я. Н. Гольдштейн. Более или менее секретный протокол (Лингво-мифологический опыт об определении еврейства). В: Я. Н. Гольдштейн. Разговоры в пользу бедных. Маленькие трактаты. (Эссе и литературная критика 1978-98 гг. Рукопись книги; общ. объем 700 стр.)

Второе пришествие человека без свойств (Две “посмертные культуры” - пост-габсбургская и пост-советская). Там же.

[8] Я. Н. Гольдштейн. История российских евреев от второго раздела Польши до второго раздела России. Рукопись, ок. 1400 стр. Цит.: “К концу 60-х гг. марксистский проект “решения еврейского вопроса” (как, впрочем, и почти все остальные марксистские проекты) был на практике окончательно отвергнут pragmatizedными политическими и социальными элитами Советского Союза как неосуществимый и, в сущности, нежелательный; единственными же, кто этого

не осознавал, оказались сами евреи, старательно продолжавшие свою никому уже не нужную, не без презрения наблюдавшую остальным населением и, с точки зрения новых, тесным образом связанных со своим крестьянским происхождением элит, в высшей степени подозрительную ассимиляцию. Но и советские евреи (включая сюда в данном случае потомков все увеличивавшихся в числе смешанных браков) характерным образом воспринимали свою мимикрию под “коренное население” (изменение фамилий, паспортных данных, утаивание своего происхождения в личном и профессиональном общении) уже не как подчинение требованиям системы, а скорее наоборот, в качестве, так сказать, попытки сопротивления этой системе, стремящейся “разоблачить” их еврейское происхождение и “остановить” их социальное движение”. Эта ситуация только на первый взгляд кажется парадоксальной и далеко не единична в истории. В пример можно привести “марранов”, принужденных к переходу в христианство евреев Пиренейского полуострова (той их, численно большей, части, что изо всех сил стремилась к слиянию с христианским населением), - также и им в течение многих поколений приходилось сталкиваться на практике с общественным отторжением, противоречащим теоретическим установкам католической церкви и испанского государства. Пять веков, однако, даже при пересчете с учетом “исторического ускорения”, несопоставимы с семьюдесятью годами Советской власти. В результате от нескольких сотен тысяч марранов к сегодняшнему дню осталась одна-единственная крошечная деревенская община в Португалии, члены которой законсервировали свое еврейство с помощью упорного соблюдения тайных обрядов, воспринимаемых ими как иудейские. Потомки же остальных марранов (чье колчество в Испании, Португалии и некоторых странах Латинской Америки должно, в соответствии с законами этнографии, исчисляться миллионами) вряд ли даже и подозревают о своем “еврейском происхождении”. Можно сказать, что “окончательное решение еврейского вопроса на отдельно взятом Пиренейском полуострове увенчалось полным успехом” но потребовало гораздо дольшего времени, чем рассчитывали в 1492 г. Изабелла Кастильская и Арагонский Фердинанд”.

[9] Я. Н. Гольдштейн. Введение в заблуждение. Исторические очерки 1978-98 гг. Рукопись, ок. 630 стр.

БЕДНОМУ ЖЕНИТЬСЯ И НОЧЬ КОРОТКА

Журавлиным нестигающим шагом Лилька уходит налево (а в зеркале я вижу сквозь ресницы, как сквозь волны радужно-ключей проволочки - направо) - к маскировочному лесу, прикрывающему базу ВМФ со стороны материка. Голубоватая светополоса от авианосца, возмешкая уклонение лыжни собственным движением туда же, сохраняет бегущую на месте лыжницу внутри себя: помпон подпрыгивает, под ним лыжный шлем как бы дышит своим сужением, локти ходят в противотакт лыжам, в плечах она становится все меньше, оставаясь ниже все та же, как бы даже укрупняясь. Издали вполоборота похоже на старую цыганскую лошадь и одновременно на ее круп. В расширении лыжни перед ней - колченогий куст персидской сирени, из тех, что в прошлом году высаживал полуидиот Яша в обозначение северо-западной границы будущего вишневого сада. Оставляет палки волочиться на брезентовых петельках вокруг кистей, освобожденными кулаками с наклоном упирается в раскоряченные коленки, отталкивается и, выстрелив вверх руки с запаздывающими палками, подскакивает на косолапых лыжах - но невысоко: куст прохлестывает ей *между* здесь, - так ей и надо! - сгибается, затем в два приема вытискивается сзади, - и остается дрожаще качаться, надломленный. Вдоль всего позвоночника - от шеи до копчика - передергивает внезапным холодом. Или "до кобчика"? Кто птица Ленинградской области, отряда хищных, семейства соколиных? Я подволакиваю к переносице какое ближе из семи пограничных одеял, но теплее от этого не становится - но темнее и бездыханнее. Эти ее рейтязы, когда натянешь, достают почти что до самой груди, у них два отдельных тепла - свое шерстяное и ее кожное; между штанин (по шву и в глубине рифлей) они влажноватые и - не будь у меня насморка - немного пахли бы сушеноей таранькой. Малиновая мохеровая... мАхеровая кофта, какими в Одесском порту торгуют из-под полы шотландские матросы (в клетчатых юбочках по вывернутые волосатые коленки, в набекрененных беретах с коротко-шерстыми помпонами), в рукавах коротка, но на груди отлегает пустой мохнатой складкой. Кофту она не носит, говорит: щекотится. Ладони обжигает морозом. Остальная

кожа пылает между моим ледяным мясом и ее едва что теплыми пухом и шерстью поверхности-тонко, не отогревая ни того, ни этих. Я начинаю съязвома длинно вздрагивать и в противотакт этому вздрогиванию стискивать сыпкие, скрипкие зубы то на том, то на этом крае челюстей. “Тетечка Циля, я только на минуточку, - кричит из прихожей Лилька. - Вы не спите еще?” Вернемся в Ленинград, надо будет идти подрезать “уздечку” под языком - у меня “обратный прикус”.

Когда вырасту, я стану моряком и писателем, как Новиков-Прибой. Проклятую генуэзскую скрипку я отдам сыну Перманента и Лильки, если он к тому времени родится. Пусть играет “Капризы” Паганини, сводя Жакелину Яковлевну Голод с ума. *Деточка, я хочу тебе сделать замечание: прижимай подбородочек получше - инструмент антикварный, стоит без'умных денег!* Пусть сходит - нам она не тетка, как всегда шутит папа-Яша, отчим (в юности он у нее учился игре на треугольнике). *Как там нететка Голод*, всегда приписывает он к маминым письмам из Коми АССР, все такая же зверепая? Нет, не буду я играть *аф дем фидл*, хотя это везде кусок хлеба, хоть в Коми, хоть в Нью-Йорке, хоть на Луне - я напишу лучше о буднях Н-ской военно-морской базы Дважды Краснознаменного Балтийского флота книгу под названием “Полуостров Ж.” - очень хорошее название для военно-патриотической книги, есть в нем такая скромная досаафовская величественность. Уже даже в самом слове “ДОСААФ” звучит что-то почти библейское, какой-то библейский холод - “Иосаф”, “Саваоф”, “Осавиахим”... В книге будет рассказываться, как финские или израильские шпионы приплыли на катере в одну нашу пограничную зону где-то далеко на северо-западе и украли одного мальчика из местных, чтобы узнать у него порядок службы, и кто за кем следует, и что к чему относится, и где что спрятано, в смысле замаскировано, и все военные корабли по именам, и пограничных собак. Мальчика все ищут, с овчарками, с радарами, все в прикордонном поселке - и военные, и штатские - сильно волнуются и посильно помогают розыску. И все его сестры, накинув наочные рубашки заледенело развевающиеся плащ-накидки, в сбитых кирзовых сапогах на босу ногу бегут-бегут-бегут по снежной кромке нефтяного Балтийского моря, аукая, с факелами... “Да нет же, тетечка Циля, не беспокойтесь, я

не раздеваюсь даже, у меня мальчик там... Ну разве полчашечки!" Двоюродная бабушка Циля, оттягивая на низ многоскладчатого живота тельняшку, а под его наинижнюю, самую могущественную складку подтаскивая и подсовывая верх синетрикотажных тренировочных шароварчиков (прорезиненные ушки их отвернутых до колена штанин волнисто свисают сзади на бледную изнанку подворота), поднимается (в росте почти не увеличившись) из-за коробчатого кухонного стола, где они с дядей Яковом, кавторангом интендантской службы в буденновско-ассирийских усах, в желтой футболке с потекше-передернутым олимпийским Мишкой между полных грудей (оволосенных в виде двухглавого орла, выглядывающего на ключицах седыми курчавыми головками - стыдно, Язычник, уж от тебя-то я не ожидала! - двуХ-гОлОвый теленок, но дву-глАвый орел!) и в пижамных штанах, просторно исполосованных по вертикали нежно-розовой узкой полоской, пишут "пулю" на сон грядущий - "сочинку с гусаром" по одной тридцать второй копеечки вистик. Бегом отомкнувший Лильке дверь, дядя Яков уже обратно сидит за кухонным столом - отбивает дуло "казбечины" о посеребренный портсигар с выдавленным на крышке крейсером "Аврора", скося назад трубы плывущим из левого нижнего угла в правый верхний, - и подозрительно-зорко смотрит в капитанский бинокль на прикуп. Переносной транзисторный радио-приемник "спидола" шуршит у его локтя. Пока двоюродная бабушка Циля ходит за чистой чашкой (и ушки от треников вяло постегивают ее, то и дело приостанавливающуюся для вздоха и вдоха, в низкие вздутые икры), дядя Яков, по-родственному приобнимая вокруг поясницы, присаживает Лильку к себе на матрацное колено. "Ну, как жизнь молодая? Бьет ключом и все по голове?" - спрашивает дядя Яков.

- ВЫ СЛУШАЕТЕ НА ВОЛНАХ РАДИОСТАНЦИИ "РЫБАК БАЛТИКИ" ПЕРЕДАЧУ "ДЛЯ ТЕХ, КТО В МОРЕ". ПО ПРОСЬБЕ ВЕТЕРАНА ФИНСКОЙ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙН ЦЕЦИЛИИ ЯКОВЛЕВНЫ ЯЗЫЧНИК-БРАВОЖИВОТОВСКОЙ ПЕРЕДАЕМ ПЕСНЮ "МИЛЛИОН АЛЫХ РОЗ" КОМПОЗИТОРА РАЙМОНДА ПАУЛСА НА СТИХИ ПОЭТА АНДРЕЯ ВОЗНЕСЕНСКОГО. ПОЕТ АЛЛА ПУГАЧЕВА!" - тихо говорит "спидола" не мужским голосом и

мужским голосом и не женским, а каким-то плывуще-
русацким сквозь замедленные шуршание и треск.

Сжимаясь, дробно вздрагивает живот; напрягаясь, вытягиваются струнаю ступни и икры - сейчас запоют. Мне щекотно и холодно в Лилькиной холодно-щекотной нательной одежде, связанной и свалянной из мертвых шерстяных червяков - даже и под семью пограничными одеялами щекотно и холодно, под бесшерстными, серыми, с двумя узкими черными полосами вдоль коротких концов на каждом, а между полос - полустершийся фиолетовый штамп: "п/з ПЖ" в лежащем овале. Я подтягиша к груди колени с заложенными под них ладонями, поднимаю плечи к щекам, скрещиваю зубы, свожу и развожу лопатки. Того гляди, явится-не-удавится Перманент, качаясь и заплетаясь на своих длинных лыжах "советская Карелия". А *ид а шикер эргер ви а гой а стахановец*, загадочно говорят Бешменчики. Если только его не похитят на обратном пути инопланетяне, прошляпленные майором Кадырчуком. Покойный литературный критик Перманент-старший по секрету рассказывал гостям на Лилькиной с Яковом Марковичем свадьбе в ресторане "Москва", что внутри Луны есть еще одна планета, поменьше, и на ней находится база "летающих тарелок", откуда они к нам летают, что под видом якобы детской сказки описано у писателя Н. Носова в книге "Незнайка на Луне", которая поэтому больше не переиздается, и у директора "Деттиза", его приятеля и однокашника по Институту красных журналистов в Витебске, были неприятности с органами. Внутреннее устройство Луны - это наша государственная тайна. Неприятлю оно тоже известно: когда американцы туда высаживались, у места спускания сидели рассыпным полукругом на камешках инопланетяне всех пород и неподвижно смотрели на спускаемый аппарат - как суслики, тушканчики и луговые собачки: *Ебтыть*, сказал как там его звали, американец этот спущенный: *А это еще кто такие?* А те ему хором телепатически: *Чтоб это было в последний раз, понял?!* И это тоже государственная тайна, но уже не наша, а штатская. В смысле американская. А еще некоторые люди самовозгораются: идут на лыжах пьяные по маскировочному лесу, пшик из бушлата столб огня кверху - и пустая, даже не согретая пламенем одежда оседает на зады еще движущихся вперед

лыж, а шапка опаздывает, падает в пустой исполосованный снег. ...Лестница скрипнула, нет? вверх или вниз? Если придут Жидята делать погром, у меня на тумбочке есть длинная граненая ваза из тяжелого стекла, а под кроватью скрипка. Пусся-Пустынников из нашего класса не может без смеха слышать словосочетание “спускаемый аппарат”; красной ладонью в царепинах и цыпках он плашмя хлопает Исмаила Мухамедзянова по передку и два раза со сдержаным иканием повторяет: *спускаемый аппарат, спускаемый аппарат.* Ну, ребя, я усыываюсь! Все в мальчиковой уборной на третьем этаже так и легли, за исключением перегнувшегося и попятившегося Мухамедзянова. Учился бы я “Каприсам” у Жакелины Яковлевны Голод не на скрипке, а, к примеру, на виолончели или на басовой балалайке, мог бы сейчас спокойненько лежать под кроватью в футляре и дожидаться, пока они там все погромят и уйдут несолено хлебавши. Но запираются ли такие футляры изнутри и пролезает ли сквозь замочную скважину дыхательная соломинка, как у подводных запорожцев?

- Чего, кстати, пацанчик-то ваш? - интересуется старший-лейтенант Чутьчев. - Чего сегодня у чухны надыбал? “Плейбойчик”, скажем, есть? Или акафисты преподобного Иннокентия Таврического с золотым обрезом?

Перманент, отведя назад и чуть склонив к левому плечу продолговатую голову с мыльным гребешком на подбородке (гребешок местами потемнел и слегка с боков встрепался от стекших на него по усам капель “андроповки”), из-за засвеченных очечных стекол смотрит расширенными зрачками поверх и мимо замполита - на маленькое застекленное фото Министра Обороны Маршала Советского Союза Д. Ф. Устинова в простенке между окон “ленинской комнаты”, набухшие полных катящегося голубого, и неподвижного черного, и мигающего желтым Балтийского моря. “Яшук, ты чего? Совсем окосел, сокол? Женщинам и детям больше не наливать?” - спрашивает Чутьчев. - “Висит косо, - сообщает Перманент своим высоким равнодушным голосом. - Надо чуть-чуть нижний угол налево двинуть. ...Ну библия есть. Ветхий и Новый Завет с параллельными местами и картой Святой Земли. В синодальном переводе”. - “В синодальном

переводе?" - "Да, в синодальном". - "Нет, старик, не утоваривай. Все равно не могу. Куусинена - не могу. У него мигрени. И блохи. ...И подумаешь, карта! Карт у меня у самого в планшете хоть жопой ешь! А что такое "с параллельными местами"? "...Ну, конечно, бедному жениться - и ночь коротка, - укоризненно говорит двоюродная бабушка Циля. - Куда ж ты смотрела раньше, мишутина? Температура есть? Компресс делали? Так он не пойдет завтра в кино? Жалко, такой хороший фильм будет. Я уж и билетик ему отложила..." Лилька, утвердивши, после некоторого ерзанья, свои (под обвисшей адиасовской шерстью до косточек раздавленные) попины поперек дяди Якова полосатых коленей, также и въемом прислоняемой левой деки вписалась, наконец, в твердое закругление его живота и как раз дозаталкивает бутерброд с колбасой "деликатесной" из мяса степных животных большим пальцем в угол утянутого к уху рта: "Да не волнуйтесь вы так, тетечка Циля. Ему уже лучше, честное слово! - он пропотел, теперь спит. А в случае чего там Яник!" - "Малэнкий - жолтый - птыц! - с грузинским акцентом говорит дядя Яков. - Напатэлса - ы спыт!" Он выпукло смотрит сбоку-сзади в бинокль на Лилькину оттопыренную бутербродным ломом щеку, на припухлый ободок ее круглого уха, шевелящегося - как бы извивающегося - под белыми завитками, на качающуюся мочку с пустой короткой прорезью, на короткую блестящую шею, прошитую очередями темно-малиновых родинок и "в елочку" застеленную поверх точечной черной щетинки редко-золотистым подшерстком. От его слов и дыхания мягко подпрыгивают толстые белые локоны на затылке, обнажая подросшую темноту корней - и, медленно накрывая ее, опускаются по местам. *Наверх вы, товарищи, все по местам, последний парад наступает...* "Родной волос у нее, - как говорит парикмахёрская мастер Маргарита, - цвета простого карандаша волос у тебя, хороший, густой... раньше, наверно, вился..." Нет, это в пакгаузной лестнице все та же шестая ступенька продолжает рассыхаться - уже позапрошлым летом начала, и сколько же раз говорила полуидиоту Яше его мать Раиса Яковлевна, хозяйка пакгауза: плохую ступеньку поди почини, *сказал кочегар кочегару*, а он так и не собрался, все сад сажал и, морщина лоб, сидел с колбасой на голландских кирпичиках.

никого там не всходит и никого там не сходит. Все верхние сестры, слава уже Богу, спят как убитые. Но эти-то, эти - почему они еще не вернулись? Может, поехали с утра на финских санях в Выборг, в районную комендатуру - подавать на нас заявление, что мы якобы... - и запропали в болотах? ...А капитан того вражеского катера - как раз папа того мальчика, которого похитили. Он - белофинн, много лет назад улетевший на бензопиле "Дружба" в Финляндию - или в Израиль? - и воротился теперь под покровом ночи, чтобы узнать государственные тайны и выкрасть своего сына вместе с антикварной скрипкой, которая национальное достояние и стоит безумных денег. До рассвета он должен успеть уйти в нейтральные воды, где его поджидает американский броненосец, потому что на рассвете меняется с дежурства начПВО погранрайона майор Кадурченко - нет, лучше Кадырчуха, - которого вражеская разведка подкупила двумя номерами журнала "Плейбой" и акафистами преподобного Иппонектия Таврического с золотым обрезом. Ночь неудержимо уходит, а сын ничего не говорит. Можно было бы такое кино снять на киностудии имени Горького (Перманент собирается, с прицелом на эту студию, писать историко-революционный киносценарий "Надежда умирает последней"; там в худсовете один есть член, его покойного отца-критика сослуживец по "За Родину, за Сталина!" - намекала Марианна Яковлевна) и начать показывать это кино в клубе Балтфлота и в "ленинской комнате" погранзаставы вместо "В джазе только девушки" - действительно, сколько же можно одно и то же, все одно и то же, все одно и то же самое, в самом деле?! На отличников боевой и политической подготовки стекает уже с экрана страшный, кондитерский запах смерти. А меня так от этой вечной Мерилин Монро уже просто тошнит! - просто передергивает и сводит челюсти от этих ее скачущих невозмутимо сисек, от этих ее толстых, заходящих одна за другую ног, от пергидрольной белизны неподвижных волос, от диких, раскосых парикмахерских глаз - от всего ее, отмеченного проклятием полубессмертия на растресканном полотне. Интересно только, "сиповка" она все-таки или "королек"? Она "костянка", тускло улыбаясь и сплевывая с крыши на утихающую махаловку, говорит никуда и никому Вовка Субботин. Его лицо в июльских сумерках, как безносый

рентгеновский снимок - смутно белеют волосы и скулы, но глубоко чернеют глаза, щеки и рот; передо ртом малиново вздыхает уголек цигарки. Когда я был маленький и мама разрешала мне писать сидя в ванне, никто и никогда бы меня не оставил больного в ночи одного!

Перекрестив на груди руки, прижав локти к окончаниям ребер, я всовываю ладони себе подмышки и перекатываюсь на бок, чтобы только не сделаться таким плоским под тяжестью семи пограничных одеял, как они все: подмышки обжигает холодом, ладони жаром. Перед глазами медленно вращается, то темнея, то светлея, объемный с тусклово-сияющей золотизной и проголубью крап - как отдельное узкое небо в неразличимо перемешанных звездах. Одна звезда не такая, как другие - кажется ниже и неподвижно подрагивает в расплывчатом облачке. Тот, кто шел сюда, уже подходит ко входу в пакгауз. У него лицо, как у волка, черная шляпа и длинная седая борода. Он ставит тупоносый, облепленный болотной пропастью сапог на первую, полуусыпенную грунтом ступеньку крыльца (одна пола длинного пальто тяжело обваливается с поднятого колена) и, откинув назад голову (но шляпа за спину не сваливается и не освещается лицо), глядит (входя по сужающейся к узкому пестрому небу мелкоячеистой петровской кладке взглядом таким сосредоточено-острым, что кажется перекрещенным) высоко наверх, на низкие окна Жидят. В одном одна ставня и подлежащая створка распахнуты наружу, за тюлевой занавесью и сквозь вырезные сердечки остальных, захлопнутых ставен подрагивают в пересечениях желтых, белых и черных кругов разнодолгие разнодальние свечи. На подоконнике, перед неравномерно светящейся сетчатой шторой, стоит граненый стакан, до поверхностного натяжения налитый чем-то багровым. Он делает еще шаг (поднимается и оскользает вторая пола, сбитый вовнутрь полукруглый каблук оскользивается и осекается о кирпичную выбоину посередине ступеньки). Пошатнувшись, невидимой слабой рукой ухватывается за дверную ручку - за заусенчатое закругление заржавой Вильгельмининой подковы, до середины вогнанной рожками во входную дверь. Если оцарапаться, может быть сэпсис, говорит двоюродная бабушка Циля, когда нас навещает одолжиться привезенной из Ленинграда мацой: Дикость,

Трудно, что ли, ручку ошкурить? Никакого понятия о гигиене! - *Хазер блайбт а хазер!* - соглашается дядя Яков Бравоживотовский, еврейский интендант Балтики: Лично я бы откомандировал всех этих Сак-Исакычей пакгаузных к Цыпуну на недельку, всем ихним святым семейством - гальюны драить! Трудотерапия, понимаешь-знаешь! - Тэрапевт... Штаны подтяни, тэрапевт, иронически шевеля одною из разваренных кукурузных щек, говорит двоюродная бабушка Циля. - Да чего ты ждишься-то, Яшок? Как этот, в самом деле! Для земели, для корешбана закадычного ему паршивеньскую какую-то библию жалко, в ледерине, - тьфу! Как же, последняя она у него - разогни лучше и не загибай, жила! - наклоняясь через стол взгорблеными зелеными погонами, жарко дышит старший лейтенант Чутьчев. - ...Нет, Куусинена, исходя из вышеизложенного, конечно, не могу. А ящик тушеники - могу. Плюс три боезапаса к АКМу. Ты шевельни, шевельни мозгой, старианчик, - какие времена того гляди начнутся судьбоносные, как оно еще все обернется? Сечешь?..."

Когда мы завтра вернемся в Ленинград и я через неделю выздоровею... - когда я через неделю выздоровлю, я сяду на Суворовском проспекте в десятый троллейбус и поеду на Васильевский остров, в Дом ветеранов хлебобулочной промышленности, Косая линия, 10. Двоюродная бабушка Фира накормит меня на первое - куриным бульоном с кнедликами из мацовой муки, на второе - котлетами из райкомовского фарша, на третье единственным, что она берет в ветеранской столовой- черным, божественно-затхлым, пронзительно-приторным компотом из сухофруктов, а Бешменчики расскажут про междуцарствие, как оно все на самом деле на текущий момент выглядывает - Бешменчики умеют читать между строк в центральной "Правде" и слушать между слов закрытые политинформации в Василеостровском райкоме. Мы-то свое отжили худо-бедно, скажут они: а у тебя, вьюнош, вся жизнь молодая перед собой. Через годика три того гляди снова выпускать начнут, и как раз Женечка из Коми вернется (Декабристка! - скажет двоюродная бабушка Фира, входя с качающимся компотом в трехлитровой банке из-под березового сока), вы не тяните - едьте сразу же, как

от папаши твоего следующий вызов придет. Со скрипичкой нигде не пропадешь, хоть в Нью-Йорке, хоть на Луне. Балабатым-то наши уже сами уже не знают, чего делают, здесь скоро все начнет совсем кончаться - и вся старая жизнь с концами кончится, надо будет всю жизнь начинать сначала, как в другой стране. А если все равно новое, то уж лучше совсем новое, чем старое перелицовданное... - А выкреста-Яшку вашего, цацу эту, можете здесь оставить, если ехать не захочет, Марьянке на развод. "Добра пирога!" - добавит двоюродная бабушка Фира, вышлепывая в нестерпимо сверкающий линолеумом коридор к этажному холодильнику - за мохноспинными, на раскусе надувными "эклерами" от "Норда".

Когда вернемся в Ленинград и я выздоровою, в школе у нас как раз отменится карантин по кокандскому коклюшу - военрук Карл Яковлевич с топчана для искусственного дыхания вернется к себе домой, а его племянница с дочкой, так и не побывав на "Авроре" и в Эрмитаже, - обратно в Салехард. В мальчиковой уборной на третьем этаже, когда все, запулив по звонку разнокалиберные окурки в прожженный потолок, разбегутся в свои классы, я торопливо расскажу Пусе, как я тут на каникулах одну местную ляльку заклеил - настоящую взрослую продавщицу из ларька "Культтовары. Продукты. Керосин", между двух передних зубов фашист проползет: ну вылитая Алла Пугачева, вот с такими ушами! - и в обеденный перерыв мы с ней под прилавком сосались. Сосались, сосались и все ништяк, а потом я ей как вставил по самые помидоры! Ну ништяк, я тащусь! Есть такая маленькая птичка, тоже с больши-ими ушами, и зовут ее... - а как ее зовут, ты и сам знаешь, Язычник, не маленький! - скажет Пуся, но тревожно посмотрит на меня крохотным белым глазом. Бережно захабаренную о подоконник сигарету "Астра" он бережно опустит в нагрудный карман своей синей школьной курточки с небережно оборванными наплечными хлястиками, спрыгнет - шумно и брызгливо - на шашечницу сортира и небольно тыкнет меня в предплечье красными костяшками бледного кулака: Ну лады, Язычок, хорош тряндеть, трясти надо - попшли на литру... ебарь-ты-наш-перехватчик... сверхзвуковой... - а то Светлана опять разво-

няется, как хорек на закате. Нет, перед школой Лилька еще должна свести меня в салон на улицу Герцена стричься, то есть подстригаться, не то Светлана развоняется, как хорек на закате, что я хиппи. Подзатылочное углубление в шее обожжет раздвоенным холодом Маргаритиных ножниц, и по всему телу побегут мурашки с пупырышками. Но мельче, быстрее и острее, чем сейчас.

Когда мы вернемся в Ленинград, если там ничего, дай Бог, не случилось, не дай Бог, пока мы на Жидятине пережидали междусацствие; - тот, который после покойного К. У. Черненко Генеральный Секретарь (Гробачев?.. Грибачев?.. Карабачаев? ...) еще даже портрета его не видел, как он из себя выглядит: когда мы уезжали с больничными и на каникулы, на всех углах еще висели скучные беловолосые К. У. Черненко с черными ленточками на правых и левых нижних углах...) - он все-таки того человек, лысого... который был перед, в роговых очках: он, может, снова захочет ввести культ личности и все такое, и всех лиц еврейской национальности - в Биробиджан; или же наш секретарь обкома Г. В. Романов (такой антисемит, настоящий хулиган, рассказывали Бешменчики, они с ним на праздновании шестидесятисемилетия Великой Октябрьской революции в Смольном чокались) захочет ввести культ личности в Ленинграде и Ленинградской области, как сообщало Би-Би-Си, пока его так сильно не глушили (даже здесь уже глушат, в такой глухи запредельной и в холода - как пить дать это неслучайно!), а Генеральный секретарь на него из Москвы пошлет дивизию Дзержинского... надо будет спросить дядю Якова, за кого в таком случае будут Ленинградский военный округ и Балтийский флот. Если не введут культа личности, Биробиджана и комендантского часа, и будет ходить общественный транспорт, Перманент сразу же усвищет на Мориса Тореза мыться в ванне и менять белье, а я лягу на тахту в гостиной и начну смотреть телевизор: и "Служу Советскому Союзу", и "Сельский час", и "Телевизионный еж", и все новости, и все концерты популярной классической музыки, и все документальные и художественные фильмы какие есть, если какие будут. Лилька мне и то, и се, и зайчиком, и не хочу ли я чаечку, и как у там меня горлышко, и не холодно ли мне и не жарко ли - и так и будет бегать полувокруг тахты, тряся

мясами и волосами, а я буду лежать на тахте неподвижно-молча, уперев затылок в твердый скользкий подлокотник, и сквозь ее мельканье читать неподвижными зрачками уползающие наверх титры: "Телепередачу "Ребятам о зверятах" вела заслуженная артистка РСФСР Нелли Широких". Это фамилия пусть и диковатая, не на -ов и не на -ин, но чисто русская, сибирская, хотя тетя Нелли Широких сама-то евреечка, уверяет Марианна Яковлевна (у нее на Лентелерадио есть по Пицунде, по Дому творчества журналистов знакомая дама из доэфирного контроля), а фамилия - она по мужу, по педерасту Ростиславу. Ну, это у меня не считается, по мужу или не по мужу - я считаю во всех титрах только настоящие нерусские фамилии: Хиль, Магомаев, Кикабидзе, Кобзон. Когда больше десяти на передачу, я победил. Единственное только, что меня смущает: какие фамилии на -кий и на -ич точно русские, а какие нет, и считать ли за нерусские все на -енко, на -чук и -юк, на - уха, -юха и -еня, а также на -ун, как Цыпун, хоть он и китаец? "Ассистент оператора - Иннокентий Путята". Такие-то я теперь знаю какие они - как раз русские, даже древнерусские, типа как наши пакгаузные Жидята. Которые на - ник - те все точно нерусские. Все на -ник, кого я знаю - евреи, хотя бы частично - Салганик, Цырюльник, Гуральник, Шверник... ...Мичман Цыпенчук с озверелым китайским лицом и задранным в потолок "макаровым" врывается в радарную, за его левым плечом, которое ниже правого, - смущенный Яшка Циклер с автоматом Калашникова модернизированным. Пули со смещенным центром тяжести, отскакивая, как пингпонговые шарики, от осыпающихся стен и приборов, мечутся вокруг головы лупоглазого майора Кадырчени. "Кажи швыдко, надюка, и хде тот зашморканий пацанчик жидивьский!? Ну!?" - бешено выкрикивает мичман и твердой рукой опускает на предателя вороненый ствол. По центру морщинистой кирпично-желтой перепонки между его большим и указательным пальцами выколот голубенький якорь, поджавший круглую лапку. По-за его плечом Циклер, отдувая от ноздрей заляпаные соплями ленточки, пытается укротить припадочно трясущийся и стреляющий автомат, который заело наоборот. "Не розумио, пане..." - Кадырчена привстает на полусогнутых, из его рывками поднимаемых рук выпадает толстая

краснокожаная книжечка с золотым обрезом - и, как китайская крыша с отогнутыми вверх уголками, встает на приборной доске на расхлоп. В обеих... в обоих ее скатах-обложках по светло-алой пористой коже сытым золотом вытиснены одинаковые длинные кресты, похожие на недорисованные якоря. Со смущенным центром тяжести... С болезненной отдачей в левое ухо я всмаркиваю внутрь себя все, что всмаркивается, сглатываю, задержав дыхание, отгибаю носом уголок нижнего одеяла - и сквозь освобожденную левую ноздрю сразу же набирается на полное горло воздуху. По векам косым углом прокатывает перели-вающаяся голубизна. Носогорло на мгновение замораживается - немо и резко, как новокаином, когда в позапрошлом году удаляли аденоиды - потом так же резко освобождается; изнутри справа снова набухает несъедобная каучуковая сопля. Слева снаружи с оттяжкой - как часы - щелкает в шее кровь. Гортань морозно-ободранно горит. "Я же знаю - у тебя, горе ты луковое, и спирту даже нет на компресс! Твой же шмендрик в рот не берет, или?!" - восклицает двоюродная бабушка Циля. Дядя Яков тяжело подкидывает Лильку коленями, вжимающие ловит за бока (делая больше талии, чем когда бы то ни было) и укоризненно, одышиливо бормочет в темноту корней, в подзатыльочный золотистый подшерсток: "Говорил я тебе, выходи за военного, даже билеты на курсантские танцы в Дом офицеров доставал а ты кого напала? - Шкраба очкарого! Такая, понимаешь-знаешь, оказия, а у мужика, понимаешь-знаешь, даже спиритуса нету! Тоже мне, дежурный по апрелю! Ну, - как бы сказала тетка Бася - бачилы очи, шо купували. На Балтфлот теперь не жалься! Мы все, что могли - зробили!" - "Дядечка Яков, что ж вы моего родного мужа так стибаєте? Как еще обижусь и еще как!" - весело-тягуче угрожает Лилька, своей уже волей подпрыгивая на его коленях, но не оборачиваясь. - "Не трогай девочку, интэндант! - грозно останавливается двоюродная бабушка Циля. - Ей с ним жить, не тебе! ...А ты не жестикулируй ногами, Вера Холодная! Слезай с него, с бурбона охамевшего, я тут как раз отлила себе в медпункте капельюшечку... на компрэс-сик".

У Генерального Секретаря в тайной комнате в ЦК КПСС есть такой Генеральный Секретер, в нем за обычной полиро-

ванной дверцей - еще одна, железная, а за ней - красная кнопка. Если он на нее нажмет, наши ракеты полетят на Америку, Финляндию и Израиль, и начнется третья мировая война. Но ключ к Генеральному Секретеру есть только у одного Секретного Генерала атомных войск, без него до кнопки никак не добраться, а кто он и где - никто не знает: это и есть Генеральный Секрет! - рассказывал Исмаилка Мухамедзянов на чердаке дома номер четыре по Поварскому переулку. У него дедушка Герой Советского Союза - это про его жизнь сняли фильм "Семнадцать мгновений весны", он был разведчиком в ставке Гитлера и штурмбанфюрером СС, а теперь староста мусульманской мечети на Кировском проспекте. Наверное, это он собственноручно отстригал Исмаилке крайнюю кожу с конца, а затем четыре Исмаилкины бабушки, дедушкины нелегальные на три четверти жены, замешивали ее в праздничный бешбармак.

На губах у меня уже не осталось пленки - и губное мясо бы вывалилось и вылилось на подушку, когда бы не замерзло. Зубы до корней выступили из десен и ноют, хотят быть прикушены - но это не зубное, это простудное. К зубному-то все равно надо будет идти, когда я выздоровлю - в поликлинику на улицу Чайковского - подрезать "уздечку" под языком, из-за которой у меня приоткрытый рот и обратный прикус. Мы с Лилькой там уже перед каникулами были, но, когда меня положили на стол-каталку и захотели сделать заморозку в нижней десне, я заизвивался и замахал непривязанными ногами; одной из них я ударил в подыхало знакомого хирурга Марианны Яковлевны, а другой - медицинскую сестру в грудь. Медсестра хлопнула шприцем об пол и выбежала из предбанника операционной, хрустя и сдирая халат; знакомый хирург Марианны Яковлевны перегнулся, попятился и отказался делать операцию - сказал, что в жизни таких сволочных детей еще не видел и чтоб меня больше никогда не приводили. *Пусть ходит с полуоткрытым ртом, как полуидiot!* Привет Марианочке Яковлевне! Теперь придется брать с собой двоюродную бабушку Фиру и Бешменчиков, чтоб они помогали меня держать, и нести медицинской сестре новый флакон духов "Быть может" производства ПНР, а врачу - еще одну бутылку четырехзвездочного молдавского коньяка

“Белый аист”, какой из Одесского порта привозят цыгане - через коктейльные соломинки они его пересасывают из цистерн винноаливного судна “Советская Молдавия” в старые резиновые грелки, типа как остывшая моя, кладут цыганок и цыганят с грелками во всех местах, будто они больные, на застеленные серыми пограничными одеялами телеги и, прицокивая мерину Вильгельмине и другим лошадям, бесконечным цугом через всю нашу безграницную Родину тащатся по окольным проселкам среди черствеющих в черной мокроте кормовых, зерновых и гречишных; по лесным, заплывшим звериной слюной дорогам; по только им ведомым гатям, переправам и бродам; при падении напряжения электрической сети продираясь сквозь дыры в колючей проволоке; и, со старой цыганской картой, прорисованной лиловым химическим карандашом в жесткой лошадиной мездре, по мирно стрекочущим на закате минным полям - через всю нашу безграницную от Черного моря до Балтийского Родину, от юго-западной государственной границы до северо-западной: домой, в показательный пушсовхоз “Первомайский”, где “Белый аист” переплевывается в пустые поллитры, купленные у продавщицы Верки в ларьке “Культтовары. Продукты. Керосин” по пятнадцать копеек штука из-под прилавка; переплевывать коньяк - чисто мужская работа, цыганки с цыганятами ею не занимаются, у них есть свое - гадать, нищенствовать, воровать (также и детей).

И у Лильки всегда рот полуоткрыт, как у полуидиота, но подрезать уздечку она пока что не может, так как ей нужен как раз такой рот для поступления в ЛГИТМиК: в этом году набирает режиссер И. О. Горбачев, он как раз такие рты любит. ...Вспомнил, нового Генерального Секретаря тоже зовут: не ГРИБачев, не Гробачев, а ... - Ну, говори, какой порядок службы, и кто за кем следует, и что к чему относится, и где что спрятано, в смысле замаскировано, и все военные корабли по именам, и пограничных собак!” Но мальчик молчит, глядит, отвернувшись, за борт катера - в черную балтийскую воду. Черный еврейский финн в темных очках, что сидит на корме у мотора сутуло и молча с автоматом “Узи” поперек коленей, взглядывает на фосфорический циферблат под обшлагом бесшумной штурмовки, спускает с

невидимо оттопыренной губы ослепительно-белою слюнку в невидимо чмокнувшее Балтийское море и что-то такое говорит отцу мальчика на ихнем тягучем кюлле-мюлле. Мальчик понимает, что ночь на исходе - они должны его или здесь убить, или забрать с собой в Финляндию, где у них стоит в ЦРУ такая машина, которая считывает прямо с мозга государственные тайны.

Лилька сползает с дяди Якова полосатых колен, приподнимая по очереди бедро, потом другое, подтягивает шаровары, затем одной рукой отаскивает кофту по пояснице вниз, а другую - с быстрым жужжанием замыкающейся молнии - поддергивает кофтино горло вдоль своего собственного наверх: до самого кончика носа. "На вот", - полуутвернувшись двоюродная бабушка Циля, по мере возможности изгинаясь и по мере невозможности в мелкую притопку проворачиваясь вокруг своей оси, приподняла на бедре тельняшку и просунула два пальца под резинку треников, за рифленый толстошерстяной чулок, множеством плотных матерчатых защелок пристегнутый к гигантскому перламутрово-розовому поясу. Из-за чулка, с верхней ноги в синих петлях и желто-коричневых извиах она вынимает дюралевую фляжку цвета хаки - плоскую, продольно вогнутую с нательной стороны - и протягивает ее Лильке. "На вот, на компрэсс", - повторяет она, встрихнув серебряно-сиреневыми короткими волосами. Лилька нерешительно принимает гладкую теплую фляжку и вертит ее в руках, примеряясь, куда бы засунуть. В лыжном костюме у нее карманов нет. "Ну, я пошел, - говорит Перманент, раздвоенно глядя перед собой на стол, но не поднимаясь. - Засиделся я у тебя, стариашка. Завтра вставать ни свет ни заря". - "Вот ты, Янкель, всегда так, сколько я тебя знаю. Всегда кайф ломаешь. Сидим же, выпиваем, как люди, все нормально... А ты вдруг, как этот!.. Одним словом, мы им, русские, все, а они нам, русским, в сапог серут! Ну подброшу я тебя потом, ей-богу! Вернется Макарычев - и подброшу! Только еще фланкончик зачистного очистим, запряжем Куусинена - и поедем. ...Что значит -не могу"? А через "не могу"?! ...Так, а это еще кого черт принес? Войдите, мать вашу за ногу! Да не ломись ты, ексель-моксель-минарет! - знамя части сломаешь! Товариц ефрейтор, какого беса... Что-о?" - "Да куда ж ты в ночь

попрещься, шалая ты девка?! - быстро смешивая карты, говорит дядя Яков с табуретки. - Там же мужики пьяные, волки, черти что! Ночуй у нас на пухифке, а с ранья я машину вызову, подберем твоих малахольных - и я вас прямо до Питера домчу, раз вы всяким таким глупостям верите обывательским и вражеской пропаганде. Мне все равно надо за гвоздями, горбыльком и штакетником". И он желтым языком подталкивает кверху свой слегка опустившийся левый ус и по очереди мигает обоими желтыми глазами в направлении черного телефона без наборного диска, что, рядом с соломенной хлебницей и палехской солонкой, стоит на холодильнике "Юризань" и через коммутаторную соединяет дядю Якова с мичманом Цыпуном и каперангом Черезовым. Телефон звонит, дрожа трубкой. Лицо дяди Якова принимает военное выражение. ...Вдоль колючей проволоки с нашей стороны, цепочкой по одному крадутся от поднятого шлагбаума черные тени в светлых барашковых шапках - у каждой подмышкой что-то длинное, завернутое в овчину. С той стороны проволоки - свистящей полосой темнее ночи мчит курьерский Хельсинки-Москва, боковым ветром от него еще пуще пригинает сутульые тени, отгибаet уши у шапок. Считать их - не пересчитать, имя им - дивизион. *Поженился Як на Цыпе, Як-цыдрак на Цыпе-дрипе, Як-цыдрак-цыдрак-цыдрони на Цыпе-дрипе-лиллом-пони...* ...Странная, низкая, расплывшаяся звезда стоит над полуостровом, не такая, как остальные - попадая в голубую волну от авиаматки, она не растворяется, не исчезает вместе с другими, но жесткоребро загорается маленьким жестким серебром, еще пуще твердеет в настенном зеркале. Я опускаю один за одним и подворачиваю все семь уголков серых пограничных одеял, у меня под ними потный холод, всклокоченная пустота, мелькающий мрак. В попе у меня грязное пространство, а в носу некрасиво от плаканья. Ночи осталось немного. Когда я завтра скоро проснусь, Лилька и Перманент уже будут дома и мы сразу уедем домой. Хозяйский малой тогда уже тоже нашелся, сидит рядом с полуидиотом Яшей на голландских кирпичах у летней кухни и глядит не шурясь на блеклое финское солнце. Телеграмма из Коми с зайчиком лежит в почтовом ящике, джинсы - в серванте под простынями. Луч с авиаматки медленно приближается к шпионскому катеру. "Ну, сынку, сыграй-ка нам с

Якко какой-нибудь “Капризец” Паганини, а мы подивимся, чему тебя научили твои большевики!”

* * *

Тот, кто взошел на крыльце, стоит неподвижно в сенях, не зажигает света, чуть покачивается на носках неопределенным сгущением тьмы в темноте - выбирает, куда дальше: наверх, к хозяевам... прямо, в кухню к Перманенту и Лильке... или налево, сюда, ко мне. У него лицо, как у волка, черная шляпа и длинная седая борода. Узкими зрачками, блестящими сквозь припухлые веки, он видит нескладно уложенные вдоль стен ребристые дровяные чурочки, видит мятые ведра с глазастой картошкой, видит полупустые ящики из мокнатой фанеры с распрямленными гвоздями и ржавыми подковами внутри и с красными, разомкнутыми в сочленениях буквами п/з ПЖ снаружи. Дверь в кухню слева, понизу и поверху очеркнута светом. За дверью что-то сопит, присвистывает и охает, потом замирает и возвещает бархатистым баритоном с нерусской растяжкой: “...СЛУШАЕТЕ ПРЯМОУ ТРАНСЛЯЦИЮ ИЗ КАТЕДРАЛЬНОГО СОБОРА ИМЕНИ СВЯТОГО ПАВЛА В ЛАНДОНЕ...” Потом, чокнувшись и свистнувшись, взлетает голосом торжественно-женским: “ДАРАГИЕ СЯБРЫ! УСЛУЧЧЕЕ У НАШЕЙ ЖИЗНИ СВЯЗАНО С ПИСНЕЙ. А ПАСЯМУ СЕДНЯЩНЮЮ ПЕРЯДАЧУ МЫ ПАСВЯЩАЕМ ЕЙ!” У меня в комнате потный холод, скомканная пустота, прокатанный за оконной голубизной мрак; ничто больше не шевелится. Он беззвучно вздыхает и ставит ногу на первую ступеньку ведущей на чердак к Жидятам лестницы.

Лестницы бывают двоякого рода: 1) якобы лестницы и 2) лестницы для всякого-якого.

И даже шестая ступенька не скрипнула.

“МИЛЛИОН, МИЛЛИОН, МИЛЛИОН АЛЫХ РОЗ” - с устроенной громкостью заводит “Сакта”. Но я ее не слышу.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я - человек духовный. Хотя: вечно где-то жмет, давит, тошнота с самого момента как просыпаешься, воздух для легких силком выдираешь, шаг за шагом, шаг за шагом, кажется, никогда не дотянуть до вечера. Но духовностью превозмогаешь: упираешься взглядом, то есть не глазами, а другим, посторонним, зрением, которое и в темноте, и там находишь свою бессловесную точку, бессловесную, потому что не о молитве речь, да и тебе никаких знаков, никаких пятен света на сетчатке, даже если как следует сжать веки... и уж найдя эту точку, больше ее не отпускаешь, и она ведет, вниз, вниз, еще вниз, а потом и наверх, сердце заходится.

Никакой уверенности, однако, что сможешь и потом, через неделю. Не сделаешь частью жизненного опыта. Из ненавистных фразочек Ревзина: "сделать частью жизненного опыта", словесный гной, который у меня из всех пор... представишь, скажем, тюрьму, сразу паника охватывает, адвокат слышать не может, получается, я о тюрьме предполагал, это ему ломает защиту. А я ведь не специально о тюрьме. И о больнице тоже - везде, где теснота, вроде как собака, когда заперли и забирать уже не придут. И, главное, нету никого, то есть даже тех, кто не приходит забирать, их нету, не существует, если понимаете, что я имею в виду. Но ужас испытываешь только представляя, загодя, а как доходит до дела, все устраивается, превозмогаешь минуту за минутой, шаг за шагом. Все той же духовностью.

Соседом у меня немолодой уже... ага, заворочался, это что-то животное: моментально чуют, когда про них. За убийство. Кого-то из своих, но все равно поразительно, как может администрация не принимать во внимание такие элементарные вещи. Власти деградируют. И этот их запах, особенно когда прошел дождь - тогда сильнее чувствуется. По крайней мере дышит ночью ровно - нервы у меня все еще... И разговаривать не надо. Так что объективно - опять отвратное ревзинское словечко - условия вполне терпимые. Не факт, что

в одиночной было бы лучше. По нужде, конечно, неудобно, но сознания не теряю.

Адвокат, тот добивается перевода в другую камеру, ему важно, что не могу с арабом, что у меня, как он выражается, анамнез, личная травма. Когда съехал от Лидии, обосновался во времянке на краю поселка, у самой ограды. Одно название ограда, кому надо - всегда, бывали уже случаи и не один, их деревня справа, у подножия холма, детям строго-настрого наказано не спускаться в вади, но старшие, разве их удержишь, прибежали, глаза расширены от ужаса, ночью измаявшись пока уснешь, "люгер" приходилось держать заряженным под подушкой, есть предварительное заключение от психиатра округа, такая у него линия, у адвоката, я не мешаю, хотя на мой вкус для казенного он слишком старается.

Со сном и вправду... во времянке никогда не бывало по настояющему темно, даже в безлунные ночи. В стенах полно щелей, снаружи просачивался белесый туман, колыхался у самого лица, влажно щекотал ноздри. Мог так часами лежать, вдыхать, ловить шорохи, до автоматизма доводя, повторять мысленно три или четыре, это смотря как считать, самые важные движения. Заведенной назад левой рукой рвануть из-под головы подушку; перехватить правой освободившийся "люгер", напрячь мышцы живота и, лишь самую малость приподнявшись на локте, почти не целясь... Кровать напротив двери, оттуда и ждал. Только ближе к рассвету и то не каждый раз позволял себе проделать уже с самим предметом, хотя особой надобности не было: мысленно прекрасно усваивается. Поручиться не поручусь, но по ощущению где-то через месяц стал укладываться в четверть секунды. Адвокат из меня всю душу вынул, добивался знать, когда начал тренироваться, в смысле, что после 17 июня, когда в поселке убили недотепу, сторожившего склад стройматериалов, как будто ради арабушей с их деревенской неповоротливостью стоило достигать такого совершенства.

Убраться из Иерусалима была идея Лидии. Раз в несколько лет никогда до конца не отпускающее ее внутреннее беспокойство, накопившись, прорывается и требует кардинальных жизненных перемен. Выдернули мальчиков из единственной в городе приличной школы. Видеть мне их не

хочется, тут Лидия права, что не приводит, ни к чему это, хотя сама-то могла, пусть поджав губы, она если что вбьет себе в голову, вычеркнула меня, видите ли, из жизни, прямо вот такими словами, мерзость, читает женский журнал? Но если не она, то кто? мы ведь еще даже не разведены до конца. С другими-то ясно - кому хочется в такое дело соваться. Хотя уверен, что Ревзин-то меня с самого начала понимал, то есть мог предполагать и даже где-то подталкивал. Мы с ним о многом в свое время переговорили, не прямо, конечно, намеками.

В конце концов все случилось не совсем как намечтал. Почему-то представлялось, что вначале замечу тень в окне справа: вот он там, снаружи, затаился на секунду, а теперь крадется, невидимый, вдоль стены, поворачивает тихонько ручку и, стараясь не скрипеть - только как тут не скрипеть... О том, что я дверей не запираю, разговоры по поселку шли давно, даже Лидию ко мне подсыпали - вразумлять. Для адвоката здесь неудобный момент, хочет провести как парадоксальную форму страха. Мне трудно судить.

Между прочим, я в первые дни исправно накладывал засовы, это только потом. Важно было предусмотреть каждую деталь: когда счет идет на доли секунды, нельзя пускать на самотек. Потому и перестал запирать - эти мгновения, пока медленно-медленно поворачивается ручка двери, стали мне необходимы, чтобы внутри все затихло, та самая безмолвная точка. Мой араб может сутками молчать, но у него это исконное, звериное, тут нету обретенного покоя. Два с половиной месяца примеряясь, проживал еженочно... Пожалуй, и ничего, что напоследок не слишком удалось, я ту тишину помню.

Как перебрались в поселок, в тот же вечер свалил меня трипп. Жар чудовищный, голова раскалывается, но и в забытьи продолжаю, никак не насыщаясь, ловить звуки. Сперва помню только шаги Лидии, еще издалека, упорствовала тогда с высокими каблуками, тоже выход энергии, вот ближе, совсем рядом, глаз не открываю, наоборот, зажмуриваюсь сильнее, в висках стучит, меняет полотенце на

лбу, бульон? Теперь, постепенно затихая, назад, по еще не освоенному лабиринту дома, в конце которого уже совсем глухо ухает под ее рукой дверца холодильника. У нее длинные сильные ноги, жаль, когда-то носила короткие юбки, теперь себе не позволяет.

Постепенно стало разнообразнее. Старшему позволили играть гаммы, двое за стеной расставляли мебель, переговаривались на странном наречии, то и дело всплывали знакомые слова, казалось, вот-вот ухватишь смысл, румыны? Приходили из совета поселка, Лидия просила потише, чем только изнурияла, потому как не мог не прислушиваться, пытался разобрать, и к вечеру, когда снова ползла вверх температура, разгаданные обрывки фраз начинали безостановочно кружиться в мозгу, и кружились, кружились, успокаиваясь только после снотворного.

Позже обозначился баритон Ревзина, его уже никто не одергивал, тогда, видно, у них с Лидией и решилось, то есть наверняка теплилось намеком и раньше, он ведь инициатор был поселка, харизматический лидер, он и разрешение пробивал и с подрядчиками переговоры вел, в конце концов, не его ли наслушавшись, Лидия и загорелась-то идеей. Но это ж как: может хоть десять лет оставаться под спудом, пока не случится такой вот вечерний разговор на кухне, когда усталость от целого дня, когда дети по спальням, и их некстати, в самый переезд, когда столько сразу навалилось, заболевший отец, который и без того уже добрых полгода ничего не в состоянии делать, депрессия не депрессия, но на грани, она и решилась-то в значительной степени в надежде его расшевелить, перемена обстановки, д-р Блуштейн полагает, как назло ранние дожди, хорошо для посевов, уныние, и тут, совершенно необъяснимым образом на нее нисходит этакая ровная веселость, прикуривают от ее зажигалки, Ревзин улыбается ободряюще. Боже мой! это человек, который умеет слушать, и Лидия говорит, хотя нутром чувствует, что ничего страшного даже если она сейчас замолчит, пожалуй ей даже хочется этого, потому что каждая секунда, которую выдержат молча, будет наполнена, она знает, тут не может быть ошибки, нервной негой, как в

детстве, когда нечаянно дотрагиваешься до себя, там, внизу, а потом уже не нечаянно, еще раз и еще, и звенящая пустота вокруг.

Мне приятно представлять ее себе такой: стоит, облокотившись о буфет в полумраке кухни, сосредоточенная, с блуждающей улыбкой на лице. Накануне. Чтобы не вышло недоразумения: за Лидию я на Ревзина не в обиде. Замысел-то был мой. После всего этого поселенческого активизма - дебаты, раскол, дележ участков,очные дозоры в очередь, чтобы не растащили, постоянное возбуждение Лидии, - я нуждался в передышке. И она-таки дала мне передышку - как вылечила, оставила в покое совершенно. Тихая стала. Чувствовалось как трудно ей выныривать из тайных ее встреч, больше не тяготилась привычным нашим молчанием, наоборот. Случались трогательные срывы: подойдет сзади и обнимет за плечи, я, разумеется, сочувствовал, но с другой стороны, не мог впрямую ее подбодрить, дескать, не беспокойся, милая, я вовсе не про... наоборот, она бы тут же все поломала, пожалуй, и от Ревзина бы отказалась. Требовался подход в высшей степени деликатный, иногда надо было и нервозность показать, наорать даже, но, разумеется, по пустяку и несправедливо, чтобы укрепить в мысли: все правильно, так и надо; тут целый спектр разных ходов, главное не перегнуть, пару раз ловил себя, что в брюзжании моем можно различить вполне натуральную ревность, увлекаешься, не без этого, но в целом был собой доволен и даже начал искать работу. Вышел из депрессии.

Теперь с утра отправлялся в Иерусалим, старался обходить стороной те места, где могли быть наслышаны о скандале с моим последним увольнением, выслушивал советы, получал рекомендации, а то прямо при мне по телефону связывались, пару раз почти сладилось, в последний момент срывалось. Меня ничто не подгоняло: подрабатывал в поселке, Ревзин предложил, курьером, принял с радостью, нам обоим было выгодно, то есть он-то думал, что только ему, потому мне вдвойне.

Крутясь в городе, выправил себе разрешение на "люгер". Ненавижу, когда все зависит от неопрятной девки,

представления не имеющей каково нам там изо дня в день в окружении этих скотов, только и ждущих удобного момента, ненавижу ревзинское ханжество, его улыбочку покровительственную, дескать, никакой мистики, они тоже люди, в конечном счете им просто тоже хочется жрать. Это у него еще с армии поза, патрулировали тогда с ним и наткнулись на одного такого возле Французского госпиталя. Время шло к полуночи, и мы притормозили проверить. Араб был чем-то напуган, впрочем, у них ведь вообще нет промежуточного состояния: либо он пучит глаза и размахивает ножом, либо, когда прижмешь, шмыгает носом и косится в сторону; психология шпаны, на эту тему даже специальные исследования есть.

Наш был как раз в виноватой стадии... Беру, значит, его бумажонку с фотографией и связываюсь по рации проверить, я почему так подробно, потому что характерно для Ревзина. Ждем, это ведь время забирает, у них там другие дела есть. Араб начинает скулить, что едет на работу, ночная смена в ресторане, вот-вот будет последний автобус, а хозяин у него зверь; как хозяина-то зовут, спрашиваю, а он, вроде как не знает точно, Фельд... Фельд... пыхтит, язык сломаешь, ясно дело, не хочет, чтоб на нанимателя выходили, а может и что похуже на уме, поди их разбери. На другом конце про нас забыли, связываюсь снова, араб гундосит свое и нас нервозностью заражает. Дал по затылку, легонько, больше себе не позволяю, знаю, что не смогу остановиться, Ревzin же все это время как бы не у дел, просто топчется рядом, а он этого не выносит, ему обязательно высказываться, согревать шуткой, ласкать приятным своим баритоном, обладающим удивительной способностью заполнять собою как ватой все пространство, и уже не остается места ни для мысли вашей, ни даже для крика, он называет это речевой деятельностью, признает, что словоохотлив, такие ласковые припасены для себя словечки, любуется, сам себе и сын и родитель, разве что когда начал Лидию по укромным углам укладывать, выдался у него благодатный период, как она стал молчалив, о чем-то все задумывался, если бы у моря, сидел бы на берегу и веточкой по песку, у нас, в горах, оставалось ему только выходить на обрыв и смотреть вдаль, не помню, говорил ли

уже, что красив, медальный профиль, немного лысеет посередине, зато этот ни с чем не сравнимый коричневатый румянец, который путаешь с загаром, мог бы полюбить его такого, но он не дал, больно скоро оправился, не ведает человек, что ему ко благу; и тут видим, автобус из-за угла выворачивает, араб в истерике, рация молчит, то есть трещит, но ответа нет, и Ревзин не выдерживает-таки, влезает в самый неподходящий момент со своей... похоже, не врет, говорит, отпустим, пусть скажет в свою забегаловку джигит ...ный, обязательно чтоб непристойность, он же свой в доску, и вашим и нашим, чуть не дал себе волю, но именно "чуть", это у меня всегда с Ревзиным, апломб его и на меня действует, ноги ватные становятся, а надо было там же, на месте, врезать, пусть и при арабе, чтобы раз и навсегда, но я задохнулся, а мне нельзя из-за сердца, задохнулся и уступил ему, дал мерзавцу проявить.

После еще пришлось выслушивать о "законных нуждах населения". У него-то самого одна нужда - говорить, говорить без конца. Чем он, спрашивается, отличается от всей этой левой сволочи или той девки, что формуляр мой просматривала, когда просил разрешение на "люгер", лобик наморщила, будто между строк читает, и эдак нагло: а что у вас за случай был в автобусе? Вот она цена болтовни о свободах, у них все в компьютере хранится, хоть дела никакого тогда и не открыли, сами предпочли замять, не хотели скандала, меня ведь знают на этом маршруте, никогда никаких конфликтов, наоборот, даже нравилось, музыка из приемника, на некоторых их песнях успокаивался, если хотите, мгновения тайной свободы, там-там-та-та-ра, та-ра-ра-там-там, курсы банковских служащих, с первой минуты знал, что ни за что, но хитрый был, шесть часов каждодневно, чтобы избавиться от взгляда Лидии, и голоса, вечерами приходилось возвращаться, но все равно чувство, что обманул, что выиграл день, был совсем один, там-та-рам-та-та-та, там-та-ра-та-там, войти, тяжело ступая, усталость, пыль пустыни, если бы еще их не видеть, старший мне всегда был неприятен, передергивало, Лидия меня так никогда не... чистоплотная, от нее приятный запах, и духи и... проклятый карандаш, не могут ручк...

...буду осторожно, придерживая пальцем, потом не допросишься, острого нельзя, хотя третьего дня арабу не помешало, зубами перекусил, перед тем лежал совершенно спокойно, какие-то неосознанные прорывы и у них тоже, фонтаном, сразу навалились, перетянули, старался не смотреть, Лидия в кожу втирает что-то ароматное, а эти вечно потные, прямо с улицы руками за хлеб, у старшего такой возраст, в глаза не смотрит, нельзя ничего спрашивать, а то сразу душит ярость. Что он там делает у себя в комнате? взял манеру запираться, забрать ключ, чтобы не смел, араб смотрит на меня, не мигая, но выражения лица не различить, зима не зима, а свет раньше шести не зажгут, экономия, дорожил этими минутами в автобусе, та-ра-ра-ра-та-ра-ра, можно хоть прямо здесь попросить притормозить, или лучше повыше, на изломе гряды, сказать, что дурно, потом идти все время прямо, чтобы солнце в спину, пока не зайдет, та-рам-та-ра-та-ра, не обязательно сегодня, могу еще разок вернуться, а вот назавтра сойду и поскорее в сторону, подальше от тракта, та-ра-та-та-неба-цвет, трам-та-ра-ра-долгих-лет, и именно тут вмешивается эта мразь и требует сделать потише, голос визгливый, рвет перепонки, меня буквально подбросило с сиденья, чуть не задохнулся от... нет, не хочу, нельзя вспоминать, сразу тяжелеет в затылке, да и был пустяк, ушибы, дела не открывать, но все фиксируется, буквально все, и потом какая-нибудь конторская тварь тянет из тебя жилы, ненавижу как они макияж накладывают, думают чем большие туши тем лучше, в ванной у нее тоже "туш", как арабы - глухих от звонков не отличают, каждое слово наше, даже не очень скрывают, и что, кто-нибудь из записных либералов возмутится этим? И глазом не моргнут, начнется это ханжество, психологически неустойчив, у них всегда есть что сказать, Ревзин-то по сути их породы, хоть и в грудь себя бьет, но я тогда как следует подготовился, ответы продумал заранее, то есть что значит продумал, с тем же Ревзиным и обсудили, формулировки как-никак специальность сукина сына; с неделю подержали в напряжении и разрешили-таки "люгер".

...левая мутота, боятся собственной тени, все у них соображения, соображения без конца, страх свой заговорить

пытаются, задушить спонтанный всхлип диафрагмы, полысели еще в утробе, главное, чтобы никакой стихии, никакого хруста, чтобы можно было без помех, выкачивают из нас, в том числе и через налоги, лишенные вдохновения сгустки... Я потому и уступил нажиму Лидии, что не мог больше среди всей этой мрази, объявления об их сборищах нагло аршинными буквами; вырваться, освободиться, наконец, но с поселком вышла ошибка, это сразу стало ясно, достаточно поглядеть, когда они все скопом: свисающие животы, выбивающиеся подолы рубашек, где-то я уже видел такое, выскочило, и какие они вечно влажные, Ревзин, конечно, в этом смысле, но теперь и он, вначале чуть не ежедневно устраивали сходки, и сразу пошли потеки на стенах. Колченогие стулья, сальный занавес, выражение праздничного идиотизма на лицах их баб, Ревзин объяснял это нескончаемой беременностью, умилялся, похлопывал меня по плечу, проводил резолюции. Лидия падка на гладко льющуюся речь, вообще на ладно скроенное, женская слабость, тогда Ревзин и начал смотреть на меня понимающе, с состраданием, и не оттого, что уже спал с Лидией, от этого он наоборот в некоторое смущение приходил, но оттого, что, видите ли, прозревал меня, мою проблему, похаживал, видно, на психотерапию, где-то он должен был набраться грошовой своей премудрости, он - верхушка Движения, у них принято, это ладно, но то, что предал, я ведь возлагал на него определенные надежды, казалось, что за улыбочкой его, что он, конечно, вынужден подстраиваться под этих недоумков: почва, родина, очарование пустыни, потому как впрямую нельзя, но по кровному-то существу... Вечные фантазии, Лидия, бывало, выкинет что-нибудь скотское или застынет, прислушается к тому, как у нее там внутри пульсирует, а я думаю: это она музыку сфер. Так и с Ревзиным чудилось, что за всей этой национальной возней, за брюхатыми бабами и их пахнущими потом мужьями скрывается, словом, что у него есть какой-то план, что он понимает: в городе, под боком у властей, нам ничего не удастся, однажды даже сказал ему об этом, почти прямо, про пустыню, про путь, и что иначе они нас сгноят своими парламентами - ессеи-то в свое время не зря ушли, был порыв, это потом у них все пошло прахом, начались эти постыдные уставы омовения, он промолчал, но

эдак посмотрел на меня, ошибки быть не могло, я почему еще так затрепетал, когда он Лидию себе взял, потому что увидел тут его последний, может, шанс посметь, прорваться к сердцевине нашего дела, говорю нашего, потому что верил, что и он тоже, что втайне готовится отринуть, распрямиться, дать себе волю, араб наконец-то смыгнул веки, сон как предвкушение сытого рая, иншалла, иншалла, мне бы тогда еще догадаться, почему это Ревзин их так хорошо понимает, в смысле, что им просто хочется жрать, я-то думал камуфляж, либерал-демократ или что-то в этом роде, а на самом деле он их действительно нутром чует, солидарность. Упустил, идиот, возможность, которая ему через Лидию предоставилась - нет, чтобы взять ее и уйти, прочь, дальше в горы, она ведь породистая, северный тип, еще в форме, не зря в детстве холодные обливания, плавание, рапира, гимнастику буквально вымогила, отец - военный, считал баловством, по утрам часами брился, занимал ванную, ни одного пореза, без ума от внуков, тогда, в дюнах: малыш тянет за руку, ноги уходят в песок, па-а-а-па, играй со мной, па-а-а-па, играй, мохнатым зверьком вгрызается в грудь, царапает когтями, а отодрать боишься, потому как вместе с собственными потрохами, усилием просыпаешься в изжогу, па-а-а-играй, па-а-а-играй со мной, вижу, старший на меня смотрит, и Лидия тоже, но главное - старший, рыжеватые волоски в точности как у моего отца, он ему и имя выбрал, вытянули-таки семя на продолжение рода, раз в неделю отец таскал меня в баню, голые рукастые уроды на каменных скамьях, захватанные металлические шайки, давай, сынок, мылься как следует, почему не бежал? остался на месте дожидаться полиции, видел краем глаза в зеркале как побледнел, трагическое недоразумение, неужели так и сказал "недоразумение"? всегда что-то рабское остается в натуре, не избыть, Ревзин-то как раз мог, у него не было трупа на руках, но он предпочел затевать развод, хотеть как лучше, донимать меня бесконечными разговорами, преждевременное семязвержение, необходимость заполнять паузу после - оттуда идет эта говорливость, бедняжка Лидия, впрочем, она уже большая; и тогда мне открылось: все, чего он хочет от пустыни, это на террасе, на фоне знаменитых закатов, ужинать, проверять уроки детей, моих, потом и своих тоже, программа новостей,

и спать с Лидией, окна настежь, и чтобы утром на поприще, глядеть как растет, зеленеет, бурлит, как смеются, спускаются с горы, нестройно галдят, и чтобы опять вечер, и время года, и сладкая усталость, надо, пожалуй, в свитера или я накрою внутри? Лидия совсем другая, заметили? не припомню ее такой умиротворенной. Лидуша? да, она изменилась, открою вам, хотя это пока секрет, мужчины, перестаньте уже сплетничать и идите в дом, чай на столе.

Адвокат допытывается, все ли листки я ему отдаю, у него договоренность со следователем, не понимаю как ему удается, говорит, привилегия защиты, ненавижу расспросы, только сам писать показания, больно он зачастил, стоит подойти вплотную, и уже гремят засовом, приходится потом начинать заново, не могу с середины, или сегодня пропустит? уже вечер, он старается засветло, позавчера вон как хрипел, пускают, не думая, перезаразит здесь всех, если до утра, успею кончить. Забавно представлять как он рыщет по строчкам, хочет состояние аффекта, как тот ребенок, а ну-ка, поползай, пообдири коленки, еще и ногой поддать, чтобы отлетело подальше, в овраг, а уж после пожалеть... лампочка тусклая, глаза испортишь, пожалуй, окончательно насчет Ревзина удостоверился все-таки позже, в город насчет кредитов, двадцать тысяч, пятьдесят, суммы, это их возбуждает: еще километр трубы, еще свежепокрашенная загородка, песочница, чтобы вволю рожать; вернулся поздно, не заходя в контору, ничего не случится, подождут до завтра, задержался у нашего с Лидией дома, он там жил у нее открыто, ну почти открыто, оставалась какая-то тонкость, последний этап развода, я не вникал, инстанции, являлся исправно, Ревзин налезал на нее со спины, так и не приучилась опускать жалюзи, вдавливал в раковину, видно как раз начала мыть посуду, а он отяжелел от еды и сзади, животом в теплую плоть, это для них дерзновение, вроде как на грани греха, особенно если суббота после полудня и разморило, они тогда себе представляются... Теперь, значит, и Ревзин, не надо было подходить ближе, чтобы представить себе как этот ницшеанец пыхтит, как шарит вслепую руками зацепиться, почему-то ни разу не хватило духа ее ударить, она

такая отличница, особенно когда волосы в пучок, от этого еще больше подмывало, но я... теперь уж так и останется.

Тогда, значит, и прояснилось: от Ревзина больше ждать нечего, иссяк, а может мне вообще только почудилось про него, шармер, так что потом я уже у их окон не задерживался, в последний вечер срезал через кусты, напрямик, заметил как за угол тень, она не в первый раз - если долго не появляюсь, подкрадывается, проверяет жив ли. Обошел тихонько с другой стороны, щеку веткой ободрал, и - р-р-раз! за запястье. Испугалась, у Лидии узкая кость, тянет сжать побольнее, но умею собой владеть, хотя соглядатайство мне докучало, надо было отсечь как можно резче, закричал на нее так, что отпрянула и спиной о стенку времянки, а там неструтано, взвизгнула от неожиданности, и опять соблазнительно было ударить, но я не ударил, только руку занес, инстинктивно, я Лидии симпатизирую, вполне достаточно словесного внушения, чтобы впредь не шлялась, и все же замахнулся... Тело ведь способно само по себе, помимо размышления нашего, мгновенно реагировать, возьмите мотоциклиста на мокром шоссе да масса и других примеров, вот и тут тоже; нельзя сказать, что в ту секунду я сознательно замышлял некую цепочку причин и следствий, никто не докажет, я и сам не уверен, хотя, после того как Лидия убралась, действительно испытал душевный подъем, праздник начинается с вечера, подумал принять ванну, но поленился, да и воду долго греть, во все чистое, предрассудок, кого я собираюсь задобрить? Нашупал "люгер", радостно на душе, упражняться сегодня нет нужды, виски оставалось на две дозы, этого хватит, сознание должно быть незамутненным, или наоборот? живешь фактически на нейтральной полосе, враг в ландшафте, естественное желание снять напряжение, притупить, неужели вправду беспокоился, в каком виде перед следствием? Да нет, просто вечная оглядка, сидит в нас это, всегда по стойке "смирно" перед пустотой, одному из тысячи удается освободиться и то вон с каким скрежетом, все-таки надо было бы ванну, вспотел, а лежать еще долго, раздеться догола, совсем другое дело, прохлада простыней, после рождения младшего к Лидии уже не надо было прикасаться, само собой так сложилось, хотя смотреть на нее мне всегда приятно, простыни без единой складки: не позволять себе

опускаться, замер так без движения на спине, даже вздрогнул, знал, что не пропущу, где-то около одиннадцати, значит вот-вот, Лидия, иногда слишком прямолинейна, не хватает элемента игры, а иногда наоборот, не сомневался, что расскажет, он на меня поднял руку, сучье начало, треснула ветка, арабы прекрасно ориентируются в темноте и к тому же передвигаются совершенно бесшумно, левацкое извращение, не стоит большого труда понять какая тут подспудная мыслишка: дескать, они - подлинные аборигены или что-нибудь в этом роде, отрыжка ленивого ума, интеллектуальная рухлядь, а наши нац-идиоты туда же, пускают слюни, повторяют, не вникая.

Опять ветка, немного левее, теперь ему надо обогнуть времянку. Вам не приходило в голову, что инфильтрантов может быть больше одного? Иногда им удается задать разумный вопрос; нет, по шагам я безошибочно... Если бы захотел, мог бы без труда представить себе даже выражение его лица, но это бы отвлекло, я ведь мысленно уже, вот он у двери, ужасно неловкий, такой шум, что, пожалуй, не услышу звука, неужто постучит? нет, слишком разозлен, защитить самку, это у них честь, неисправимый позер, дверь, разумеется, ударом ноги... Вздрогнув, очнувшись ото сна, рвануть по-заученному из-под головы, в темноте видишь только белое пятно рубашки, металлический вкус во рту и проклятое смятение, но "люгер" описывает себе дугу, плавно, очень плавно, он не успел выкрикнуть, что у него там было заготовлено, щелчок вышел совсем тихий, мгновенная смерть, адвокат пытается посеять сомнения, смутные намеки, хочет меня сломать, он заодно со следствием, я знаю, каждый на свой манер, потом зажег свет, стоял, щурился, трагическое недоразумение, сбежались, не сразу догадался одеться, Лидии не помню, хотя казалось бы должна. Завела его, видно, как следует, но почему тогда... что-то важное ускользает, или и вправду сообщница? идут по коридору, который сейчас час? только не дернуться, когда войдут в камеру, араб вон как напружинился, завтра начну сначала, не поворачивать головы...

ШАГАЛУ

Когда твои кроткие ослики,
печальные, как раввины,
с библейской тоской во взоре
всматриваются в небеса, -
я вижу, что все эти женщины,
парящие так картиною,
как будто им счастье обещано,
я вижу, что все мужчины,
летящие вслед за ними,
я вижу, что все эти ангелы,
похожие на попутайчиков,
и даже само светило,
струящее робкий свет, -
я вижу, что все это - отзвуки
огромного возгласа: "Господи!",
короткие блики и отблески
бесследно горевших лет...

* * *

Я жил, как все. Дышал. Но неужели
и это - грех? Молчал что было сил -
и кто-то за меня произносил
слова мои - и сроки тяжелели
не надо мной - над родиной моей...
И - кончились в один из будних дней.
И что теперь? Набит словами рот,
а в сердце - пусто, и свобода слова -
как апельсин на тумбочке больного,
который знает, что к утру умрет.

* * *

Торопливая жизнь, торопливая смерть, свобода
перейти перекресток, свобода сойти с ума.

Сам Иисус не прошел бы по этим студеным водам:
и весною, и летом, и осенью здесь - зима.

Наступает декабрь. Замерзают слова и губы.

Чтобы выразить чувство, достаточно жеста. Речь
утопает в цитатах. И время идет на убыль,
умножая пространство посредством ненужных встреч.

Набегает строка, как волна на безлюдный остров.

Набегает слеза - ты не в силах ее смахнуть.

И хрустит, оседая, обглоданный жизнью остов.

И не горе, но возраст мешает тебе уснуть.

Наступает декабрь, замедляя ночей теченье,
засыпая снегами виденья ушедших лет, -
и ребенок в потемках, как мышка, хрустит печеньем,
засыпая под звуки, которым названья нет.

* * *

Когда я припаду к Твоим стопам,
устав страдать, витийствовать, лукавить, -
со странным чувством я очнусь от яви,
когда я припаду к Твоим стопам.

Когда к Твоим стопам я припаду, -
что протрезвевшим сердцем обнаружу?
Есть вход в Эдем, но нет пути наружу, -
и, ей же Богу, все равно, в аду,
в раю ль устами молча припадать
к Твоим стопам: ни там, ни здесь уже не
настигнет, словно головокруженье,
стихотворенье, и строка в тетрадь
не упадет. И не о чем двоим
окажется витийствовать. И Слово
вернется в куколку молчанья снова, -
когда я припаду к стопам Твоим.

* * *

убеги в египет обнаружь промашку
вычитай что хочешь все вместившей книги
пропусти стаканчик опрокинь рюмашку
главное не бойся счет идет на миги

может быть иосиф правда был прекрасен
не узнать наверно пусть перехвалили
это и неважно свод чудесных басен
мы его и помним лишь из-за рахили

счет идет на миги стыдно суетиться
врать и притворяться не перед кем больше
если сил достанет сам с собой судиться
детские молитвы чтоб пожить подольше

все теперь не к спеху раньше или позже
да и к вечной жизни нас не приневолишь
храбрость то есть мудрость все в деснице божьей
это только гибель это смерть всего лишь

положи удобней голову на плаху
и усни как только в детстве получалось
чистую страницу белую рубаху
главное не бойся дотерпеть осталось

* * *

О чем биши я? Остыл и опостылел
угрюмый быт - и, взявшись за рога,
Европа на быке плывет,- не ты ли
ее к побегу ночью подстрекал?

О, где твоя желанная свобода?
Ступени волн ведут на эшафот,
и даль в антенных и громоотводах
Луны оргызок, как сухарь, жует.

О чем биши я? Натягивая счасти,
свистит и воет в темноте норд-ост.
Сиротство очи ест, и взоры застит
разлука, не приемлющая слез.

* * *

Это время и место.
Все реже. Опять. Извини.
Не встречал. И не верю.
Тогда. Словно вечность в запасе.
Никому не известно.
Теперь. Между строк. Изменить.
Не считай за потерю.
Казалось. Прекрасна. Прекрасен.

Добрый день. До свиданья.
Нельзя. Даже если. Увы.
В переплет. Не обучен.
За давностью. Можно. Усталость.
Как предмет обожания.
Нельзя. Не сносить головы.
Лишь молчанием созвучен.
Терпеть. Остается. Осталось.

Чем темнее, тем ниже.
Не вспомнить. У всех на виду.
Даже если напрасна.
Безропотно. Вечно живые.
Точно бусины, нижет.
Не хватит на всех и в аду.
Знал. Прекрасен. Прекрасна.
Сердечные и ножевые.

К равнодушной отчизне,
как сказано Бродским, а не.
Не в таких переплетах.
Любил. Объяснить. Отпускаю.
У оставшейся жизни.
Трофейный. За тридцать монет.
Мишурा. Позолота.
Бессмертная пошлость людская.

QUI BONO?*

- Здравствуйте, отец мой. Меня зовут Изя Голдман. Я хочу исповедаться...

- Стоп, стоп, мистер Голдман! Разве у вас нет своего рава?
- Разве Бог у нас не един, отец мой? Или вы полагаете, там заседает сенат неизвестно по какому образцу? В таком случае, когда в последний раз были выборы? Если бы не Эхнатон, боюсь, на земле было бы еще меньше порядка, чем сейчас, э? Может, сойдемся на единобожии?
- Вас часом мама в детстве не крестила?
- Интересная мысль. Надо будет подбросить ее сценаристам.
- Вы твердо уверены в своем происхождении?
- Я - сукин сын. В этом я пока что твердо уверен. Все, кто родились на этой земле, - сукины дети. Приходится смиренno признавать это. Но в сторону! Меня родила мать в муках, все как полагается. Я пошел в нее - одно плечо ниже, другое выше. И в отца - нос слегка на сторону. Хедер ссугутил мои плечи, ешива надела очки. Но это все в далеком прошлом, а сейчас я, нехристъ Изя, завернулся к вам, католическому священнику, отец мой...
- Вас отлучили, выгнали, оплевали?
- Нынче конец XX века, а не времена Баруха Спинозы, отец мой. И вы, и рав, и я - все мы живем на доллары.
- Вам случается красть?
- Я - американский гражданин, и как каждый преуспевающий американец, стараюсь побольше дохода укрыть от налога. Стало быть, разумеется.
- Вы желаете жену ближнего своего?
- Желаю. И, как правило, получаю. В общем, все, чего я желаю от ближнего, я имею.
- Однако вы преуспели в жизни, мистер Голдман.

*Кому (это) выгодно? (лат.)

- Всю жизнь я рвусь к успеху - работаю в восемь рук, словно осьминог на беговой дорожке. И мужа ближней своей получаю в нагрузку.

- Я не совсем понимаю, зачем вам муж?

- Я должен быть гомосексуалистом.

- ???

- Я люблю одну женщину. Даже вам я не назову ее имени. Но я должен любить мужские задницы, извините за прямоту, отец мой. Иначе - вон из игры.

- То есть вы "должны" жить во грехе мужеложства?

- Который мне не люб.

- А грех прелюбодеяния?

- Я должен скрывать свою любовь к женщине. Но я люблю женскую плоть. И женскую душу. Я люблю ее. Она любит меня. Но мы любим друг друга тайно от всего мира. Кроме ее мужа. Он нас с удовольствием принимает у себя дома. Он только тогда и кончает, бедняга, когда его жена совокупляется с другим... Например, со мной.

- Может, вам еще инцест нравится?

- Нет, нет, дети живут у бабушки. Я понимаю, это так не по-американски... Но его никак не может вылечить психоаналитик... Инцестом с ним занималась его матушка... Она тем самым мстила его отцу...

- Содом и Гоморра!

- Солнце, отец мой, греет одинаково равнодушно и религиозных фанатиков, и работяг-идиотов, и блядей из голливудского бардака. Я принадлежу к последним. Я - кинокритик номер один. В мире, в Америке, в Голливуде.

- Фи, мистер Голдман, стало быть, это с вашей легкой руки в этом году дали "Оскара" этому...

- Этой блевотине! Не смущайтесь, отец мой. Меня физически рвало, когда я отбирал этот фильм, представлял жюри...

- Да кто придумал такие безумные правила?..

- Я. Отсматриваю кучу фильмов, и когда меня начинает рвать - значит, это оно, то самое, что завтра должно войти в моду. Продюсеры доверяют моему организму - раз тошнит, значит, будут деньги. Это - им. А мне... Я должен владеть кино. Писать, говорить, кричать о нем, так, чтоб меня слышали все. Иначе я обращусь во прах.

- Безумные правила в безумном мире. И их придумали вы?
- Да, я.
- А что вы на них заработали? Славу, успех, деньги?
- Не без того.
- Но вас тошнит от того, что вы безумно или бездумно...
- Уверяю вас, с большим умом.
- Значит, с умом следуете своим безумным правилам? И вас же тошнит от собственных правил?
- Не без этого.
- А вы не могли бы придумать что-нибудь разумное?
- Ха, отец мой, да их тьма, алчущих разумного. Они просто затопчут меня в давке. А вот в изобретении безумных правил в безумном мире, вот тут я - король. Я - король - Изя Голдман.
- Вернемся к началу начал, мистер Голдман. Зачем вы пришли ко мне?
- Если завтра в газетах напишут, что вчера я исповедовался у католического священника - это скандал. Король должен заботиться о своих подданных - давать им пищу для... Большой скандал - большие деньги.
- Сын мой, чем же я могу вам помочь?
- Отец мой, скажите мне, почему я такой?

В Иерусалиме вышла в свет новая книга стихов

ГЕННАДИЙ БЕЗЗУБОВА

„СЛУЧАЙНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ“

Цена книги в Израиле – 20 шекелей,
в других странах – 8 долларов США
(не считая пересылки).

*

Желающие приобрести книгу могут
обратиться к автору.

Телефон: 02-6235185

Адрес:

Gennady Bezzubov, Hedekel 2/15, Jerusalem 94324

ПОСЛЕДНЕЕ ПРИЗЕМЛЕНИЕ

Краткая история одного внутреннего органа

Холодной весной пятого года независимости я возвращался из Германии домой. Старый "боинг" международных украинских авиалиний, исписанный трафаретными китайскими иероглифами, объяснявшими, видимо, что надо делать в случае аварийной посадки, дрожа дюоралюминиевыми крыльями, приближался к бетонной полосе Бориспольского аэропорта. Пухленькая стюардесса раздавала декларации. Мне тоже досталась одна, и я в очередной раз усмехнулся, прочитав требование "задекларировать" количество ввозимой национальной валюты.

Вскоре самолет соприкоснулся с бетонкой и побежал уже по земле. Жидко захлопал в ладоши один случайно затесавшийся в число пассажиров иностранец, но быстро прекратил, уловив напряженные взгляды в свою сторону.

Минут через пять после остановки двигателей к самолету подъехал автобус и пассажиры поспешили занять в нем места. Комфортабельный предбанник таможенного зала зажужжал, запуршал декларациями. Пассажиры разбились на две очереди. По привычке я стал в левую. Двигалась она неспешно, но и я не спешил.

Наконец я подошел к месту радиационного контроля, вдоль меня "прошлись" дозиметром, и дозиметрист, одетый в камуфляж, кивнул головой, мол, нормально. Дальше оставалось пройти общий рентген - таможенники искали перевозчиков опиума, и я уже знал, что опиум глотают в специальных мешочках на время пересечения границы. Вскоре я зашел в металлический бокс и послушно налег грудью на квадратную металлическую раму. Что-то невидимое звякнуло в боксе жезлом и я почувствовал бегущие по спине мурашки.

"Еще минут пятнадцать, - подумал я, - и я вырвусь из этого аэропорта".

Наконец дверь бокса открылась, и я пошел дальше по нарисованной на полу желтой полосе, указывавшей путь.

- Паспорт? - вежливо попросил таможенник уже у стола досмотра багажа.

С улыбкой я протянул свой реликтовый советский документ.

- Андрей Юрьевич? - вслух прочитал таможенник и посмотрел на меня так, словно мне следовало кивком подтвердить его правоту. - У вас только одна сумка?

Я кивнул.

- Пожалуйста, пройдите вон туда, в те двери! - широким жестом руки он прочертил направление. - И сумку тоже возьмите!

За элегантными черными дверями я обнаружил что-то вроде комнаты отдыха, заставленной мягкой мебелью. В комнате никого не было. Я прошел к ближнему креслу и уселся. Обвел взглядом обстановку и заметил в углу под потолком черную видеокамеру.

На душе было спокойно, и я сам себе удивился - отчего это я такой спокойный? Ведь для чего-то меня попросили пройти сюда?

Бесшумно открылась дверь. Вошел мужчина лет сорока пяти в дорогом темно-синем костюме. Правда ярко-красный галстук и простое, тоже красноватое лицо к костюму не очень подходили. В руках он держал рентгеновский снимок.

Подошел, присел на соседнее кресло.

- Андрей Юрьевич? - спросил.

Я кивнул.

Он посмотрел на меня, потом поднял снимок на уровень своих глаз и внимательно уставился на него.

- Вы что, врач? - спросил я.

- Нет, но пришлось пройти курсы рентгенологии... - шутливым тоном ответил он. - У вас проблемы со здоровьем... - и он показал мне что-то на рентгеновском снимке, обведенное красным маркером.

- Я знаю про свои проблемы... - сказал я.

- Андрей Юрьевич, я бы на вашем месте сейчас был бы очень нервным, так сказать...

- Почему? - удивился я.

- Ну как же, вы после серьезной операции возвращаетесь домой, на родину, так сказать, а вас почему-то задерживают. А дома жена ждет, нервничает...

Я посмотрел на него пристально. В чем-то он был прав, но после операции я действительно стал удивительно спокойным и невозмутимым, словно мне вырезали всю нервную систему. Мой безымянный собеседник тяжело вздохнул.

- Знаете, Андрей Юрьевич, я не люблю спокойных, тихих разговоров. Я к спорам привык, чтобы с криком, с эмоциями... Как раньше, а сейчас все это как-то не так, все слишком интеллигентно делается... Вы понимаете, о чем я?

- Нет, - признался я.

- Ну ладно, раз вы такой упрямый, расскажу я вам одну интересную историю. Полгода назад, может, помните - об этом много в газетах писали, прошел один кандидат в депутаты парламента от оппозиции... Ну, пропал так пропал, нет тела - нет дела. Так вот, через пять месяцев после этого один киевский писатель едет в Германию на серьезное лечение. Дело в том, что в юности он злоупотреблял коньяком - дешевый был коньяк - ну и, ясное дело, печень не выдержала. Печень - орган хрупкий. И вот едет господин писатель в Германию, везет туда на лечение свою больную печень. Хорошо, что там у писателя друзья, организовали для него медицинскую страховку и сделали вид, что печень у господина писателя именно в Германии заболела. Пусть, мол, немецкие налогоплательщики за него платят или страховая компания пускай раскошелится... Не важно. Важно, что посмотрели немецкие врачи на испорченную коньяком печень, покачали головой и сказали, что лечить такую печень без толку. Не вылечишь ее. Надо новую печень ставить. Ну хорошо, новое всегда лучше старого, да? Так вот, господин писатель охотно согласился на операцию. Поставили господину писателю новую печень, подлечили, на месяц в пансион устроили, на воды. Городок красивый, вокруг пышущие здоровьем пенсионеры гуляют. Ну, и писатель среди них, как дома. Месяц прошел, заехали за писателем немецкие коллеги, отвезли в Кельн, прощальный ужин в ресторане "Марредо" организовали, по хорошему бифштексу с кровью скушали. А писатель - на диете, для него специально - бараньи котлетки и чтоб без жира. И салат, конечно... Потом переночевал господин писатель в отеле "Энгельбертц" и утром в аэропорт. Что-то вы, Андрей Юрьевич, все равно какой-то спокойный? Может, вам нехорошо? - с надеждой в голосе спросил мой собеседник.

- Да нет, нормально, - ответил я, хотя до меня стало медлению доходить то, что история, рассказанная этим человеком, была довольно точной. Это была моя история, а значит, за мной кто-то постоянно следил! Но зачем? Кто я такой, чтобы за мной такую подробную слежку устраивать?

- Ну вот, наконец-то вы задумались! - довольным голосом произнес мой собеседник. - А то сидели такой спокойный, будто за вами никаких грехов не числится! Ну ладно, отдохните пока. А мне надо выйти ненадолго.

Он поднялся и направился к двери.

- Постойте, - крикнул я. - А мне что же, тут сидеть? Мне домой надо. Вы при желании меня можете и дома отыскать!

- Нет-нет, вы уж останьтесь! - сказал он, обернувшись. - Вам уже спешить не положено. Вы еще не всю историю услышали!

Он вышел, и я услышал, как щелкнул замок в двери.

Я сидел в кресле. Был я действительно озадачен, но не более.

Из верхнего левого угла, из-под потолка на меня внимательно смотрел оптический глаз видеокамеры. Я ему подмигнул.

В комнате было очень тихо, эта тишина казалась мне какой-то стерильной, излишне медицинской, искусственной. В обычной жизни она не существовала.

Снова щелкнул дверной замок, и в комнату вошла молоденькая стюардесса. Она протянула мне точно такой же подносик с авиаобедом, какой я уже получал недавно в самолете.

- Приятного аппетита! - сказала она и вышла.

Я сидел в кресле с подносом на коленях. Есть особенно не хотелось, но типина располагала к какой-нибудь деятельности. И я, сняв со своего авиационного обеда упаковочный целлофан, взял в руки одноразовые вилку и нож и принялся за еду.

Минут через пять та же девушка в форме стюардессы принесла кофе. Вообще-то с кофе я покончил - моя старая печень кофе не переносила, но в этот момент мне было неудобно отказаться, да и печень у меня теперь была совершенно новая, так что опасаться за нее вроде не было необходимости.

Я поблагодарил девушки, она улыбнулась в ответ, и ушла.
Вскоре вернулся мой собеседник.

- Ну как, подкрепились? - спросил он. И не дожидаясь ответа, продолжил. - Я тоже немного перекусил, теперь мы оба свеженькие, и я продолжу рассказывать вам одну очень занятную историю... Помните, я упомянул о пропавшем кандидате в депутаты? Был он человеком спокойным, тихим, хотя придерживался довольно экстремистских взглядов. Кофе очень любил... Одним словом - западник, искренний националист. И вот - пропал... Не по своей воле, конечно. Искали его долго. А он тем временем еще живой был. Какие-то люди, назовем их бандитами, похитили его и сначала в одном сельском доме спрятали, недалеко от Киева. Потом, когда первая волна поисков прошла, отвезли его связанным на машине в Карпаты, там договорились с офицером одной погранзаставы... Офицер переправил их на военном вертолете в Польшу - недорого, всего за триста долларов, но вы же понимаете, военные сейчас мало зарабатывают, так что любой приработок их радует... Там, в Польше, их уже ждала машина, и поехали они на север. Не доеzzая Щецина, свернули на сельскую дорогу и приехали на небольшой хуторок... Интересно? Хороший сюжет для детектива, а? Вы запоминайте на всякий случай. Этот хутор лет пять назад купил киевлянин, президент одного инвестиционного фонда, которого уже не существует. Вы, должно быть, помните, что ваш отец вложил все свои деньги в три фонда и все потерял. Так вот, это был один из тех трех фондов. Этот киевлянин теперь живет в Праге, а на хуторе хозяйствует его старший брат. Он переоборудовал все помещения, закупил дорогое медицинское оборудование. Когда-то он окончил медицинский институт и пару лет проработал врачом скорой помощи. Потом он занимался оптовой торговлей спиртным, но недавно снова вернулся к медицине и, надо сказать, процветает... И вот на этот хутор привезли пропавшего кандидата, уложили, так сказать, на больничную койку, тщательно обследовали. Обнаружили некоторые проблемы и стали их устранять. Подлечили печень, я вам уже говорил, что она была немного подпорчена из-за злоупотребления кофе. Подлечили и другие органы. Интересная закономерность - умные люди почти никогда не следят за своим здоровьем. Вот вы, например, тоже... Надо быть внимательнее к себе!.. Ну ладно,

вернемся в Польшу. Вам, кстати, интересно? - он пристально посмотрел мне в глаза.

- Да, - сказал я.

Мой собеседник действительно умел рассказывать, и в какие-то моменты я совершенно забывал, где я и почему.

- Когда кандидата подлечили, хозяин этого медицинского хутора провел, так сказать, инвентаризацию всех более менее здоровых внутренних органов кандидата, после чего составил подробный список этих органов с описанием. Отправил этот список факсом на несколько разных номеров в Европе. Система, надо сказать, отработана у него великолепно. Талантливый организатор. Уже через полчаса он получил ответы. Будущее кандидата было решено. Следующим вечером под общим наркозом ему сделали операцию, так сказать. Разобрали его на отдельные органы, органы поместили в специальные сосуды с раствором. В этом растворе можно долго сохранять и печень, и почки... Недалеко от этого хутора расположен частный любительский аэродром. На него и прилетели несколько маленьких самолетиков за этими органами. Сердце, например, улетело во Францию, и теперь оно бьется в груди одного престарелого банкира. Одну почку пересадили австрийской оперной певице... Ну, а печень... печень теперь у вас. Вы понимаете, что это значит?

Я испугался. По правде говоря, в Германии я не задумывался, да и не спрашивал, кто был донором моей новой печени. Мне просто сказали, что обычно органы берут у людей, погибших в автомобильных авариях. Да и думать об этом было как-то неприятно.

- Вот так-то, господин писатель. Теперь вы понимаете, почему вы здесь, а не дома?

- Так что ж мне делать? - спросил я. - Не будете же вы обратно из меня эту печень вырезать? Да и зачем она вам?

- Не будем? Как сказать... Тут дело тонкое. Понимаете, печень - это вещественное доказательство, часть тела. А когда есть тело - есть и дело, которое теперь можно будет закрыть... Народ надо успокоить, а то газеты расшумелись, что дело это политическое. Нет, нормальная уголовщина... Вы же сами видите! Да и семья покойного наконец успокоится - лучше уж горькая определенность, чем сплошное неведение. Думаю, что родственники кандидата хотели бы и могилку иметь, так что

вполне возможно, они потребуют от вас вернуть печень для захоронения... Видите, как вы влипли. Можно сказать - со всех сторон влипли!

- Постойте, - я внимательно посмотрел в глаза моему собеседнику. - Так, значит, вы все знали заранее, знали, куда и зачем повезут этого человека?

- Лично я? Нет, я занимаюсь только внешним отслеживанием внутренних органов. Из Польши и дальше. Ну, а мои коллеги, конечно, кое-что знали. Но мы ведь не милиция, в наши обязанности входит лишь сбор конкретной информации и использование ее в экстремальных случаях. Если б вам, например, пересадили бы в Германии печень Куприненко Степана Захаровича - был такой лесник в Карпатах, вы бы сидели б себе сейчас спокойно дома и пили бы с женой чай. Но печень Куприненко пересадили другому господину, немецкому профессору из Кельна. Печень Куприненко была получше вашей новой. Но и дороже. А так как вы получили печень с, так сказать, политической окраской, то тут уж ничего не поделаешь... Ну ладно, вам скоро ужин принесут, а мне домой пора. Всего доброго и до завтра!

Я опять остался один в стерильной тишине комнаты без единого окна. Мое самочувствие внезапно ухудшилось. Немного болела голова и как-то отчетливо ощущалась печень. Нет, она не болела, но словно резко прибавила в весе и в размере - я ее ощущал как что-то инородное, что-то чужое, от чего надо было срочно избавиться... Я поднялся с кресла и прилег на стоявший рядом диван с велюровой обивкой. Стало легче.

Через пару часов уже другая стюардесса принесла мне поднос с "авиабедом", точно таким же, как и прежний. И снова минут через пятнадцать принесла и оставила мне небольшой термос с крепким кофе.

- Кандидат очень любил кофе, - вспомнил я и потрогал свою новую печень, историю которой я уже подробно знал.

Несмотря на крайне неудобный диван, спал я хорошо и крепко. Но, уже проснувшись, снова почувствовал себя неважно. Поднялся, пересел на кресло и посмотрел на часы. Часы стояли - я не поверил своим глазам! Новые швейцарские часы, подарок моих немецких друзей, с десятилетним гарантийным сроком и микробатарейкой на пять лет. останови-

лись, замерли на прошедшей полуночи. Гарантийный талон с инструкцией лежали в моей сумке, и я автоматически полез туда, вытащил элегантную, больше по стилю подходившую к какому-нибудь колье с бриллиантами коробочку из-под часов. Взял в руки инструкцию, подробную и многоязыкую. Стал искать английский вариант и вдруг к своему удивлению заметил столбец кириллицы. Шрифт был слишком бисерным для освещения этой комнаты. Я приблизил инструкцию к глазам. "Последнее достижение швейцарской часовой мысли", "следуя многовековым традициям часовых мастеров", "самое удачное сочетание последних достижений науки и современного дизайна..." Инструкция больше походила на рекламный текст, и я уже хотел было сунуть ее обратно в роскошную коробочку, но тут внизу столбца увидел красный восклицательный знак, отодвинувший один абзац вправо.

"Предупреждение! - прочитал я. - Ваши новые часы, кроме всех вышеупомянутых функций, обладают еще одним важным качеством: они способны сигнализировать вам о возможной опасности для вашего здоровья. В случае вашего приближения к опасным для здоровья местам (высокий уровень радиации, загрязненность воздуха и др.) часы немедленно останавливаются. В этом случае вам следует немедленно (как показано на рисунке 5) включить функцию экологического компаса, и тогда минутная стрелка укажет вам направление, обратное источнику опасности. После того как вы покинете пределы опасной для здоровья зоны, часы автоматически восстановят время и ход. БЕРЕГИТЕ ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ, ЧАЩЕ СМОТРИТЕ НА ЧАСЫ!"

Теперь я понял смысл этого подарка. От нечего делать я внимательно изучил рисунок номер пять и включил функцию экологического компаса. Минутная стрелка неуверенно прошлась по кругу, а когда я поднес часы циферблатом к лицу - стрелка ткнулась в небо и так застыла. Я понял, что часы работают. Они просто не показывают время.

Вскоре высокая стюардесса лет тридцати пяти принесла мне авиазавтрак и новый термос с кофе.

- Вы не скажете, который час? - спросил я.
- Половина десятого. Приятного аппетита, - ровным голосом произнесла она.

И выпила.

Уже с некоторой долей брезгливости я распаковал пластиковую тарелочку с теплым фасолевым пюре и двумя сморщенными сосисками довольно замученного вида. Съев свой одноразовый завтрак, налил в пластмассовую чашечку кофе из термоса. И тут же мне в нос ударил сильнейший кофейный аромат. Этот кофе был намного крепче вчерашнего. Я представил себе, насколько он может быть вреден для здоровья, для моей новой печени. Но одновременно возникла прежде мне не известная "кофейная" жажда, и я легко опустошил весь термос, насчитав в нем четыре с половиной чашки.

После этого внутри себя я ощутил движение жидкости. И не то, чтобы не было этого раньше, но сейчас происходило все как-то по-другому. Будто бы изменилось направление этого движения. И снова отдельной тяжестью я ощущал свою новую печень. Она словно бы специально хотела обратить на себя мое внимание.

- Наверное, - подумал я, - моим другим внутренним органам не очень уютно с новой печенью. Они должны к ней привыкнуть, может быть, даже как-то приспособиться... Но ничего, надеюсь, что сработаются...

Открылась дверь, и в комнату вошел мой вчерашний собеседник.

- Здравствуйте, Андрей Юрьевич. Как спали?

Я кивнул в ответ.

Он прошел и сел в соседнее кресло.

- Как печень? - поинтересовался он.

- Ничего...

Он задумчиво кивнул.

- Да, - вздохнул, - вам не позавидуешь... Родственников кандидата уже поставили в известность. Дело движется к концу... Да, кстати, мой сын вас знает. Говорит, что пару раз был на ваших вечерах. Понравилось ему, говорит... Да ладно, вернемся к нашей истории. Собственно, вам уже все известно. Остается только сидеть и ждать решения, - он указал пальцем вверх, - касательно печени кандидата... Если вам интересно, могу вам еще одну историю рассказать, не про вас, не бойтесь... Совсем другую, но вам, как писателю, это тоже будет интересно...

В этот момент кто-то постучал в двери. Мой собеседник выглянул на стук. Я услышал невнятный, но тревожный шепот. Дверь щелкнула, и я вновь остался один.

- Может, уже принято какое-то решение насчет моей печени? - не без испуга подумал я.

Стерильная тишина раздражала. Мое вчерашнее самообладание покинуло меня.

- Нет, я не должен нервничать, - твердил я себе. - Ничего страшного не произойдет. Сейчас конец двадцатого века, а не кровавое средневековье...

И тем не менее внутренняя нервная дрожь нарастала и превращалась в боль. Болело где-то в животе. Боль пускала волны, и я чувствовал их направление. Волны увеличивались в размере - и боль усиливалась. У меня внутри нарастала болевая буря. Но меня интересовало только одно - не связано ли это с моей новой печенью?

В какой-то момент болевая волна захлестнула меня с головой, и я потерял сознание.

Очнулся я в обычной больничной палате. Очнулся ненадолго.

И тут же услышал знакомый голос своего последнего собеседника.

- Извините, Андрей Юрьевич... Это вас по моей просьбе привели в сознание... Я тут одну вашу книжку купил. Детскую. Ничего, смешная. Подпишите на память...

Туман перед моими глазами немного рассеялся, и я увидел знакомое красноватое лицо.

- Подпишите! Меня зовут Тарас Белоненко...

Он вложил в мою руку фломастер и приподнял меня, повернул меня набок. Перед собой я увидел мою последнюю детскую книжку.

- Вот здесь лучше, на второй странице...

Дрожащим почерком я вывел "Тарасику от автора".

- Дату не ставьте, - попросил собеседник.

Я снова откинулся на спину и закрыл глаза.

- Спасибо, Андрей Юрьевич, - услышал я. - Ваш вопрос еще не решен. Может, все еще и обойдется. И еще, вы не подумайте, что мы действительно следили за вами в том, старом смысле. Просто вы сами рассказывали все вашей жене по телефону.

Я вдруг понял, что мой собеседник не хочет, чтобы я о нем плохо думал. Это меня тронуло, и я снял с кисти свои новые швейцарские часы и протянул ему.

- Это мне? - радостно улыбнулся он, принимая подарок. Я кивнул и, насколько было сил, пропелтал: "Они здесь не ходят..."

- Это ничего, - успокоил меня он. - У нас такие часовщики работают - починят!

Наутро следующего дня я умер. Вскрытие показало обширный инфаркт миокарда. Печень была в порядке, хоть немного и увеличена.

Моя жена быстро нашла общий язык с вдовой кандидата и, слава богу, похоронить меня решили целиком.

На мои похороны собралось много мне не знакомых людей. Звучала чистая украинская речь. У могилы прошел митинг. На мраморной плите над моей могилой выбили две фамилии - так уж условились между собою две вдовы - и с тех пор к памятнику постоянно приносят свежие цветы. У могилы собираются симпатичные молодые люди и подолгу говорят о будущем.

Я им сочувствую, но вообще-то я во всей этой истории ни при чем. И цветы на могилу приносят не мне, а моей последней печени.

«ВИКТОР»

Цветной альбом, 48 стр.

В этой элегантно оформленной книге-альбоме вы найдете размышления Богуславского-публициста, цветные фотографии лучших картин Богуславского-художника и портреты домов, построенных Богуславским-архитектором.

30 шек. (заграницей - \$12)

Чеки посыпать на имя „22“, Р.О.В. 44050, Tel-Aviv 61440

БЕДНЫЕ МОЛЕКУЛЫ

Студент выпускного курса Лева Сосновский страдал алкоголизмом, язвой луковицы двенадцатиперстной кишки и отсутствием зачета по расчету экономической эффективности дипломного проекта. До защиты оставалось всего три дня, но доцент Сявкин отказывался принять расчет: все требовал, чтобы Сосновский указал химические компоненты, входящие и выходящие из реактора. Студент даже если бы и знал, что там за ерунда, не сказал бы: ему дали только кусок диаграммы с самописца для вычислений на компьютере. Потом руководитель диплома поведал страшную тайну: производство динамита, молчать, хоть будут резать на куски, дабы не нанести непоправимый ущерб обороноспособности страны.

Получив ближе к вечеру очередной отлуп у Сявкина, студент отправился в машинный зал, где к полуночи завершил пакет программ для диплома. Затем поехал на тачке в общежитие, подхватил соседа по комнате Ерильча, также злостного алкоголика, и опять же на тачке они погнали в ресторан за водкой. Вернулись в третьем часу ночи.

- Повеситься, что ли, - мрачно произнес Сосновский после стакана.

- Все вы, евреи, одинаковые, - прокомментировал Ерильч, закусывая кусочком шоколадки. - Только о себе думаете.

- А ты о ком думаешь? - спросил Сосновский. - О принцессе Уэльской?..

- Глупый ты, Левка, - обиделся Ерильч. - Я думаю о моле-ку-лах. В реакторе же температура - тысячи градусов, а они такие малюсенькие, бедненькие обречены на нечеловеческие страдания...

- Да, ты, Ерильч, истинно широкая русская душа: полон милосердия, как дермса.

- Умный ты, Левка, - похвалил Ерильч. - Евреи - они умные какие были, пока в Израиль не поехали. А там жара,

они там как молекулы... Спорнем на флакон, что я стакан съем?

- Не надо, Ерилыч: береги себя. Я вот уеду, кто будет Россию поднимать?..

Они завалились спать прямо в одежде. К Сосновскому сон не шел, несмотря на выпитое; когда же удалось немного задремать, он почувствовал сильную тошноту. Поднялся, пошатываясь добрел до туалета и вырвал с кровью: препарата, что выписала врача из институтского здравпункта, не пошли.

"Хоть бы до защиты дотянуть без операции", - подумал Сосновский, разом прозревев. Потом достал расчет экономической эффективности и с остервенением вписал: на входе в реактор галидор и оксиферрискарбон, на выходе - дионин.

Утром студент опохмелился пивом, закусил дионином от болей. Когда ждал Сявкина, забалдел, перед глазами шыли радужные крути.

Доцент с отвращением пробежал взглядом математические формулы, которые ему были как непосвященному Талмуд, потом спросил:

- Дионин этот - где он используется в народном хозяйстве?
- Достаточно широко используется, - отрапортовал студент.
- В парфюмерии, например, в кремации...

Сявкин, не слушая, расписывался в зачетной книжке.

Студент, улыбаясь уже вовсе не от зачета, вышел на морозный воздух, не чувствуя холода в болоньевой курточке. Дошел до метро, бросил пятак в турникет и стал спускаться на эскалаторе. Потом, немного не доезжая перрона, у него пошла кровь горлом - прямо за шиворот какой-то дамочке, разодетой в норковую шубу.

Мадам обернулась и взвизгнула. Студент повалился на перрон, его поначалу потоптали ногами. Впрочем, Москва не глухая степь, где замерз какой-то ямщик: в конце концов вызвали "скорую", которая и отвезла студента в больницу.

Марк Амусин

СЕМЕЙНЫЙ ПОРТРЕТ В ИНТЕРЬЕРЕ

От них мало что осталось в пространстве сегодняшней культуры. Они все умерли, похоронены и - с разной степенью основательности - забыты. Их произведения, их духовное наследство, плоды их кропотливых усилий и счастливых озарений все реже востребуются, все реже привлекают к себе внимание и любопытство потомков. Лишь в узком кругу профессиональных книжечеев, путешественников по исчезающим провинциям и тропам европейской духовности сохраняется еще пиетет к этому экзотичному феномену - семейству Маннов.

Так почему же речь именно о них? Век подходит к концу, золото его бытия стремительно тает, просачивается сквозь узкую горловину в ту, дольникою половину вытянутой восьмерки-бесконечности, которая именуется прошлым. Время подводить итоги, разбираться с наследством, перетряхивать багаж. А семейство Маннов несомненно внесло свой вклад в культурное достояние эпохи. Вклад образован не только книгами и прочими творческими свершениями представителей клана, но и самим их бытием. В их характерах, темпераментах, поступках и устремлениях, в сложном и эксцентричном рисунке внутрисемейных отношений проступают культурные знаки, духовно-ментальные инварианты нашего века. Среди них: соблазны социальных утопий - и завороженность смертью; богемный эскапизм - и погружение в волны общественной активности или "новой деловитости"; стремление к сохранению благородно-архаичных культурных форм - и отзывчивость на самые радикальные поветрия; воля к образцовой представительности и мучительная тяга к запретному, трансгрессивному и трансморальному, к прыжку через барьера, разделяющие сакральное и греховное...

Жили-были два брата. Этот сказочный зачин прямо-таки парадигматичен для нашей истории. Во всех поколениях клана количество братьев и сестер превышало эту цифру - два. Но, как заметил Томас Манн, "в высшем смысле" их было два брата в семье - он и Генрих. В их отношениях "братский комплекс" родства-соперничества проявился с абсолютной и пугающей наглядностью.

Ревность и соперничество сопровождали отношения братьев - Генриха, родившегося в 1871 году, и Томаса, четырьмя годами позже - с ранних лет. Соперничество из-за игрушек, игр и книжек. Старший не разрешал младшему пользоваться своим имуществом, и Томас жестоко страдал. Здесь же зарождалось соперничество более острого и болезненного свойства: за родовое наследие воспоминаний и впечатлений, которые братья могли вынести из своего бюргерско-патрицианского дома в Любеке. Томас Манн позже описал строй этой жизни - подробно, прочувствованно и отстраненно - в "Будденброках". Род, некогда процветающий и устойчивый, погружался - вместе с XIX веком - в fazu декаданса, освещившего при-чудливо-зловещим светом жизнь отпрысков этого семейства на протяжении поколений. Отец, глава торговой фирмы и любекский сенатор, пытавшийся изо всех сил поддерживать семейное дело на плаву, умер довольно рано. Сыновья по-своему способствовали печальному развитию событий - тем, что отказались от карьеры, к которой готовил их негоциант-отец, порвали с миром коммерции, с солидностью и благопристойностью. Генрих - скандально и однозначно разрубив все узлы и узы, а Томас - под сурдинку, уклоняясь и отдаляясь, оглядываясь, мучась угрызениями своей бюргерской совести.

Оба с ранних лет избрали путь писательства, оба обрели литературную известность в молодости. При этом Генрих и Томас претендовали на то, чтобы представлять и воплощать некие глубинные, всеобщие тенденции современной культуры. У старшего брата преобладал аристократически-богемный, агрессивный радикализм по отношению к действительности Германии с ее филистерством, безвкусицей, безнадежной прозаичностью. В своих первых романах "Земля обетованная", "Богини", "В погоне за любовью" он темпераментно и судорожно изливает свой сарказм на головы обывателей-буржуа, задающих тон в современном обществе, декларирует иммора-

лизм, космополитизм и отрицание всяких общественных норм. Свои картины Генрих рисует в вызывающе гротескных формах, искаженных пропорциях, прерывистыми линиями и горячечными мазками, в стремлении к максимальной выразительности то и дело греша против чувства меры и хорошего вкуса.

Томас Манн уже в первом, принесшем ему полускандалную славу романе "Будденброки" демонстрирует совсем иной взгляд на "жизнь" (как противоположность "искусства") - отчужденно-доброжелательный, чуть завистливый, словно тоскующий о потерянном рае простоты, естественности и здоровья с инфернальных высот художнического одиночества и "проклятости". То же - и в программных новеллах "Тонио Крегер" и "Тристан". Удивительно удачно выбрал он стилевой ключ, интонационный камертон своего повествования - подробные, тягучие описания, медленно влекущиеся, изобилующие придаточными фразами, как бы прикидывающие, взвешивающие разные способы постижения явлений, по крупицам накапливающие эффекты точности и достоверности. Под внешним слоем словно бы объективного, "регистрирующего" изображения бьется тонкая артистическая жилка с обертонаами меланхолической иронии, нервного психологизма, эротизированной музыкальности.

Казалось бы, братья поделили "королевство" и могли спокойно разрабатывать каждый свою территорию. На самом деле их литературные отношения характеризуются ревностью, придирчивой взаимной критикой, соперничеством за конкретные сюжеты, мотивы, образы и "словечки". В письме к брату, в 1903 году Томас Манн пишет: "В "Тонио Крегере" противоположностью художника, как я его понимаю, названы "обыкновенные"... А в твоей "Погоне за любовью" я нахожу словечко "обыкновенные", которое неоднократно применяется там для обозначения противоположности художника. Мелочная склонность, не больше того, ревниво охраняющая свои убогие сокровища. Прекрасно! Но тогда вспомни притчу о богаче, отнявшем у бедняка его единственную овцу... Ты уже заверил меня, что тему "королевского высочества" ты вынашиваешь в такой же полной мере, как и я. Что же мне делать, если в один прекрасный день ты в своем новом произведении мимо-

ходом и к слову упомянешь королевское высочество художника?"

Присутствие "другого", претендента на престол, на обладание общим и неразделенным запасом образов, идей и жизненных впечатлений мучило и стимулировало каждого из них. "Погоня за любовью" - название одного из ранних романов Генриха Манна. Но это словосочетание как нельзя лучше определяет как эротический субстрат творчества братьев (об этом подробнее позже), так и пружины личного и творческого их соперничества. Конечно, жажда успеха и славы - расхожие характеристики поведения любой творческой натуры. Но в данном случае эта жажда усугубляется и осложняется мыслью о том, что родной брат является главным препятствием на пути к безоговорочному литературному успеху.

В отталкивании друг от друга складывались эстетические системы писателей. Для Томаса была характерна почти маниакальная озабоченность проблемой времени и временности, которая позже будет виртуозно воплощена и отрефлексирована в "Волшебной горе". Глубокий интерес к темпоральности и ее загадке, к "вынашиванию перемен" переходит у Томаса Манна в особое внимание к процессу и технологии наррации. Способ рассказывания, сложный узор повествования, его саморепрезентация, хитроумно-наивное самолюбование текста становятся подспудными темами его зрелых романов, как и игровые соотнесения времен повествования, повествователя и читателя. Позже эта проблематика займет центральное место в саморефлексивной, обращенной на самую себя литературе XX века.

Генрих, как правило, равнодушен к временному потоку, а также к связкам и переходам, к строгой композиционной архитектонике, к стилевой выдержанности. Его книги - нанизанные на стержень сюжета цепочки ярких, рельефно выписанных сцен-камей. Его преобладающая грамматическая форма - *present continuous*, длящееся настояще. Страницы произведений Генриха Манна изобилуют сшибками характеров, неожиданными событиями и совпадениями, не всегда мотивированными поворотами и скачками. Они подчеркнуто драматизированы - в противоположность несколько двусмысленной, с налетом иронии, эпичности повествований Томаса.

При этом в романах "Маленький город", "Учитель Гнус" первая экспрессивность манеры Генриха находит более эффектное, чем в ранних вещах, выражение. Здесь диссонансы и контрасты, гротесковые изобразительные ракурсы дополняются тонкостью индивидуализации, смелыми психоаналитическими проникновениями и откровениями. В "Учителе Гнусе" блестательно выявлена диалектика эrotического влечения, разрушительная мощь соблазна, сокрушающего чопорную стать присяжного моралиста и столпа школьной дисциплины. Застегнутый на все пуговицы "человек в футляре", ревнитель порядка и субординации повержен ниц мановением Цирцеи, раздавлен тяжестью срамного влечения. Позже на основе романа был поставлен знаменитый шлягер немого немецкого кино, "Голубой ангел", где впервые заблистала звезда Марлен Дитрих...

Генрих Манн обладал фантастической продуктивностью, которая смешала и изумляла его более взыскательного брата. Томас Манн не сомневался в художественном превосходстве своей прозы, и все же ревновал к количественному изобилию продукции Генриха.

Столь же несхожи в эту раннюю пору и сексуальные пристрастия братьев Манн, как в жизни, так и в творчестве. Генрих с ранней юности (и до самого конца) находился под обаянием изобильной, пышной женственности, откровенно соблазняющей и балансирующей на грани вульгарности. В своих романах первого десятилетия нового века Генрих Манн шокировал немецкую публику откровенностью, бравурностью эrotических сцен и описаний.

Его собственные любовные увлечения были многочисленны и нередко носили скандальный характер. Он не раз вступал в брак, но так и не смог достичь в жизни семейного счастья. Его последняя жена, Нелли, почти 30 годами младше его, была притчей во языцах из-за экстравагантности своего поведения - она, например, имела привычку в неглиже открывать входную дверь в ответ на звонок.

Совсем иначе складывался интимный эrotический опыт Томаса, упрекавшего старшего брата в безвкусной трактовке "проблемы пола" в его произведениях и в непонимании различия между сексуальностью и эrotикой: "Ибо сексуальность не эrotика. Эrotика - это поэзия, это то, что идет из глубины, то

не поддающееся названию, что вносит во все на свете трепет, очарование и тайну. Сексуальность - это то голое, неодухотворенное, что можно просто назвать по имени". Не будем обвинять Томаса Манна в ханжестве. Самого его еще с ранних лет властно привлекла сфера гомогенной любви, потаенной и исполненной запретной сладости. Он пережил несколько увлечений юношами-сверстниками, и интенсивность этих переживаний, скрытых от чужих глаз, была очень высока. Встречу и последующую дружбу с молодым художником Паулем Эренбергом - на рубеже веков - он потом назвал "моим главным душевным опытом". Во многих произведениях писателя эта тема найдет тонкое и проникновенное выражение.

Интересно взглянуть на фотографии братьев в первое десятилетие нашего века. Оба тяжеловесны и выглядят старше своих лет. Двадцатипятилетний Томас - строг, сосредоточен, глядит пытливо, несколько исподлобья. Сквозь внешнюю респектабельность проглядывает некоторая неуверенность в себе. Генрих - воплощение богемного начала: стилизованная эспаньолка, огромные, закрученные кверху усы, редеющие волосы, тщательно уложенные на черепе. Глаза - печальные и чуть шальственные.

Характеры и эстетические склонности братьев своеобразно проецировались на плоскость их общественно-политических взглядов. Радикальный артистизм и эстетское бунтарство Генриха претворялись в ненависть к конформному и духовно убогому немецкому существованию. Его отвращало в общественной жизни Германии близкое соседство университетской кафедры с казармой - без посредующего звена в виде парламентской трибуны, средоточия ораторско-критического начала. Генрих постепенно превращался из эстета-нигилиста в страстного адепта "французского духа" в Германии, приверженца боевого либерализма, политических прав и свобод, "принципов 89-го года".

Томас в ту предвоенную пору презирал политику, отставал духовно-культурную автономию художника, проповедовал одиночество, самоутглубление, избраничество творца. Именно в немецкой национальной душе он находил особую соприродность плодотворному и углубленно-тайнистенному духу музыки - парадигме всякого творчества. Эти расхождения приведут в

годы войны к жестокому кризису, взрыву в отношениях между братьями.

Грозным знаком родового упадка, опасной тенденции "воли к смерти" стало самоубийство сестры писателей, Карлы в 1910 году. Но братья, в особенности Томас Манн, преисполнены решимости одолеть соблазны бездны, небытия, утвердиться в этой жизни на почве творчества - и преуспеть. Томас решается изменить одинокому и самоутглубленному призванию художника ради семейного, - читай обыденного, "слишком человеческого" - счастья.

Тут, вводя новый бытийно-психологический сюжет, снова приходится прибегать к сказочному обороту "жили-были". На этот раз речь пойдет о Кате и Клаусе Принггеймах, близнецах, отпрысках известной в Мюнхене и довольно эксцентричной семьи. Королевские дети... Брат и сестра были ярки, избалованы, склонны к эскападам. Выросшие в атмосфере утонченной роскоши и разнообразных культурных интересов родителей (отец был профессором математики, собирателем майолик, поклонником Вагнера; мать происходила из писательской семьи и в молодости играла на сцене), Катя и Клаус чувствовали себя отгороженными от обыденной жизни стеной - из хрустала? слоновой кости? Они были другими - они принадлежали друг другу. Они говорили друг с другом на языке, понятном только им, полном зашифрованных шуток, неявных аллюзий, тайных формул. Их внутренняя близость, привязанность очерчивала вокруг них еще один круг невидимой обороны, самозащиты от посягательств внешнего, вульгарного и профанного мира. Преодолеть эту оборону было несложно - но молодой Томас, вошедший в дом Принггеймов и очарованный Катей, употребил все свои силы и уменья. После длительного и планомерного ухаживания он добился своего: Катя Принггейм решилась покинуть свой волшебный родительский замок, раковину своей почти внутриутробной близости с братом и согласилась на брак с молодым многообещающим писателем. Впрочем, и эта, новая жизнь поначалу представлялась манящей и изысканной, исполненной лишь духовных испытаний и приключений.

(Действительность оказалась иной. Кате Манн предстояло в тяжелых родах произвести на свет 6 детей, переболеть туберкулезом - обстоятельства болезни и лечения были пере-

плавлены во всепожирающем литературном горниле и образовали жизненный фон грядущего романа "Волшебная гора", - перенести трудности военной и послевоенной разрухи, обеспечивая сносный уровень жизни детям и самопоглощенному Томасу, поддерживать равновесие в личных отношениях между членами семьи, представлять в качестве супруги всемирно известной фигуры, эмигрировать и реэмигрировать - и, в конце концов, умереть в возрасте 97 лет, пережив не только мужа, но и почти всех детей).

Опыт своей борьбы за семейное счастье, опыт сублимированный, транспонированный в сферу философско-эстетическую, Томас Манн отобразил в романе "Королевское высочество". Этот роман, писавшийся долго и неуверенно, вобрал в себя многочисленные размышления автора о природе и назначении художника, о его высокой миссии и отношениях с "дольним миром". Но книга в итоге получилась светлая, наполненная чуть застенчивым оптимизмом и жизнеприятием. В лукаво-иноскказательной манере современной сказки там переданы перипетии борьбы Томаса Манна и с внешними обстоятельствами, и с собственными страхами - а не повредит ли личное счастье духовной серьезности, сосредоточенности, его будущим эстетическим свершениям?

Но наряду с "Королевским высочеством" Томас представил еще одну реминисценцию своего восприятия семейства Прингстейм, а также отношений Кати и Клауса. Это небольшая новелла "Кровь Вельсунгов", написанная в 1905 году, повествующая о жизненном стиле богатой еврейской семьи (Прингстейм-отец был евреем) и об инцестуальной связи между близнецами - братом и сестрой. Здесь наружу выплынуло, не приняв, как это обычно у него бывало, эстетически зашифрованную форму, двойственное, настороженное отношение Томаса к той жизненной и семейной сфере, из которой происходила Катя: ревность к Клаусу, одновременно отчужденное восхищение им, некоторая напуганность насыщенной эмоциональностью и особой "еврейской" духовностью, которыми была окрашена жизнь этой семьи. Характерно, что здесь впервые возникает в творчестве Томаса Манна тема запретного, трансгрессивного влечения, будь то гомосексуального или инцестуального, которая позже получит богатое и изощренное развитие во многих его шедеврах. Разумеется, те-

ма эта связана и с потаенной историей его собственных эротических пристрастий и импульсов.

В конце 1905 года на свет появилась Эрика - первый ребёнок в этой многодетной семье. Через год за ней последовал сын Клаус. Теперь, минуя годы спокойного солнца, ровного подъема известности, относительно мирного сосуществования между братьями совершим скачок к катастрофе и разлому, к войне, которая обернулась чем-то большим, нежели соучастие в общеевропейской беде, - жестоким кризисом, "опытом переоценки всех ценностей".

Генрих с самого начала стал на пацифистские, чтобы не сказать пораженческие позиции. Он откровенно предпочитал победу стран Антанты, воплощавших в его глазах начала демократии и космополитизма. Томас же нашел в этом глобальном катаклизме средство разрешения собственных душевно-духовных проблем. Его "бюргерская совесть", та часть его естества, которая жаждала приобщенности, тянулась к "здравому и ясноглазому" и мучилась комплексом вины за свое художническое отпадение, нашла в войне, в разбушевавшемся национальном энтузиазме путь к воссоединению с целым, средство восстановления исчезнувшей жизненной органики. (Тут можно провести параллель с чувствами, которые испытали четверть века спустя художники и интеллигенты Советской России, узрившие в военной буре очистительное и примиряющее начало, подводящее черту под трагическим расколом народа - вспомним Ахматову, Пастернака, Эренбурга, Платонова).

Томас Манн написал несколько эссе, в которых оправдывал необходимость войны со стороны Германии потребностью защищать глубинные, консервативные основы бытия и культуры, иерархию ценностей от либерально-демократических потоков, способных все размыть и уравнять. В конце 1915 года он начал работу над эссе "Размышления аполитичного". Работа растянулась на годы, а эссе вылилось в 600-страничную книгу - исповедь, жалобу, попытку объяснения и самозащиты в рушащемся мире.

Из под пера Генриха вышла знаменитая статья о Золя, которая стала манифестом германского писателя-диссиденты, написанным эзоповым языком. Томас Манн усмотрел в ней личные выпады (которые и вправду там присутствовали,

пусть и помимо осознанной воли автора - братское мироощущение прорывается и на подсознательном уровне), и их резкие политические разногласия увенчались личным разрывом.

Время, однако, вынашивало перемены. Война закончилась военно-политической катастрофой, консервативно-романтический и патриотический подъем сменился апатией.

Томас медленно, неохотно отказывался от своих музыкально-философских обольщений. Стало ясно, что попытка отстоять традиции и ценности жизненной органики, культурной самобытности и духовной сосредоточенности силой оружия оказалась безнадежной. Война не только подорвала экономические основы нормальной жизни, привела нацию на грань физического истощения и вырождения - она вызвала к жизни демонов самого безответственного радикализма слева и справа.

Писателю пришлось задуматься о новых формах политической жизни, которые смогли бы защитить культурно-гуманистическое наследие. Его мысль обратилась к демократии, но опять же не наличной, коррумпированной и крикливой, а к "платоновской идее" демократии, просвещенной гуманистической мыслью, обогащенной воспитательными концепциями в духе Гете, обращенной к общественному благу. Что из того, что в окружающей реальности не наблюдалось ничего подобного - Томасу Манну, похоже, не чужда была мысль самому стать адептом и вождем такого культурно-политического движения. На этой новой почве оказалось возможным и личное примирение с братом, после того, как Генрих в начале 1922 года перенес тяжелую болезнь. Но полной гармонии в политических воззрений братьев снова не наступило. Ибо пока Томас сложными путями шел к принятию, пусть с оговорками, политической демократии, к воссоединению бургерских духовных устоев с европейским либерализмом, Генрих уже оставил и то, и другое далеко в тылу, все более приближаясь к идеям воинствующего социализма и большевистского интернационализма.

В 1924 году был, наконец, закончен *Opus magnus* зрелой поры Томаса Манна - роман "Волшебная гора", работа над которым началась еще до войны. Роман этот - многослойный и изысканный литературный "пиrog" - метафорически свидетельствует о сломе и переплавке ценностей, иллюзий и жиз-

ненных повадок уходящей эпохи, о зарождающихся тенденциях, еще нерасчлененных и амбивалентных, "настоящего, не календарного" XX века. При этом все сверхличные и философические интенции повествования весьма искусно облачены здесь в ажурнейшую психологическую ткань, сочетаются с обнаружением прихотливейших движений, импульсов и соблазнов души.

В историю созревания и духовной "возгонки" Ганса Кастро-па, "трудного дитяти жизни", "маленького буржуа с влажным очажком в легких" Томас Манн вложил много личных и подспудных впечатлений, размышлений и переживаний, наполнив эту фигуру символическим смыслом и не лишив ее при этом чисто человеческой привлекательности - сочетание в литературе редкое. Все "музыкальные темы" романа: любовь, болезнь и смерть, законченность форм средиземноморско-европейской цивилизации и выюжная беспредельность антибуржуазного славянского начала, обязательства практической жизни и взыскательные требования духовности, красноречивая риторика либерализма и головокружительные соблазны радикальных идеологий - все это пропущено сквозь призму личности героя, все оставляет формирующие следы на "чистой доске" его поначалу неискусенной натуры. Характерно, что любовное вление Ганса к Клавдии Шопа пребывает в романе под знаком сугубой сомнительности и запретности. Клавдия - замужняя женщина, больная довольно тяжелой формой туберкулеза, она происходит из гиперборейски-загадочной и чуждой России, отрицающей все европейские нормы и конвенции, и, наконец, в воображении Ганса она ассоциируется с Пшибыславом Хиппе, мальчиком-славянином, к которому в школьные годы Ганс испытывал глубокую и оставшуюся скрытой привязанность.

В этом прикосновении к сфере однополой любви, как и раньше, в "Смерти в Венеции", писатель дал скучное и эстетически претворенное выражение собственных эротических устремлений. Здесь уже говорилось, что Томас Манн всегда был далек от идеала безупречной мужественности, которую влечет к себе "вечная женственность". Натуру писателя гораздо вернее характеризует сбивчивая многонаправленность и многополярность влечений, в которых он не любил признаваться, уклоняясь и защищаясь, лишь на страницах своих

книг давая себе волю, в высшей степени ограниченную, взнужданную, воспевать и анализировать свой эрос.

Генрих Манн в те годы написал роман "Голова", в котором ставил перед собой примерно ту же задачу, что и Томас в "Волшебной горе" - обозреть немецко-европейскую историю с конца века и до конца войны, вычленить основные ее тенденции, подвести итоги. Только это свое ревю Генрих Манн осуществляет не в замкнутом модельном пространстве, где быт, психология и риторические дуэли обитателей горного санатория презентируют исторические тенденции и события, а на сценической площадке актуальной жизни, где развертываются параллельно судьбы двух друзей-соперников, Мангольфа и Терра, карьериста и идеалиста, каждый из которых отстаивает свою жизненную, личностно-сверхличностную идею. Здесь распахиваются широкие историко-политические горизонты, здесь скрещиваются замыслы и интриги придворных - и финансовых магнатов, депутатов от оппозиции - и пушечных королей, здесь тяжело погромыхивает транснациональная авантюрность повествования. В конце романа оба героя терпят крах, и их сдвоенная гибель подводит жирную черту под эпохой "буржуазного индивидуализма". Нужно добавить, что в "Голове" настойчиво - чтобы не сказать назойливо - звучат инцестуальные мотивы.

А между тем на арену жизни, "в погоно за любовью" выходило новое поколение клана. Старшие дети Томаса, Эрика и Клаус, отличались поразительно ранней зрелостью, артистической, если не человеческой. Эрика и Клаус своей жизнью в родительском доме как бы воссоздают матрицу отношений Кати и Клауса Прингстеймов - объединенность в оборонительно-наступательном союзе против окружающего мира. Вернее, мира взрослых, потому что сверстников они довольно легко и беззаботно допускают в свой круг. В доме - их подавляет, сковывает атмосфера почтительности по отношению к отцу, "Волшебнику", как они называют его. Отец был отчужден, рассеян, почти недосягаем. Лишь иногда он нарушал материнскую монополию Кати импровизированными педагогическими вторжениями, обычно не слишком успешными. Впрочем, как всегда в этом семействе, существовал разрыв между видимостью и сущностью. Холодноватая непроницаемость отца, во всяком случае по отношению к Клаусу, имела и обо-

ротную сторону. Некоторые биографы Томаса Манна утверждают, что тот, с ранней юности неравнодушный к мужской красоте, в пору, когда Клаусу было лет 14, испытывал род эстетизированного физического влечения к нему - в дневнике писателя есть запись на этот счет. Может быть, именно осознание этого запретного тяготения наложило отпечаток на отношения писателя с сыном. И здесь - один из ключей к пониманию жизненного стиля Томаса Манна. Свою внутреннюю слабость, неуверенность, зыбкость своей человеческой и мужской стати он окружал и опоясывал броней эстетической изощренности, верности этическим императивам, отчужденностью, граничащей с надменностью. Таким был его личный, найденный и отработанный им способ справляться с хаосом, зовами бездны, опьянения, небытия. Он, как немногие другие, ощущал хрупкость и уязвимость жизненной и эстетической нормы, он чувствовал, что в двадцатом веке она достижима лишь как следствие самодисциплинирующего усилия, постоянного контроля разума и чувства долга.

Догадывался ли Клаус о характере родительских чувств? В 1924 году он написал рассказ "Отец смеется" - о девочке Кунигунде, вступающей в инцестуальную связь с отцом. Что же касается его собственного поведения - разделяемого во многом Эрикой, - то оно часто выглядело, как демонстративное и карикатурное отрицание всего того, что было важно для отца, для всего поколения отцов. Но отрицание это было в высшей степени амбивалентным - скорее, Клаус в своем образе жизни и творчестве развивает, выносит на всеобщее обозрение потаенные влечения и склонности, которые столь осторожно, сублимировано обозначаются в произведениях отца, да и дяди. Разительный пример тому - фрагмент мемуарной книги Клауса "Поворотный пункт", в котором он с подкупющей откровенностью рассказывает о подростковой привязанности к однокласснику Уто. Исповедь эта своими деталями поразительно напоминает страницы "Волшебной горы", посвященные воспоминаниям Ганса Кастропа о его молчаливом романе с Пшибыславом Хиппе!

Уже в очень ранней юности Клаус и Эрика бросаются в воздворот богемного бунтарства, эпатажных выходок и эскапад. Все - на публику, под свет юпитеров. Долой замкнутость ма- га, единственную отцу! В начале 20-х они учреждают тройст-

венный союз с Памелой Ведекинд, дочерью знаменитого драматурга предвоенной поры, девушкой экстравагантной и взбалмошной. В 18 лет Клаус предложил ей руку и сердце и в течение некоторого времени считал себя ее женихом - к вящему расстройству родителей. Брак, однако, не состоялся - Памела предпочла ему лесбийский роман с Эрикой. Клаус нашел утешение в гомосексуальной связи с Рики Халлергарденом. Одновременно он экспериментировал с наркотиками, устраивая замысловатые коктейли из гашиша, кокаина и морфия.

Все это лишь стимулирует артистические наклонности брата и сестры. Они бурно увлечены сценой. Клаус писал театральные рецензии для одной из берлинских газет, Эрика играла эпизодическую роль в постановке Макса Рейнхардта "Святая Иоанна" по пьесе Шоу. Вскоре последовал и первый драматургический опыт Клауса - пьеса "Аня и Эстер", в которой его юношески-смутные мечтания и вожделения замешаны на метерлинковском мистицизме и экспрессионистской взвинченности. Пьеса была вскоре поставлена. Изюминкой спектакля было то, что главные роли исполняли Эрика Манн, Памела Ведекинд, сам автор пьесы и восходящая звезда Гамбургского театра Густав Грюндгенс (в будущем - кумир поочередно левой "веймарской" интеллигенции, нацистов и немецкой публики времен послевоенного экономического чуда). Грюндгенс вскоре стал мужем Эрики. При этом он оставался объектом восхищения и привязанности Клауса

Спектакль имел шумный успех в Гамбурге и Мюнхене. Слава второго поколения семейства Маннов росла. Даже и тогда - а сейчас тем более - трудно было разобрать, что являлось главным ее компонентом - таланты молодых отпрысков или их знатное происхождение и вызывающе-эпатажное поведение. То и другое соединялось в не поддающуюся анализу сенсационную смесь. Публика смаковала контраст респектабельной изысканности отца и модернистского, экспрессионистского стиля детей. Язвительный Бертолт Брехт, которого с души воротило от неоклассической повадки старшего Манна, писал в одной из своих статей: "Всему миру известен Клаус Манн, сын Томаса Манна. Кстати, кто же такой этот Томас Манн?"

Личностно-творческий дуэт, симбиоз Клауса и Эрики к концу 20-х годов становится нагляднейшим воплощением духа времени, существенной тенденции европейского духа, сломленной, сбитой в лет событиями 30-х. Я говорю о возникшем тогда новом понятии: молодой европейский интеллектуал. Смыслы в понятие вкладывались широкие и клубящиеся, явно неоднозначные. Подразумевался космополитизм, духовное парение над национальными границами, приверженность либерально-демократическим принципам - с розовым отливом идеи социальной справедливости, культурный плюрализм, современный урбанистический стиль, полная моральная толерантность, воля к безграничному расширению духовного и физического опыта, к распахиванию "врат восприятия". Книги, путешествия, автогонки, наркотики, пацифизм, про-большевизм, сексуальная мини-революция...

Круг "молодых европейских интеллектуалов" был широк и подвижен: к нему могли принадлежать (а могли и нет) англичане Оден и Спенсер, французы Кревель и Мальро, немцы Клаус Манн и Зюскинд. Они предвосхищали будущее: Европу без границ и нравственных табу, свободный обмен идеями и ценностями, полный отказ от национальных предрассудков, темных эмоций, воинственной риторики и силовых решений. Они были пророками и провозвестниками того, что сбудется лишь 30 лет спустя, да и то совсем по-другому.

Тем временем звезды старших представителей клана достигли зенита. В особенности это относится, конечно, к Томасу Манну. В 1928 году ему была присуждена Нобелевская премия по литературе. "Волшебная гора" обрела статус чуть ли не образцового немецкого опуса, романа культуры, психологии, воспитания, но одновременно и с политico-идеологическими обертонами, которых немецкой прозе традиционно недоставало. Престиж Томаса Манна, и на родине, и за рубежом, был непрекращаем, и Генрих, очевидно, смирился с верховенством и лидерством младшего брата, продолжая идти своим путем. Его произведения конца 20-х - начала 30-х годов, романы "Большое дело" и "Серьезная жизнь", напоены каким-то странным сочетанием социально-политической, почти фельетонной злободневности и дерзкого философского фантазирования, переводящего актуальные реалии в некий вневременной, отвлеченно-призрачный, притчевый план. Их

сомнамбулическая пластика предвосхищает барочную и сновидческую образность фильмов Феллини. Впрочем, успех этих романов было весьма ограниченным.

А Томас Манн принялся за сочинение грандиозной вариации на библейскую тему - истории Иосифа. Здесь он дает волю своему юмористическому философствованию, стихии благожелательного пародирования, страсти к придирчиво-точному и скрыто ироничному описанию, каталогизированию, чинной игре с сакральными источниками. Здесь он устраивает квази-объективное состязание эпико-мифологической стихии с духом современного романа, анализирующего и объясняющего, а сам притворяется невозмутимым арбитром, чтобы на деле подспудно и искусно подсуживать роману, радуясь его свободе, нестесненности, его способности объять и осмыслить все, включая собственную природу.

Приход к власти нацистов стал неожиданностью для обоих старших Маннов. Они были плохими политическими пророками - недаром один немецкий исследователь назвал их "неумелыми магами". Генрих Манн в мае 1932 года писал в письме брату: "Разделяю я и твое мнение, что откровенное варварство в этой стране не победит". Варварство, глумливое и патетичное, размалеванное пестро и грубо, уже переступало порог. Перипетии тяжбы семейства Маннов с эпохой нацизма хорошо известны - здесь стоит отметить лишь несколько колоритных штрихов. Генрих Манн незамедлительно эмигрировал во Францию и оттуда вел доин-кихотскую публицистическую войну с режимом, которая осложнялась обычными внутри-эмигрантскими склоками и расправами. Томас, по своему обыкновению, держался более уклончиво и осторожно, до конца проверяя возможность оставаться в пространстве Германии если не физически, то своими книгами. Покинув страну, проживая в Чехословакии и Швейцарии, он только в 1936 году публично и недвусмысленно расплевался с гитлеровскими властями, следствием чего и стало лишение его германского гражданства. Двумя годами позже Томас Манн с женой осели в гостеприимной и восторженной по отношению к европейской знаменитости Америке.

Дальнейшее свивается в причудливый узор, вышитый по канве эпохи. Клаус, Эрика и второй сын Томаса Манна Голо остаток тридцатых проводят в эмигрантских скитаниях по Ев-

ропе и Америке. Уют, порядок, стабильность рухнули, оставив взамен ощущение безгранично широких и пустых горизонтов, которые надо было заполнять собственными усилиями. Друзья оказались разбросаны по континентам, бесприютные, непризнанные и неприкаянные. Миф о новой молодой и либерально-цивилизованной Европе рухнул, зато вместо него появился противник, враг в лице нацизма, несомненный и неподдельный объект приложения энергии и ненависти. Зло обрело конкретность, плоть. Хотя с добром все оставалось сложным. Клаус, равно как и его почтенный дядя, после успеха Гитлера смеялся к левой границе политического спектра. Народный фронт во главе с коммунистами был пародией тогдашней французской и немецко-эмигрантской политической жизни. Но тут приспели Московские процессы, сильно смущившие Клауса. К тому же незадолго до того его старший друг и кумир, Андре Жид, вернулся из Советского Союза разочарованным. Генрих Манин, однако, как и многие западные интеллектуалы его поколения, продолжал оставаться под обаянием сталинской харизмы. Даже процессы, похоже, его не насторожили. Во многих его письмах той поры встречается имя Радека как обобщенный символ того, куда может привести левого интеллигента отсутствие принципиальности и идеологическая нечистоплотность.

А Клаус в это время лихорадочно пишет и публикует свои главные книги: "Чайковский" (беллетристованная биография композитора), "Вулкан" (роман о немецкой эмиграции), "Мефисто", в котором он сводит счеты с другом юности Грюндгеном, преуспевшим тогда на театральных подмостках нацистской Германии (мы знакомы с киноверсией романа - одноименным и талантливым фильмом Иштвана Сабо). Текст этот бурлит гневом и обидой, в нем Клаус Манин выворачивает наизнанку душу своего антигероя, обнаруживая в ней бешеное тщеславие, погоню за модой и успехом, мазохизм, слабость и нерешительность, и превыше (или глубже) всего - безграничный артистический протеизм, лицедейство как бытийный принцип, растворяющее в себе всякий личностный стержень. Роман получился злым, нервным, ярким, несправедливым. И кто скажет, какая часть его проникновений в темные глубины художественной натуры была основана на самонаблюдении? Интересно, что в поэтике своей Клаус в это

время гораздо ближе к дяде, или, скажем, к Альфреду Деблину, чем к отцу. Его стиль - не описательно-аналитический, с поступательным развертыванием "мыслеобразов" и постепенным накоплением точных, символически значимых подробностей, а "синкопический", пунктирный и импульсивный, чередующий мелодраматические эпизоды с прямыми авторскими комментариями-оценками.

Эрика, перебравшаяся в Швейцарию, основала в Цюрихе литературно-политическое кабаре "Перцемолка", с острой антифашистской направленностью. Она, как и ее брат, отдалась накалу и азарту борьбы, сопротивления тому, что представлялось тогда всепожирающим Молохом, или всесокрушающей колесницей Джаггернаута. Давно уже расставшись с Грюндгенсом, она в это время стала женой известного английского поэта Одена. Не оставляла Эрика при этом и свои лесбийско-феминистские повадки.

Братья же Манны в чисто литературном плане впервые, пожалуй, в своей жизни двигались параллельными и довольно близкими курсами. Монументальный роман об Иосифе, работа над которым заняла у Томаса все тридцатые годы, в идеологическом плане оборачивался "гуманизацией мифа", утверждением примата разума, доброй воли, "мудрости перед богом" в истории и жизнестроительстве. Библейский Иосиф проходит в тетralогии путь от юноши-мечтателя, самовлюбленно-безответственного сновидца и эстета до мудрого политика, правителя и пастыря, служащего всеобщему благу на кривых и сомнительных тропах государственной власти, виртуозно владеющего инструментами анализа, предвидения, а если нужно - и жесткого принуждения. Недаром в конкретном политическом контексте 30-х - 40-х годов этот литературный герой вызывал ассоциации с фигурой Рузельта.

Близкий, типологически сходный образ "благого вождя", создает и Генрих Манн в это время в своей дилогии о французском короле Генрихе IV. История - альтернативное культурное пространство 30-х годов, в нем европейские гуманисты искали не столько прибежище, тихую обитель для отдыха от катастрофической реальности, сколько средство компенсации, духовный полигон, потешное поле, на котором можно взять реванш у непослушной действительности, обуздать ее, гармонизировать и рационализировать. Нечто подобное произ-

водит в своем романе о Франции XVI века Генрих Манн. Его герой, Генрих Наваррский, предстает здесь надвременным носителем начал разума, гуманности и прогресса. Его опыт должен служить залогом того, что человеческая природа и человеческое общество поддаются улучшению. И, надо отдать должное мэтру, подобную задачу он решает с несколько громоздкой элегантностью, избегая провалов в дидактизм и назидательность. При этом воссоздание исторического колорита эпохи, с отблесками крови и пламени, с ароматами вожделений, жестокости, телесных испарений и тления, сопровождается у него отстраняющими комментариями в духе брехтовского эпического театра, обнажающими социально-психологические механизмы "человеческой комедии".

Дилогия о Генрихе IV - последнее плодотворное усилие стареющего писателя. Жизнь его, как и его эпоха, движется под уклон. Когда разразилась война и немецкие войска затопили Францию, Генриху пришлось бороться за жизнь. Осенью 1940 года он совершил - в компании жены, племянника Голо, Фейхтвангера и Верфеля с их женами - переход через франко-испанскую границу в Пиренеях и после этого сумел сесть в Лиссабоне на греческий пароход, направлявшийся в США. Там он продолжал работать, но в стесненных материальных условиях. Явным выражением этой ситуации стало ежемесячное вспомоществование, которое выплачивал ему теперь младший брат.

Удивителен рок, преследующий эту семью и поражающий ее членов, кровно не связанных с кланом. Жена Генриха Манна Нелли в конце 1944 года покончила с собой, отравившись. Это была ее пятая суициdalная попытка. Она повторила судьбу сестер Генриха и Томаса, Карлы и Юлии. Сам Томас Манн в это время пребывал в зените своей заокеанской славы и нестовал плоды своего "стариковского авангардизма" - грандиозное символическое иносказание о судьбах Германии и культуры "Доктор Фаустус" и гораздо более скромный опус "Избраник", где, однако, смело трактуется тема близости крайней греховности и глубочайшей святости. Тема эта была очень актуальна в ту пору для писателя, напряженно размышлявшего о двух лицах Германии - рафинировано-культурном и нацистском. Общим для обоих романов является мотив соблазна, искушения, принимающий то рафинированно-духов-

ную, то откровенно эротизированную форму. Снова, на страсти лет, писатель отдает дань потаенным, запретным импульсам своего естества, снова он помещает их в контекст эпохальных уподоблений и сопоставлений.

Между тем в окружавшей его жизни развертывалась еще одна зловеще-увлекательная драма. Клаус в 40-е годы все больше тяготился общим порядком вещей в мире и собственной жизнью. Он вступил добровольцем в армию США. Однако казарма как форма существования была ему абсолютно противопоказана. Все чаще оказывается он в сумеречном психологическом состоянии, все чаще соблазн небытия затопляет его сознание. Чуть ли не единственной его отрадой оставалась связь с сестрой, с Эрикой. Их контакт, несомненно, оставался особой, чувственно-сверхчувственной формой родственного, андрогинного со-бытия, симбиозом. Между тем, и отец испытывал все большую потребность в помощи, участии, просто присутствии дочери. Она все чаще выполняла обязанности секретаря, помощника, переводчика при Томасе Манне. Возникло некое негласное соперничество. И притяжение большей массы победило. Конечно, нельзя сказать, что именно это послужило главной причиной ухода из жизни Клауса в 1949 году. Однако некоторую роль в доведении давнего флирта Клауса со смертью до логического завершения отдаление Эрики сыграло. У отца этот акт исторг лишь возглас сожаления относительно матери и сестры Клауса - очевидно, его вывела из себя демонстративная театральность последнего жеста сына.

На следующий год умер и Генрих Манн. Последний период своей жизни Томас Манн проводит в прогрессирующем человеческом одиночестве, сопровождающемся противоречивыми тенденциями в его культурно-политическом статусе в мире. Да-да, ибо он стал к тому времени чем-то вроде общественной институции. Престиж его творчества в широких кругах европейской интеллектуальной публики был беспрецедентным. В то же время на своей "второй родине", в США, Томас Манн, не скрывавший своих левых убеждений обретенных в период борьбы с нацизмом, был вовлечен в конфронтацию с набиравшим силу антикоммунизмом. А вместе с тем - среди его соратников по перу, как принадлежавших к его поколению, так и "сыновей", развивалась раздраженная реакция отторжения на личность и произведения живого классика. Альфред Деблин и

Вольфганг Кеппен, Бертольт Брехт и Ганс Хольтузен соревновались в критицизме по отношению к Томасу Манну, упрекая его в позерстве, высокомерии и скрытом эссеизме, подменяющем подлинную художественность. Похоже, причиной этому было не только личное соперничество. Они говорили от лица времени, которое ценило лишь дерзость попытки, замах эксперимента, яркость фрагмента. А Томас Манн постоянно бросал ему вызов, создавая завершенные и отделанные опусы.

Впрочем, один свой давний замысел он так и не довел до конца. Текст "Признания авантюриста Феликса Круля" был начат еще до Первой мировой, в начале 50-х писатель вернулся к нему. Это был еще один критический очерк эпохи и ее духа - на этот раз стилизованный под плутовской роман. Здесь Томас Манн стремится преодолеть инерцию своей манеры, обстоятельно-глубокомысленной, прибегая чуть ли не к кинематографическим поворотам и ракурсам. Быть может, литературная маска обаятельного ловчилы и паразита Круля приоткрывала какие-то нереализованные свойства натуры автора? Замысел, однако, и во второй раз остался незавершенным.

В 1955 году Томас Манн умер - "и мир был почтительно потрясен". Его намного пережили жена Катя, дочери Эрика, Моника, Элизабет, сыновья Гоно и Михаэль.

Каков же сверхличный "культурологический" смысл и урок этой семейно-литературной истории? Напрашиваются "энергетические" трактовки. Закон сохранения и превращения. Неравномерное распределение творческой потенции между "центром системы" (Томас Манн) и ее "периферией" (брать, дети). Отчаянные попытки обделенных возместить недоданное природой путем личных усилий, борьбы и преодоления. Неудача, по большей части, этих попыток - Томас Манн и в плане дисциплины, продуктивности, жизненной стойкости превосходил своих единокровных соперников. Полностью выбраться из его тени им так и не удалось.

Сверх всего этого творческая биография клана Маннов является собой необычайно яркое свидетельство неизбывной проптиворечивости, "блеска и нищеты" литературного существования, его несовместимости с житейской нормой, равновесием, простым счастьем. А также - взаимной обратимости человеческого отчаяния и эстетического свершения, тесного соседства успеха и катастрофы. Когда бы мы знали, из какого сора...

ИЕРУСАЛИМСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Meir Vizeltyir

ИЕРУСАЛИМ-3000

Иерусалим, белокаменное крылечко Бога,
но Бог не является на эти посиделки,
где сидят себе на бледномраморной плите
мусульманский торговец орешками-пряностями,
с трудом пристроив на краешке ползандницы, -
и толстушка-монашенка, воспроизводя свои грезы
о венчании, освященном на небесах,
с еврейским аврехом распятым.

Но и она на скамейке Бога сидит лишь ползандницей.

А посередине всем седалищем
восседает, раздвинув колени,
с подчеркнутым комфортом, Эхуд Ольмерт.
На правом колене - потерпая марионетка

в капоте и штреимлах

(реквизит польской черты оседлости).

На левом - статуэтка Астарты
(реплика из Музея Израиля).

Имеется также кобура на поясе,
прикрытая, правда, полой пиджака.

Хасид и Астарта - в ссоре.

Торговец скрежещет зубами,
но, блюдя приличия, кивает: "Шалом".
И монахиня бормочет: "Шалом, шалом".

Ну и Ольмерт туда же.

Холод ему в заднице,

зато тепло на сердце.

И лыбится от уха до уха.

(Подстрочный перевод Н. Гутиной)

Нелли Гуттина

В ПЛЕНУ У ПОЛИТИКОВ

Интервью с Меиром Визельтиром

Поэт Меир Визельтир родился в Москве. Отец его погиб на фронте во время прорыва ленинградской блокады, мать после войны попала в тюрьму. Сестра, выйдя замуж за поляка, сумела вывезти брата из России в возрасте пяти лет.

В Израиль он попал к восьми годам, русского не помнит - в отличие от его старшей сестры, которая успела закончить школу в Москве.

Поводом для встречи послужило то, что Меира Визельтира представили на Премию Израиля. Кроме естественного желания поздравить поэта с премией, мы еще испытываем дополнительное удовлетворение от того, что эта премия подтверждает правильность выстроенной нашим журналом культурной иерархии. Мы переводили его часто, и наши авторы называли его лучшим из поэтов Израиля еще в ту пору, когда на слуху были другие имена.

Хотя я в поэзии не разбираюсь, одно стихотворение Меира Визельтира вошло в мое сознание и даже во многом определило мое отношение к стране, в которой я живу, и ее культуре. Я думаю, такое воздействие стихотворной строки на человека, далекого от поэзии стоит любой критической оценки. Я имею в виду стихотворение "Тель-авивские зарисовки". В нем поэт с добродушной иронией говорит о своей любви к людям, которые тусуются в Тель-Авиве - "городе без концепции" - на выставках концептуального искусства.

В политическом плане Визельтир не видит разницы между нашими двумя большими партиями - в плане владения ресурсами и концентрации власти, - но мои подозрения, что к власти у нас пришла скрытая хунта, считает паранойей.

Во время беседы Визельтир развил свою мысль о том, что мы живем в стране без концепции, но он считает, что это, может быть, и к лучшему.

- Вы так резко критикуете политику иммиграции, что даже вызвали на себя огонь со стороны "русских" депутатов Кнесета и организаций "узников Сиона"...

Я сказал, что у нас в стране все делается без предварительного обдумывания - как-то истерически. В том числе и все связанное с алией. Сама постановка вопроса, даже риторического, о ее возможном планировании, вместо стихии, вздымаемой волнами ложного энтузиазма, воспринимается как покушение на святая святых - право на депатриацию. А я сказал всего-навсего: послушайте, кто-нибудь предварительно подсчитал, во что обойдется, например, перемещение тысяч пенсионеров, которые никогда здесь не работали? Это был всего лишь один пример в контексте моей общей критики системы, а не собственно выпад против пенсионеров.

Я говорил, что в нас в стране существует режим, подобные которому давно сошли со сцены истории. Это система, основанная на пустых лозунгах, из которых совершенно выхолощено содержание, как это было в тоталитарных режимах вроде СССР. У нас эта идеология дает легитимацию излишней централизации власти в одних и тех же слоях населения и отношению определенных классов (по обе стороны политического спектра) к государству как к своей вотчине - отношению типа "Государство - это я". У нас сложилась ненормальная ситуация, которую можно назвать болезнью обостренной политизации. Писатель Ионатан Шапиро в свое время определил это как состояние пребывания "в плену у политиков". Это состояние продолжается, и, может быть, поэтому наша беседа с самого начала принимает форму политического трактата об особенностях государственной власти в Израиле, а не об особенностях израильской поэзии.

Вначале (я имею в виду первые этапы создания государства) это было оправданно. Отцы-основатели знали, что делали, и знали, чего хотели. Тогда же выкристаллизовалось меньшинство людей, которые вынуждены были управлять стихией, - они организовали волны алии, они поднимали огромные человеческие массы на создание государства. Конечно, проект такого размаха требовал централизации и концентрации власти. При этом старая гвардия не подпускала к средоточию власти не только новых иммигрантов, но и свое собственное молодое поколение - сабр. Таких людей, как Рабин,

- в ту пору мальчиков, - воспитывали в сельскохозяйственных школах (о высшем образовании речь не шла), потом закаляли в ПАЛЬМАХе. Им предстояло только реализовывать планы и проводить в жизнь решения старой гвардии. Нужно также учесть, что из их поколения многие погибли - в Войне за Независимость ищущ потеряв один процент населения, - и все они были представителями тех кругов, которые должны были сменить старую гвардию в управлении страной. Их осталось немного, активных деятелей, и отсюда корни, во многом понятные, этого их отношения к государству. Так возникла ситуация, когда управление страной сфокусировано в очень немногих кланах, как слева, так и справа - по обе стороны политического спектра. В течение какого-то периода это было продуктивно.

Разложение, однако, началось еще в шестидесятых годах.

- Насколько сегодня этоrudimentарное явление препятствует превращению Израиля в демократическое государство?

Эта централизация, или этот патент концентрации управления в немногих семействах в какой-то степени противоречит демократии, которая предполагает социальную мобильность и равенство возможностей. Стало быть, в нашем случае демократизация государства как бы обусловлена децентрализацией. Но посмотрите, какие силы у нас стоят на страже централизации и какие работают в противоположном направлении. Если мы внимательно изучим эти силы, то придем к парадоксальному выводу, что эти силы в случае победы могут привести к еще большей централизации, чем та, с которой нам придется иметь дело сегодня, потому что значительная часть этих сил антидемократична по определению. Иными словами, мы имеем демократию без демократов. Возьмите, к примеру, религиозных: они заведомо передали полномочия выносить окончательный вердикт не своим избирателям или их форуму, а одному человеку, который у них назначен верховным вождем и чуть ли не наместником божественных сил.

- Формально это, конечно, далеко от демократии. Но, может быть, этот единственный человек в гораздо большей степени подвержен влиянию других мнений, людей и факторов, чем, например, военная хунта. Разве светская часть населения не передала полномочия управления узкой касте людей, которые убедили всех остальных, что только они знают как обеспечить безопасность государства?

Не стоит называть их хунтой, назовем их просто - экспериментаторы. Когда я говорю, что одни силы действуют против других, я говорю о стихийных движениях, а не о каком-то генеральном плане. Я не пишу научно-фантастический роман. Я не развиваю теорию заговора. Я уверен, что при противоборстве тех или иных сил ни у кого из них нет генерального плана и четкой концепции - это страна без концепции. Ее нет ни у тех, кого вы называете хунтой, ни у религиозных ортодоксов.

- *Давайте обозначим те силы, которые работают на централизацию управления.*

Кроме преемственности кланов, исторически сложившейся в процессе создания государства, есть еще один определяющий фактор, который играет здесь большую роль, - это армия. Армия - не демократический институт, и она не обязана быть таковым. Что происходит, когда методы, отработанные в армии, привносятся в систему управления? Еще большая централизация.

- ...которая дает возможность военной олигархии во имя реализации своих стратегических планов взять в заложники целую армию и, возможно, целую страну...

Я, в отличие от вас, не верю в теорию заговора, я понимаю привлекательность такого рода концепций, потому что они все ставят на свои места. Но я не верю, например, что у Барака имеется тайный план держать солдат в Ливане и жертвовать некоторыми из них, чтобы добиться победы в референдуме. Я думаю, что у Барака и людей его типа - Вильяни, Шахака - есть еще тормоза. Демократия для них является необходимым условием, рамкой, которой они намерены придерживаться, - они не пойдут по пути хунты, - еще нет... Но я должен признаться, что только на пятьдесят процентов понимаю людей этого типа. А кто знает, кто придет после них? Я не могу исключить, что в будущем не будут задействованы "танки", - не в прямом, а в переносном смысле, потому что танки - это старая технология централизации власти, сейчас есть и новое. Все может быть, и, как говорят, "даже у параноиков могут быть враги". Даже приверженцы теорий заговора могут оказаться правы.

Повторяю, все может быть - но может и не быть. У нас в обществе крепнут силы, которые противостоят централизации,

которые работают в сторону рассредоточения - и на добро, и на зло. Я не говорю, что это положительные силы, я просто отмечаю как факт, что эти силы противостоят централизации. Это и русские с их партиями, это поселенческие движения, это арабы, это ортодоксы различных течений и этнических групп, это молодежь с ее ориентацией на Америку. Говоря о молодежи, я не имею в виду молодежную субкультуру - я говорю о личностных качествах нового поколения, для которого слово "эпил" звучит сочнее, чем наше "тапуах".

- *Если имеется в виду американизация, то ведь это глобальная культурная проблема...*

Эта глобальная проблема на нашем локальном уровне стоит намного острее, чем, скажем, во Франции или где-либо в другом месте. Я здесь не говорю об американской модели как модели для подражания. Модель для подражания - это продуктивная сила в культуре. Римская культура сознательно копировала греческий оригинал - а создала нечто совершенно иное. Создавая свои оригинальные произведения, Вергилий был уверен, что копирует Гомера. Я не вижу ничего плохого в том, чтобы имитировать образцы цивилизации. Я не против отношения типа: вот, это замечательная вещь, я хочу сделать здесь такое же, даже лучше. Это продуктивная имитация. Но это не имеет ничего общего с тем, что происходит у нас.

Когда я говорю о молодежи как децентрализующей силе - имею в виду растущую тенденцию полного отчуждения от государства и всего, что за этим стоит. Эта децентрализующая сила может оказаться деструктивной.

Вторая децентрализующая сила - это ортодоксы. Здесь тоже налицо отчуждение от государства - даже в том случае, когда они якобы предлагают альтернативную модель управления - государство по Галахе. Эта их так называемая галахическая модель - пустой лозунг, который может служить только во время выборов. Но после выборов обнаруживается их несерьезность: все, чего они добиваются, - увеличения бюджета для секторальных нужд. И, может, это к лучшему: потому что теократическое государство в нашем случае - это хуже для нас, чем власть аятолл в Иране. Иран пережил уже три религии, потому что в Иране человек прежде всего привязан к своей деревне, своей земле и только потом причастен к государству, которое на сегодняшний день у них теократическое.

У нас же теократия, если бы она реализовалась, приняла бы догматическую, чисто идеологическую форму. Государственный характер теократии не был бы смягчен органической причастностью к мести, и тогда могло бы оказаться, что эта децентрализующая на сегодняшний момент сила - ортодоксы - привела к еще большей централизации власти, чем та, что мы имеем сейчас.

- *Наша партийная система, которая отнюдь не изобретение ортодоксов, а следствие нашей "светской" политической культуры, преподносится нам как аппликация демократических принципов...*

Сама система действительно демократична, но силы, которые ею оперируют, часто оказываются антедемократичными. Одни из наших партий недемократичны по сути, вторые - по определению. Партии, которые основаны на централизации власти и полномочий в руках одной элиты, так, как это построено в наших основных структурах, недемократичны по сути. Партии типа ортодоксальных, где процесс решения и полномочия переданы одному авторитету, недемократичны по определению.

- *У нас был политик, которыйставил своей целью смену элит как необходимое условие демократизации...*

Вы говорите, что Биби начал процесс смены элит? Он действительно так заявлял, и вы это купили. Но и он был несерьезен. Он тоже не намеревался это делать, как и другие. Он осуществил кое-что в области приватизации и монетарной системы, хотя и здесь, как мне кажется, он делал это не так и не до конца. Но мы говорим сейчас конкретно о процессе децентрализации или, в более узком смысле, о смене элит. Здесь он ничего не сделал. Во-первых, он сам причастен к элите, но не в этом дело. Тот, кто действительно хочет децентрализации, создает соответствующие механизмы меритократии. Назначить деятеля от футбола юридическим советником правительства - это еще не смена элит. В Америке, когда президент приводит с собой новых министров и чиновников администрации, каждый из них должен пройти соответствующую комиссию Сената, где имеется процедура утверждения. У нас создание подобных механизмов означало бы ограничение полномочий партии и ее лидера. Но отказ от части своих полномочий для наших структур неприемлем. Поэтому вся разница в том,

что один назначает своих, а другой своих. Впрочем, зачем говорить о Биби? Поговорим о Шуламит Алони, которая когда-то была министром культуры. За это время она сумела увеличить бюджет министерства культуры втройку. Казалось бы хорошо, да? Но при этом она не основала и не построила никакого альтернативного механизма распределения ресурсов, не отказалась ни на йоту от правительственные полномочий и централизма. Так в чем же разница между теми и другими в нашей политической системе? Только в адресате распределения ресурсов и влияния, только в личностях, которые занимают те или иные посты. Те или другие партии находятся у власти - это мало что меняет в плане избыточного централизма системы. Есть лишь поверхностные различия в стиле управления, во внешних его атрибутах.

Биби Нетаниягу тоже был продуктом элитных военных частей, хотя и не пошел по пути военной карьеры и учился в США. Он тоже усвоил стиль римского консула, который появляется в окружении свиты помощников. От него исходила та же эманация силы и централизма. Барак усвоил несколько более демократический стиль, он избегает появляться в окружении свиты, но тот же централизм свойственен и его управлению.

- У Биби была концепция, был план смены элит путем создания коалиции меньшинств - русские, сефарды и т.д. Это все-таки новая струя в местной политике...

А я думаю, что это был просто новый способ маркетинга, который на какое-то время казался ему средством, работающим на него, а не концепцией и, уж конечно, не идеологией. Если бы у него была концепция коалиции меньшинств, он бы не создавал вторую русскую партию Либермана. А если бы у него была соответствующая идеология, он бы не делал после выборов попытки восстановить отношения с писательской и журналистской бранжей средней руки.

Я хочу сказать, что все эти лозунги о смене элит несерьезны хотя бы потому, что ревизионисты не в меньшей степени элита, чем Партия труда, и в той же степени заинтересованы в централизме.

Я также не доверяю и теории типа "клерикалы против хунты", которая исходит из предпосылки, что нас ожидает либо то, либо другое. Скорее всего - ни то, ни другое. Не чер-

ное, не белое, а что-то среднее. Я верю в промежуточные варианты, которые не хотел бы определять, потому что никто не может программировать историю. Никогда не известно, что еще будет. Я, например, очень бы хотел, чтобы Израиль хотя бы в далеком будущем стал органической частью того средиземноморского бассейна, к которому он принадлежит, - Испания, юг Франции, Италия, Греция, Сирия, Ливан, Египет... В далеком будущем я надеюсь на общность этого пространства, которое будет чем-то совсем другим, чем собственно арабский Восток типа Ирака и Иордании.

- *Еще один способ подсознательного бегства от Ближнего Востока...*

Но я не из тех, кто бежит Востоком не испугаешь. Я говорю об этом как о своем собственном предпочтении на очень и очень дальний срок. Сегодня такое образование было бы глубокой левантской провинцией, обретенной на отсталость. Но в будущем - кто знает? В истории возможны неожиданности. Историю прогнозировать нельзя.

- *Может быть, Израиль превратится в нормальное мультикультурное образование?*

Я также и не верю в модную сейчас теорию мультикультурализма. Это возможно в больших странах, это имперское свойство. Империи всегда были мультикультурны - еще до того, как изобрели этот термин. Но мы - маленькая страна. Я не отрицаю, конечно, регионального влияния. Оно безусловно присутствует - в стиле нашей жизни, в нашей кухне... Когдато я своего родственника из Москвы попробовал накормить в йеменском ресторане - он отведал хумус и спросил, как я могу это есть. Теперь в йеменских ресторанчиках я сплошь и рядом слышу русскую речь. Есть влияние и в музыке... Но это не делает нас империей мультикультурализма.

- *В таком случае не ожидается ли у нас обострение конфликта между светскими и религиозными - того, что многие называют войной культур?*

Я, в отличие от многих, не вижу у нас никакой "войны культур". Война культур предполагает интеракцию - взаимодействие, а здесь просто каждый ходит в свою синагогу - никакой войны и ноль взаимного влияния.

Я даже хотел бы, чтобы эта война была, потому что религиозные бы в ней проиграли.

- Почему вы так думаете? Религиозная культура аккумулировала гораздо больше текстуальной информации, чем израильская светская...

Эти тексты в той же степени принадлежат мне, что и религиозным. Религиозные идеи - часть моего творчества, я работаю с этими понятиями.

- Религиозная культура гораздо больше присутствует в новых системах информации, чем светская. Раввинов и теологов в сети Интернета в тысячи раз больше, чем израильских поэтов.

Использование технологии ни о чем не говорит. Когда-то искусство было вотчиной церкви - художники и скульпторы работали по ее заказу. Однако тут возникла своя динамика, и искусство заложило основы гуманистического Возрождения и светской культуры. Я считаю, что у нас в стране религиозная культура находится в глухой обороне. Она занята только тем, как бы сохранить свой образ жизни. Доказательство - это количество учащихся йешив. Талмудическое обучение требует определенного интеллектуального уровня. Однако на сегодняшний день среди учащихся йешив есть такие ученики, которых бы на порог не пустили в йешиву на Украине, где учился мой дед и где также учился поэт Бялик. Состав учащихся йешив - вот то огромное изменение, которое произошло в еврействе. Оно не обусловлено ничем другим, кроме желания оградить свою общину от внешнего влияния и избежать диалога. Это самый настоящий эскейпизм.

- Ну, все-таки какая-то борьба и противостояние постоянно ощущаются...

Да, по мелочам. Каждая сторона норовит досадить другой и толкнуть ее локтем. У каждой на этом поприще имеются свои достижения. Но это не борьба концепций или альтернативных моделей государственного устройства. Каждая сторона при этом демонстрирует высокую степень невежества по отношению к другой. Светские, кстати, отличаются еще большим невежеством в отношении религиозной культуры, чем религиозные по отношению к светской.

- Вы считаете, что израильская светская культура конкурентоспособна? Кто ее, собственно, представляет? ТВ, или поэт, который больше не является культурным героем?

Я считаю ее вполне жизнеспособной, несмотря на то, что многие ее так называемые достижения оставляют желать

лучшего. Наше телевидение ужасно, но я не считаю, что оно представляет культуру страны. Я также не думаю, что победа на Евровидении представляет культуру моей страны. Я не имею к этому никакого отношения, и мне это никак не мешает. Мне также не мешает, что поэт больше не является "героем культуры", как это определяет прессы. Это всего лишь плата за неангажированность. Я не хотел бы быть ангажированным поэтом, который влияет на общественные процессы. Работа поэта - вскрывать внутренние пласти языка. В древние времена поэты и художники тоже не имели статуса "культурных героев" - они находились в положении обслуживающего персонала, и это не мешало им создавать творения культуры, которыми мы живем по сей день...

**В последнее время журнал поддержали
пожертвованиями следующие лица**

- А. Айнбиндер (Хайфа) - 30 шек.
- Л. Бар-Менахем (Иерусалим) - 50 шек.
- Х. Ботинко (Реховот) - 30 шек.
- Б. Гольдберг (Иерусалим) - 100 шек.
- С. Гредескул (Офаким) - 80 шек.
- доктор Г. Мучник (Хайфа) - 60 шек.
- Л. Осмоловский (Хайфа) - 30 шек.
- доктор П. Хнох (Кирьят-Тивон) - 30 шек.

**Редколлегия выражает глубокую благодарность
преданным друзьям журнала**

НЕОКОНСЕРВАТИЗМ И ТРАДИЦИОННЫЕ ЕВРЕЙСКИЕ ЦЕННОСТИ

Проблемы постмодернизма

"Здоровый дух демократии будет выглядеть однобоко, если понимать его как свободу без ответственности. Свобода, если ее реализация не сопряжена с ответственностью, угрожает выродиться в простой произвол. Я люблю говорить, что статуя Свободы на восточном побережье должна быть дополнена статуей Ответственности на западном".

Виктор Франкл

Понятие культуры предполагает некоторую систему ценностей и связанную с этим систему запретов. До сих пор каждое общество занималось тем, что через воспитание навязывало человеку систему приоритетов, общую для всех его членов, так как единство культурных понятий являлось необходимым условием сотрудничества людей. И хотя этические и эстетические предпочтения менялись, это не отменяло существование культурной шкалы ценностей и придавало культуре необходимую для самовоспроизведения консервативность. Долгое время культурные ограничения имели трансцендентный характер. Поэтому, например, Римская империя включала колониальных богов в свой пантеон, открывая таким образом возможность сосуществования разных культурных коллективов в одном имперском пространстве. Позднее гуманизм переопределил культуру в терминах "естественных прав" и "общественного договора", то есть общественный порядок стал основываться на согласии каждого отдельного индивидуума. В этих новых условиях чужеродный элемент требовалось либо пересчитать (миссионерство), либо исключить из числа полноценных обладателей прав (самоотверженно - покровитель-

ственное "бремя белого человека" или расистская теория о "неполноценных расах").

Современное свободное развитое общество, построенное в Западной Европе и Северной Америке, все менее нуждается в культуре для успешного взаимодействия своих членов, это скорее стало делом техники. Непосредственная зависимость одного члена общества от другого сводится к минимуму, но зато человек начинает остро зависеть от благополучия общества в целом. Изменился и сам принцип культурного воспитания. Ранее за неприятие ведущих принципов общество грозило отторжением, и это означало как культурную, так, часто, и физическую смерть. Сегодняшнее свободное общество не требует от индивидуума принятия какого-либо определенного мировоззрения. Оно не воспитывает, а скорее приглашает присоединиться каждого, обещая всяческие удовольствия в обмен на выполнение элементарных требований уголовного кодекса. Вместо прежних высоких идеалов сегодняшняя ведущая идеология - постмодернизм выдвигает принцип плюрализма: "Живи сам и дай жить другим". В границах этого принципа любое человеческое желание считается легитимным и заслуживающим удовлетворения. Жизненной задачей каждого становится максимизация удовольствия. Неслучайно в лозунгах так часто фигурирует словечко "ахшав" - сегодня. Если нет ничего более важного, чем то, что хочется мне и теперь, то подайте мне это немедленно. Ранее собственные желания полагалось подавлять ради существующих жестких норм, самые одиозные желания ссылались в подсознание. Сегодня желания помогают скреплять свободных индивидуумов в общество. Для того, чтобы заинтересовать человека продуктивно функционировать, его заставляют активно потреблять. СМИ неуклонно внедряют в сознание принцип: "ты потребляешь, значит ты существуешь!".

Отсутствие культурных ценностей и культурных ограничений в прежнем их понимании породило проблемы, которые называют проблемами постмодернизма. Большая часть проблем такого рода - это проблемы психологические, так как, освободившись от прежних ограничений, человек почувствовал пустоту, которую он пытается заполнить эрзацем того, что он утратил. Но главная проблема - это проблема устойчивости цивилизации. Удобство существования в современном об-

ществе достигается за счет крайне сложного его устройства, а чем сложнее устроена система, тем она уязвимее и тем более нуждается в защите от "дурака". Общество, отменившее прежний принцип культурных ограничений, более чем когда-либо ранее нуждается в защите, так как современный "дурак" обладает реальными возможностями для немедленного уничтожения всего мира. А культура постмодерна не только не выполняет свою консервативно-защитную функцию, но даже не может адекватно сформулировать современные принципы консерватизма. Быстро развивающемуся обществу, существующему в условиях все ускоряющихся перемен, приходится быть достаточно гибким: его структура меняется несколько раз на протяжении жизни одного поколения. В условиях, когда положительный статус придается только новизне, традиционный консерватизм утрачивает право на существование. Между тем и консервативные, и либеральные устремления равнозначны для полноценного культурного развития - как левая и правая ноги для передвижения. Если одно превалирует за счет другого, то общество начинает хромать. В чем же должна выражаться консервативная идея сегодня?

Возвращение ответственности

История показывает, что человека невозможно ограничить в чем-либо против его воли. Глупо призывать человека назад к природе - такое количество людей она уже не прокормит. Бесполезно и безнравственно насилием ограничивать свободу или потребление. Единственное, что может обуздить свободного человека - это самоограничение. Современный человек напоминает ребенка, которому попало в руки оружие, его опыт и принципы не "доросли" до уровня его возможностей. Взрослого отличает от ребенка не только опыт, но и осознание собственной ответственности, умение управлять своими желаниями. До сих пор воспитанием ответственности занималась консервативная составляющая культуры, оперировавшая такими понятиями как вера, честь, образование, семья, национальное единство. Но в эпоху постмодернизма понятие ответственности нужно осмыслить и сформулировать заново. Этую жизненно важную задачу ставят перед собой неоконсервато-

ры, защищающие иоосферу, то есть культурную среду - так же как обычные "зеленые" защищают физическую среду обитания. Во имя сохранения и развития нашей цивилизации неоконсерваторы призывают взглянуть на старые ценности по-новому. Ответственность перед цивилизацией в целом воспринять гораздо труднее, чем прежние межличностные культурные ограничения. Только вдумчивый анализ того, как оперировала понятием ответственности вся предыдущая человеческая культура, позволит нам приблизиться к цели.

Так как современное развитое общество сформировалось в основном в области распространения иудео-христианской цивилизации, то для начала стоит обратиться к еврейским классическим ценностям, которые сохранили наш народ на протяжении 4 тысяч лет. Таким образом, еврейские неоконсерваторы, принадлежащие как к западной, так и к еврейской традиции, смогут, как в анекдоте, "поискать ключ под фонарем".

1. Вера

"Мне надо на кого-нибудь молиться..."
Б.Окуджава

Анекдот гласит, что английская королева решила превзойти Францию, в которой составили "Декларацию прав человека". Она пригласила лордов и попросила их составить декларацию обязанностей человека. "Ваше величество, я очень сожалею, но это невозможно, - ответил лорд-канцлер.- Дело в том, что декларация уже составлена, она называется Библия".

Действительно, достаточно долго ответственность осознавалась перед Богом, который на небе, или внутри человека под названием нравственного закона.

Нынешний человек уже не живет в русле традиции, а выбирает мировоззрение себе по вкусу. В свободном выборе заключены свои достоинства и недостатки. И теология, и психология, и физика сходятся во мнении, что мировоззрение, цельная картина мира, принимается человеком априорно. И только потом, под влиянием опыта, она либо уточняется, либо, в случае кризиса, изменяется кардинально. Таким образом, изначальная вера в то, что Бог устроил мир определенным образом, не менее научна, чем атеистическая вера в "научно-культурную" картину мира. Постмодерн не предлагает

индивидууму готового мировоззрения, принцип плюрализма запрещает пропагандировать один взгляд на мир в ущерб другому. В свое время на смену вере в Бога пришло поклонение человеческому разуму и науке. Научные и технические достижения привели к повсеместной и узкой специализации. Ученый уже не понимает, что происходит в другом разделе его науки. Наука уже приблизилась вплотную к границам ментальных возможностей человека и даже крупные ученые зачастую утрачивают цельное научное мировоззрение. Остальные же и вовсе воспринимают научный подход как набор догм, позволяющих достигнуть потрясающих практических результатов, а не как непрерывно развивающуюся и уточняющуюся картину мира. Таким образом, сегодня ни наука, ни культура не предлагают цельный взгляд на мир, и потребность в мировоззрении у современного человека не удовлетворена. Когда свободный выбор мировоззрения осуществляется бездумно, как выбор товара, лишь бы удовлетворить потребность в цельном взгляде на мир, это приводит к суеверию и идолопоклонству. Тогда вместо научного мировоззрения возникает идол науки, которая всегда права и всегда однозначно знает как надо. Вместо традиционной веры, обосновывающей многочисленные запреты существованием Бога и Божьего Суда, приходит "усеченная" постмодернистская религия. Подчиненная принципу свободы и удовольствия, постмодернистская религия предлагает некий взгляд на мир, но не налагает жестких требований.

Примером постмодернистской религии-товара может служить реформистский иудаизм, который, по его собственному определению, удовлетворяет "рыночный спрос граждан на религию" и действует по принципу: "Чего изволите?" Ограничения отменяются произвольно, по требованию "заказчика". Хотите ездить в Шаббат - пожалуйста, поженить двух гомосексуалистов - нет проблем! Если в галуте евреям не нужно упоминание о Сионе и Иерусалиме - то его выбрасывают из молитв. В Израиле, под влиянием прихожан, реформисты вставляют все эти упоминания Иерусалима обратно. В современном обществе бессмысленно провозглашать отделение религии от государства, так как ни постмодернистская религия, ни постмодернистское государство не накладывают на чело-

века никаких обязанностей кроме подчинения уголовному кодексу.

Кроме неудовлетворенной потребности в мировоззрении, современного человека мучает одиночество и душевная неприкаянность. Психологи подтверждают, что у человека есть потребность во внешнем коллективном оформлении как периодических праздников (таких, как еженедельные, ежегодные и т. п.), так и праздников, связанных с личными событиями: рождением, совершеннолетием, свадьбой. Формальное объединение по религиозному признаку удовлетворяет эту потребность и помогает человеку не чувствовать себя одиноким и заброшенным. Например, в Америке 95% опрошенных заявляют о своей принадлежности к какой-либо религиозной общине, потому что такая принадлежность считается хорошим тоном. (В Израиле выхолощенность религии и разобщенность граждан еще не приобрела американских масштабов, и поэтому тем, кто мечтает сделать Израиль похожим на Америку, придется разжигать страсти по поводу "религиозного диктата").

Постмодернизм понимает религию как ни к чему не обязывающую философскую систему. При таком подходе религия изучается как абстрактная наука или предстает как набор мифов. Измученному духу современного человека постмодернистская религия готова предложить образ жизни, восстанавливающий душевное и физического здоровье, как диета и бег трусцой. Источником ограничения в ней, как и в диете, служит единственно забота о себе.

Такое постмодернистское понимание веры не придает человеку ответственности. Но возможно и другое понимание веры. Иудаизм рассматривает Завет как дружественный союз свободного человека с Богом, как взятые на себя добровольно обязанности. Такая вера не исключает сомнений, она парадоксальна, так как Бог всемогущ, но и человек свободен. После открытия физикой парадоксального устройства мира любое мировоззрение должно включать парадоксы, а иудаизм оперировал парадоксами всегда. Сохраняя свободу и достоинство человека, эта вера дает возможность воплотиться чувству ответственности перед цивилизацией в целом, персонифицируя субъект ответственности. Примером свободного и ответственного отношения человека с Богом может служить торг Авраама с Богом об уничтожении Содома. Отчаянно споря с Бо-

том, Авраам сбивает цену спасения города с 50 до 5 праведников. Для кого-то это может послужить поводом назвать иудаизм мелочной торговлей с Богом, но тогда он не увидит истинный смысл этого диалога двух партнеров, равно заинтересованных в достижении общей цели - исправления этого мира.

Иудаизм выдвигает эмоциональное понимание веры как глубокой благодарности Творцу, который ограничил себя, чтобы выделить место для создания этого мира и сам этот мир создал для человека. При такой вере тому, для кого ограничил себя Творец, не зазорно самоограничение. Речь идет не только о самоограничении, но и о самовоспитании. Если понимать Бога как "партнера в наших наиболее интимных разговорах с самим собой" [Виктор Франкл], то человек должен строить свою личность так, чтобы быть достойным такого собеседника - "Бога, который требует от сотворенных им людей осуществления, их человеческого воплощения" [Мартин Бuber].

Только недавно психологи начали осознавать насколько вера удовлетворяла насущнейшие потребности человека. Это и власть над бессознательным (Фрейд), и использование перенесения и архетипов (Юнг), и поиск смысла существования (Франкл). Приведем один яркий пример: получая Тору, евреи сказали: "Сделаем и поймем". Иудаизм не требует от человека безоговорочной веры, но предписывает человеку "делать и понимать", причем оба предписания равно важны: понимать, что делаешь, чтобы лучше делать, и делать, чтобы лучше понимать, зачем это нужно. Этот же принцип предлагает и современная психология: "Я не только поступаю в соответствии с тем, что я есть, но и становлюсь в соответствии с тем, как я поступаю", - пишет Виктор Франкл.

Мир и человек созданы несовершенными, считается в иудаизме, для того, чтобы человек мог проявить свое богоизобилие и стать творцом. Одна из главных задач человека - это совершенствование себя и окружающей природы. Это предполагает не только нравственное совершенствование, но и производительное и социальное совершенствование окружающего мира. В отличие от христианства, иудаизм провозглашает как активную творческую позицию человека по отношению к природе, так и ответственность за все, что существует на земле. Принцип производительности как основу капитализма зало-

жила этика протестантов, вернувших во многих вопросах христианство к еврейским корням. Принцип производительности гласит: все что повышает производительность - хорошо, все, что уменьшает - плохо. Это приводит к тому, что человек становится подчинен производству и, даже при отсутствии жизненной необходимости, работает все интенсивнее. Потребляет он тоже производительно - используя автомобиль, телевизор, электричество. Он крутится, как белка в колесе, не успевая собственно жить - то есть размышлять и чувствовать. Этому противопоставлена культура примитивного общества, где человек лежит под бананом и пальцем о палец не ударит для улучшения условий собственного существования.

Но подчинение одной из двух крайностей не обязательно: "Бог посыпает болезнь, Бог посыпает и лекарство" [.....]. Иудаизм уже содержит и противоядие абсолютизации принципа производительности. В иудаизме он ограничивается такими понятиями, например, как "цдака" (пожертвования для бедных), из которой родилась идея социальной помощи, и "Шаббат", который ограничивает производство во времени. Иудаизм не ограничивает потребление и позволяет обойтись без христианского аскетизма, но ни производство, ни потребление не является самоцелью. Полный субботний отдых - как прекращение всякого производства - нужен не только для того, чтобы человек мог вновь интенсивно трудиться. И не только для посвящения Богу, которому посвящается и ежедневный труд. Он необходим для совершенствования самого человека, чтобы он, как Всеобщий, мог оглядеть все им созданное и задуматься: "А хорошо ли это?" Сегодня производительные способности человека намного обогнали его нравственный уровень. У человека сегодня есть возможность убить все живое и сотворить новую жизнь в пробирке, но он не умеет использовать эти возможности только во благо.

"Человек нередко более религиозен, чем он подозревает... Сегодняшний интеллектуал, воспитанный в традициях натурализма, склонен стыдиться своих религиозных чувств," - пишет Виктор Франкл. Возможно, новое понимание веры не как прикладной философии, набора обрядов или общины, а как ответственности и самоограничения привлечет современного человека больше, чем различные современные суеверия.

2. Образование

Сегодня образование стало товаром, которому нужно обеспечить массовый спрос. Семья и школа больше не являются системой передачи культурных ценностей. "Распространение принятых ценностей возложено на экспертов средств массовой информации, которые обучают стереотипам, как деловым, так и романтическим," - пишет Маркузе.

В отсутствие культурных приоритетов задача образования свелась к тому, чтобы обучить человека конкретным навыкам, которые он в будущем сможет выгодно продать. Наука и культура преподаются не как мировоззрение, а как набор отмычек, которые позволяют получить желаемое. Учеников "натаскивают" в умении найти единственное решение стандартной задачи. Умение же думать состоит в том, чтобы из многих возможных вариантов выбрать тот, который лучше отвечает выбранной системе приоритетов, или убедиться, что такого не существует. Для этого требуется, во-первых, установить систему приоритетов или мировоззрение, и, во-вторых, решать нестандартные задачи, которые иногда имеют несколько решений, иногда ни одного. Научить человека думать намного труднее, чем впихнуть в него стандартные навыки. Для этого его нужно заинтересовать в самом процессе мышления, а в обществе, где важнее всего практический результат, мало кого заинтересует эта редкая способность. Думать нынче некогда, нужно производить и потреблять.

Всеобщее среднее и специальное образование не ставит перед собой задачу воспитания думающей и ответственной личности потому, что современное общество не нуждается в людях, умеющих широко мыслить. "В обществе с обязательным народным образованием, всеобщей и немедленной гласностью событий повседневной жизни и широко проведенным разделением труда средний индивидуум все реже и реже оказывается в условиях, где от него требуются собственное мышление и самопроявление", - пишет нидерландский историк и культуролог Йохан Хейзинга. Воспитание личности - дело индивидуальное, а в постиндустриальном обществе не только образование, но и открытия и изобретения поставлены на научный конвейер.

Между тем вывести современное общество из кризиса способны не узкие специалисты, не функционеры от науки, куль-

туры и политики, а только думающие и ответственные личности. Пути воспитания такой личности показали, например, советские физико-математические школы. В условиях жесткого тоталитарного давления они нашли для себя нишу воспитания "очень нужных обороны" физиков и математиков, умеющих думать. Под такой "крышей" собирали детей, желающих учиться, и учителей, умеющих учить. Детей не натаскивали на решения стандартных задач, а учили искать нестандартные подходы и не пугаться, если проблема не имела однозначного решения. Неслучайно большую часть учителей и учеников таких школ составляли евреи.

Образованию отводится одна из главных ролей в еврейской традиции. Евреи первыми провозгласили необходимость всеобщего образования. Образование жениха ценилось более его денежного приданого. Женщины также были обязаны учиться читать, писать и учить Тору.

Классическое еврейское образование включало в себя обязательное умение обращаться с парадоксами, то есть мыслить, используя и недуалистическую логику. Вспомните анекдот, в котором раввин говорит двум спорящим, что они оба правы. Жена раввина возражает, что не могут быть правы оба. "И ты, жена моя, права!" - отвечает раввин. В хедере не боялись парадоксов и с детства приучали учеников к тому, что истина не однозначна и на вопрос может существовать несколько правильных ответов (например, по Гиллелю и по Шаммаю). Требовалось каждый раз найти решение более подходящее к данному случаю, а не заучить стандартное решение и отключить мыслительный аппарат. Сегодня, когда физики вплотную столкнулись с парадоксальным устройством вселенной (корпускулярно-волновой дуализм, вакуум как вид материи и др.), ученым требуется умение обращаться с парадоксами. Понимание того, что жизнь намного сложнее любой логической схемы и любое человеческое знание не полно, помогло еврейскому народу выжить в ужасающих условиях геноцида (см. статью Вадима Ротенберга "Преодоление обученной беспомощности" в журнале "22"). Это же понимание может компенсировать рациональную ограниченность, "левополушарность" западной цивилизации. Узкая специализация приводит к утрате умения определить место данной проблемы в картине целого и, как следствие, к принятию стратегически невер-

ных решений. Как шизофренический больной, сосредотачивающийся на частностях, будучи не в силах выработать правильное поведение по отношению к окружающему миру, "левополушарное" общество принимает решения произвольно и развивается непредсказуемо, что при нынешних технических возможностях представляет непосредственную опасность.

До сих пор образование и умение думать было необходимо тем немногим, от которых действительно зависела судьба общества. Сегодня судьба общества зависит от каждого хотя бы потому, что сегодня каждый гражданин свободного государства является избирателем. Для того, чтобы человек отвечал за последствия своих действий, он должен хотя бы понимать к чему приведет тот или иной поступок. Каждый не обязан и не в силах понимать все проблемы устройства современного общества. Но каждый обязан понимать, что современное общество сложно и хрупко. Избиратель должен осознавать, что всякое решение имеет свои достоинства и свои недостатки, и что тот, кто обещает всем всё и немедленно, или дурак, или подлец. Ответственность избирателя состоит в том, что он обязан понимать пределы собственной компетенции и не давать себя обманывать кажущейся простотой предлагаемых решений.

3. Еврейское право

В современном обществе целостность и непротиворечивость системы законов имеет очень большое значение, так как свод законов - это единственное, что признается всеми и объединяет всех членов плюралистического общества. Непротиворечивость и целостность - это идеал, к которому следует стремиться и который практически невозможно достичь, так как никакая логически выверенная система законов не может предусмотреть все жизненные ситуации. Один и тот же случай может рассматриваться в различных контекстах и, поэтому, подпадать под действие различных, часто противоречащих друг другу законов. И, наоборот, могут обнаруживаться ситуации, не предусмотренные законом, или возникать новые, невозможные ранее условия (например, компьютерные вирусы или зачатие в пробирке). Когда обнаруживается такой пробел, то приходится принимать новые законы или расширять уже существующие.

Израилю в области законодательства не повезло вдвойне. Во-первых, при создании государства пришлось унаследовать все уже действующие на подмандатной территории законы. Это были и законы оттоманской империи, частично базирующиеся на мусульманском религиозном праве "Меджале", частично заимствованные из законов других стран (например, Франции), и англо-палестинское законодательство и прецедентное английское право. По словам правоведа Моше Зильберга, такая мозаика может вызвать восхищение археолога, но она не может служить прочным фундаментом для четко функционирующей судебной системы.

Во-вторых, при образовании Израиля, как когда-то при образовании СССР, победило движение, считающее человека "*tabula rasa*", на которой можно писать что угодно. Была поставлена задача из галутного еврея вывести новую породу гордых израильтян. Опыт нескольких тысячелетий и еврейская традиция были сброшены с корабля современности. В результате израильтянин получился не гордый, а нахальный. А в правоведении это привело к тому, что богатейший опыт еврейского самоуправления и еврейских судов в галуте остался невостребованным, а законодательство осталось официально привязанным к английскому судопроизводству. Единственная область, в которой было сохранено еврейское право, это семейное законодательство, касающееся браков и разводов, которые находятся в ведении религиозных судов.

Проблема противоречивого и неполного законодательства усугубляется тем, что израильское общество крайне неоднородно, и, если в основополагающих областях не существует четкого законодательства, то суд не может решать конкретные проблемы, порождаемые противоречием интересов различных групп. Какое бы конкретное решение ни принял в этой области суд, он создаст прецедент, который получит статус нового закона. Если это решение изменит статус-кво, то обязательно найдется достаточно большая группа населения, которая почувствует себя ущемленной. (Вспомните хотя бы полумиллионную демонстрацию верующих евреев после решения БАГАЦа о религиозных советах). Выполнение отдельными судьями функций выборного законодательного органа (кнессет) противоречит демократическим нормам разделения властей и вы-

зывает недоверие к судебной системе, а заодно и к остальным демократическим институтам государства.

Таких противоречий можно было бы избежать, если бы во-время были законодательно закреплены основные принципы взаимоотношений различных частей населения, в частности - отношения религиозных и светских евреев. Полноты и непротиворечивости законодательства можно было добиться приняв за основу традиционную еврейскую систему законов, которая действовала непрерывно, развиваясь и совершенствуясь, от царей Давида и Соломона вплоть до наших дней. С начала диаспоры в еврейских общинах действовал строгий запрет на обращение в нееврейский суд, и, вплоть до эманципации, евреи обладали судебной автономией и собственной полной системой законов, основанных на Галахе. Таким образом, еврейское право аккумулировало человеческую мудрость на протяжении тысячелетий, являясь при этом достаточно гибким, динамичным и универсальным чтобы соответствовать все новым условиям еврейского рассеяния.

Иудаизм предполагает демократический механизм принятия законов. Принцип "Тора с небес, но Тора не на небесах" означает свободу толкования Торы мудрецами. Из общего принципа делаются частные практические выводы, применяемые в конкретных жизненных условиях. Если между мудрецами возникают разногласия по поводу конкретных случаев, то окончательное решение принимается большинством голосов. Правило "следуй за большинством" выводится из высказывания "не следуй за большинством на зло" (Исход, 23,2), то есть мнение большинства предпочтительнее всегда, кроме тех случаев, когда налицо явное злодейство. Часто мнение мудреца, оставшегося в меньшинстве, также записывалось в Талмуде, ведь возможно, что позднее обстоятельства изменятся и большинство примет уже его точку зрения. Но выдвигать какие-либо новые законы могли только мудрецы, члены Санхедрина, имеющие высокий образовательный ценз. Они были обязаны знать письменную и устную Тору, то есть научную теорию; и быть женатыми, то есть знать и жизнь. (Не все члены Кнессета удовлетворяют современным требованиям даже среднего образования!) В практической области право принимать решения сохранялось за царем. Впоследствии царские полномочия перешли к главам диаспоры и к Кагалу.

Первый главный раввин Эрец-Израэль А.-И. Кук считал, что в современной ситуации полномочия царя распространяются на весь еврейский народ в целом, то есть только демократически избранные всем народом его представители полномочны принимать законодательные решения.

Люди абсолютно не знакомые с Галахой пугаются терминов "традиционное еврейское право" и "государство Галахи", считая их похожими на фундаменталистские мусульманские законы, где нет разделения между светской и религиозной властью. Однако именно сейчас мы многие вопросы решаем в соответствии с религиозным мусульманским правом, которое мы унаследовали от Османской империи. Например, закон о поручителях (гарантах) основан на мусульманском религиозном законодательстве "Меджали", по которому кредитор вправе обратиться непосредственно к поручителю, даже не попытавшись вначале взыскать свой долг с главного ответчика. А по еврейскому праву в случае, когда не оговорены дополнительные условия, кредитор обязан привлечь к суду основного должника, и только если тот не в состоянии погасить долг, кредитор вправе обратиться к поручителю. Каждый, кто становился поручителем или нуждался в таковых может оценить справедливость и преимущество еврейского права.

В еврейском традиционном праве четко различаются вопросы взаимоотношений между людьми и отношения человека и Бога. Для этого существуют специальные термины "Богово" и "Кесарево" - "исура" и "мамона". Профессор Еврейского университета, бывший зам. председателя Верховного суда Менахем Алон в своей книге "Еврейское право" пишет: "Исследуя этот вопрос, мы приходим к выводу, что несмотря на единство источников Галахи и характера мышления ее носителей, они отлично различали одну часть от другой, дела имущественные, объединяемые термином "мамона", от всех прочих, именуемых "исура"... В настоящее время понятие "мамона" охватывает значительную часть принятого сегодня в нашей стране законодательства".

Большинство законов в области "мамоны", то есть имущественных отношений между людьми, имеет строгое логическое обоснование. В этой области действовало правило "обычай аннулирует Галаху" ("Иерусалимский Талмуд"). то есть жизненные обстоятельства важнее законов Торы. Такой подход

позволял, например, признавать законным договор, записанный в субботу и действовать по принципу "дин демалхута - дин", то есть выполнять законы страны рассеяния, даже если они противоречат Торе. В области же "исура", то есть ритуальной, религиозной, закон "дин демалхута - дин" не действовал, то есть, обрезание или соблюдение субботы не могли отменить ни закон страны рассеяния, ни постановления глав общины, а только угроза для жизни. Но по законам "исура" человек подлежал ответственности только перед Богом, а не перед людьми.

Принимая еврейское законодательство, относящееся к "мамоне". Израиль остается по-прежнему светским демократическим государством, но в законы будет привнесено единство и логика, которых им сейчас так не хватает. Попытки такой реформы выдвигались. Например, вскоре после образования Израиля в Конституционной комиссии рассматривался проект Конституции, подготовленный И.Ф. Коганом, бывшим секретарем Сохиута, позже советником министра иностранных дел. В параграфе 77 этого проекта говорилось: "Законы, существующие в Израиле в день обнародования Конституции, остаются в силе, поскольку они не противоречат Конституции, не отменены и не изменены парламентом (кинессетом). Государственное законодательство будет базироваться на принципиальных законах еврейского права, и эти основы будут служить руководством для судов, когда перед ними возникнет необходимость заполнить пробелы в существующем законодательстве".

Как можно видеть из проекта, еврейское право и Конституция не только не противоречат друг другу, но оба насущно необходимы нашему государству.

4. Возрождение семьи

Страх СПИДа и раздела имущества практически свел на нет плоды сексуальной революции и вернул главенствующее место традиционной семье. Ценность семьи как духовного союза и воспитателя полноценной личности всячески пропагандируется психологами. Но восприятые потребительски любовь и дружба не приносят необходимого психического удовлетворения. "Ни один беспристрастный наблюдатель нашей

западной жизни не усомнится в том, что любовь - братская, материинская, эротическая - стала у нас довольно редким явлением. А ее место заняли многочисленные формы псевдолюбви", - пишет психолог Эрих Фромм.

Любящая жена, благополучные дети, отзывчивые друзья - все это престижно и приятно иметь, и человек готов за это платить. Платить деньгами, свободным временем, учиться у психолога говорить жене комплименты... Человек, у которого вроде бы все это есть, не может объяснить свое чувство неудовлетворенности. Западный человек настолько привык стремиться к результату, что не понимает, что в области чувств важен не результат, а сам процесс - важно, по выражению Виктора Франкла, не "иметь", а "быть". Психологи и сексологи не устают объяснять, что сосредоточенность на результате обеспечивает их хорошим заработком, но не приносит страждущим удовлетворения. Постмодернистский упор на свободе, а не на ответственности, на правах, а не на обязанностях, порождает феномен виагры - когда качество любви пытаются заменить количеством, глубину душевых переживаний - физическими параметрами, верность - количеством актов в неделю.

Ответственность лучше всего осознается перед близкими, и воспитание ее возможно только в небольшом коллективе, семье. Еврейская традиция трактует любовь к ближнему как обязанность заботиться прежде всего о близких, а потом о дальних, так как любовь к дальним абстрактна и не требует от человека каждодневных усилий. Еврейское семейное законодательство детально разработало права и обязанности каждого члена семьи, а также чувственную и духовную сторону этого союза. В отличие от христианства иудаизм считает равнодостойными и чувственную и рационально-духовную составляющие человека и не считает возможным выделять одну из них в ущерб другой. Именно это христианское разделение привело к аскетическому целомудрию и взгляду на женщину как на вместилище соблазнов. Сегодня палка перегибается в другую сторону: внимание сосредотачивается на голой чувственности, которая в отрыве от самого чувства утрачивает прежнюю привлекательность.

При всей важности института семьи и ответственности перед ближним еврейская традиция и в этом вопросе оставляет

человеку свободу выбора, справедливо полагая, что человек может ошибаться. Возможность развода предусматривается, и в брачном договоре (ктубе) оговаривается возможная сумма алиментов. Жившие в Советском Союзе помнят поговорку о том, что в государстве, из которого можно уехать, можно жить. К семье это относится не в меньшей степени. Важно, что развод возможен только в случае согласия обеих сторон, и этот принцип действовал задолго до современного феминизма.

5. Национальное возрождение

Задолго до возникновения национальных государств евреи выдвинули понятие народа. Народ понимался не как жители одного города-государства и не как сообщество гордых имперских завоевателей. Народ - это люди, выросшие из одной семьи, объединенные общей судьбой, ответственные друг за друга и устремленные к общей цели - цели, которая плавно перерастает в общечеловеческую.

Сегодня большинство демократических государств - национальные, в которых люди в большей или меньшей степени связаны общей исторической традицией и общей целью. Америка представляет исключение, и поэтому там проблемы постиндустриального общества и массовой культуры ярче выражены. Те же проблемы, возникающие в Европе, называют "американизацией".

Недостатки постиндустриального общества меньше проявляются в национальных государствах, потому что демократия предполагает "демос" - народ, а демократические права, принадлежащие массе (толпе - "охлос"), порождают охлократию (власть толпы).

Ясперс пишет: "Массу следует отличать от народа. Народ структурирован, осознает себя в своих жизненных устоях, в своем мышлении и традициях. Масса, напротив, не структурирована, не обладает самосознанием, однородна, лишена традиций - она пуста. Масса является объектом пропаганды и внушения, она не ведает ответственности и живет на самом низком уровне сознания..."

Отдельный человек олицетворяет собой одновременно народ и массу... В качестве массы я стремлюсь к универсальности, к сегодняшнему дню; в качестве народа я хочу быть независимым.

меняющей личностью, в качестве массы я мыслю числами, нивелирую, в качестве народа - применяю шкалу ценностей".

Постиндустриальное общество никак не структурировано. Объединение по интересам, которое оно допускает, по большей части сводится к группировке "ущемляемых меньшинств". Все они отчаянно воюют друг с другом. Это происходит вовсе не из-за того, что кто-то якобы пытается ограничить их права, но потому, что каждая группа пытается урвать у общества побольше, а при случае и навязать свои предпочтения остальным. В Америке, например, пресловутая политкорректность, заставляющая воспринимать любые отклонения как норму, убила все анекдоты, породив единственный: "Труп - это человек альтернативной жизненной ориентации". (Но та же политкорректность никогда бы не допустила к выборам партию, провозглашающую своей задачей игнорирование интересов целой группы населения: "Правительство без харедим" или "Деньги не на ешивы и поселения, а на светское асионистское образование".)

Национальная идея, так же как и возвращение роли семьи, обладает огромной объединяющей силой и способна противостоять разобщенности современного общества. Отдельным, атомизированным человеком легко манипулировать, объединение таких людей дает массу, толпу, "охлос", со всеми присущими толпе инстинктами. Избиратель, действующий в качестве народа, имеет общую для всего народа цель, общий опыт и общую ответственность. "Нам кажется желанным то будущее, в котором наша нация продолжала бы жить," - пишет Ортега-и-Гассет.

Ценность семьи уже отчасти восстановлена. Нечто похожее произошло и с национальной идеей. Ханна Арендт пишет, что национальная идея "становилась ценнейшим средством для скрепления друг с другом централизованного государства и атомизированного общества и фактически оказывалась единственной работающей, живой связью между индивидами в национальном государстве". Национальные государства не умерли, но выросли в числе после распада империй. Экономическая интеграция делает возможным сосуществование больших и малых национальных государств. Национальные меньшинства больше не желают ассимилироваться, а требуют и добиваются параллельной системы образования на родном

языке. В технологически развитых странах культура сама является производительной силой. Глубина изучения своей национальной культуры стимулирует повышение общего образования, и это положительно влияет на экономическое благосостояние. В эпоху массовых коммуникаций встает проблема нестирания национальных и культурных различий, но диалог культур.

Не следует путать национальную идею с национализмом. У них не больше общего, чем у "экспресса" и "сионизма" с "экспрессионизмом". Национализм, шовинизм, расизм начинается там, где к субъективному разделению на "мой" и "не мой" добавляется якобы объективная оценка: "Этот лучше, а этот хуже". Национальная идея же состоит в том, что что-то лучше или хуже для меня и моего народа: "Что русскому здорово, то немцу смерть!"

Ответственность перед цивилизацией трудно осознать умозрительно, не ясно поддается ли она такой же понятной формализации, как 10 заповедей или уголовный кодекс. Но ее возможно осознать поступенчато: сначала перед своими близкими - семьей, потом - перед народом, потом - перед содружеством государств. Целью "избранного" народа было построение рая на земле для всего человечества, и именно для этого он и был избран. Но в процессе этого построения требовалось выйти из рабства, создать собственное государство, не смешиваться с другими народами в галуте и выполнять намного больше предписаний, чем остальные. Наука определяет это, как интеграцию посредством дифференциации. Так же, как единый организм вынужден состоять из специализированных клеток крови, мозга, и др., общество состоит из людей с различными специальностями. Евреи практически единственный народ, который допускает свободу выбора национальности, так как любой человек, совершивший гиюр, ничем не отличается от еврея по рождению. При этом склонять к совершению гиюра запрещено, и, более того, следует всячески отговаривать от совершения этого шага как накладывающего на человека дополнительные требования, но не приносящего выгоды.

Заключение

Неоконсерваторы всех стран - объединяйтесь!

Нам нечего более приобретать, кроме цепей культуры.

Потерять же мы можем весь мир!

В Израиле проблема устойчивости цивилизации и ответственности перед обществом чувствуется особенно остро. Ее не требуется постигать умозрительно, достаточно взглянуть на географическую карту, изданную Арафатом - Израиля на ней нет! Каждая война и каждый террористический акт напоминают вновь об "окончательном решении" еврейского вопроса, которое намекает на конечность цивилизации в целом.

На последних выборах партии национального лагеря оказались бессильны перед грубым разжиганием межэтнической розни и противостояния светских и религиозных. На религиозных евреев обрушивали стандартный набор антисемитских обвинений: они не воюют, живут за наш счет, они воруют, они богатые, они, наконец, воняют. В сходной ситуации русские интеллигенты становились на защиту обиженнего, даже если он им лично был не очень симпатичен. Некоторые израильские журналисты, называющие себя интеллигентами, не останавливаются ни перед чем для того, чтобы очернить религиозных и обострить этническое противостояние в обществе. В меньшей степени это распространялось на израильские СМИ на русском языке. Тем не менее даже такой интеллигентный журналист, как Дов Конторер, не считал нужным пойти против течения и, более того, превзошел своих ивритоязычных коллег по части грубых нападок и необоснованных обвинений в адрес партии ШАС, представляющей интересы сотен тысяч религиозных евреев-сефардов.

Религиозные партии дали достойный ответ на эту травлю, увеличив свое представительство в Кнессете с 23 до 27 мандатов. Особенно большого успеха добилась демонстративно-консервативная партия ШАС, получившая "17 мандатов весны". Агрессивно-консервативное неприятие постмодернистских норм она сочетает с практическим умением успешно действовать в современных условиях. Увеличила представительство и религиозно-консервативная партия "Иехадут Ха-Тора". В то же время либеральная до беспринципности Национально-религиозная партия (МАФДАЛ) потеряла половину голосов, так как ее потенциальный избиратель почувствовал настоящую потребность противопоставить либеральным ценностям консервативные.

Критическое состояние современной цивилизации привело к появлению неоконсервативной идеологии. Во многих странах появились неоконсервативные движения, которые привносят в самоубийственную сосредоточенность западной культуры на правах и свободах понятие обязанности и ответственности перед обществом. И религиозные евреи в этой борьбе наши соратники, а не противники хотя бы потому, что, как и "русские", привыкли держать в руках книгу и думать, а не бездумно утыкаться в телевизор.

Список литературы:

- Виктор Франкл. "Человек в поисках смысла". М., "Прогресс", 1990.
Мартин Бубер. "Два образа веры". М., "Республика", 1995.
Карл Юнг. "Современность и будущее", "Очерки о современных событиях", в книге "Психология политики". С.-Пб., "Ювента", 1996.
Герберт Маркузе. "Эрос и цивилизация". Киев, "ИСА", 1995.
Йохан Хейзинга. "В тени завтрашнего дня". М., "Прогресс", 1992.
Менахем Элон. "Еврейское право". М., "Амана", Иерусалим.
Эрих Фромм. "Душа человека". М., "Республика", 1992
Карл Ясперс. "Духовая ситуация времени", в книге "Смысл и назначение истории". М., "Республика", 1994.
Ханна Арендт. "Тоталитаризм", М., "ЦентрКом", 1966.
Хосе Ортега-и-Гассет "Восстание масс", в книге "Избранные труды".
М., "Весь мир", 1997.

НОВАЯ КНИГА

юлия винер

о деньгах, о старости, о смерти и пр.

(стихи 1985-1995 гг.)

Издательство ALPHABET 192 стр. Цена 30 шек.

Книгу можно купить по адресу: J.W., P.O.B. 2725, JERUSALEM
Можно также заказать ее по тел. № 02-6231563

ДЕМОКРАТИЯ - НЕТРАДИЦИОННАЯ ЕВРЕЙСКАЯ ЦЕННОСТЬ

- Видеть - на самом деле значит накладывать свою душу на стандартный отпечаток на сетчатке стандартного человеческого глаза.

В. Пелевин "Онтология детства".

Страх, всепроникающий, въедающийся в клетки страх подвигает еврейскую интеллигенцию на странные дела. Индийских ашрамов и клубы борцов за права сексуальных меньшинств, общества радетелей экуменизма и сознания Кришны при ближайшем рассмотрении оказываются переполненными типажами с подозрительно знакомыми жестикуляцией и мимикой. Но не светлый, очищающий страх перед Небесами заставляет жестоковыиных потомков Яакова переливать свою как прежде иеуемную энергию в неподобающие вместилища и кланяться божеству чужому. Ужас перед развернувшимся бытийным ничто, экзистенциальной опустошенностью подвигает еврейские души на невразумительные, но обеспечивающие псевдоактивностью дела. Кто только не обличал текущего состояния дел в современном американализированном обществе. И мне лень нагибаться за добавочным камнем; мечтать кирпич в гниущую под тяжестью собственных грехов, обреченную и закатывающуюся цивилизацию просто бесчестно.

Что ж, в подобном контексте попытка Аси Энтовой предложить еврейскую неоконсервативную идею, оживляющую старые добрые ценности выглядит куда как привлекательно. Дело идет туже, когда я пытаюсь понять, что именно автор имеет в виду под нашими непреходящими идеалами. Разумеется, неоконсерватору не обойтись без иудаизма (и не только ему: сам светоч левейшего интеллектуализма Амос Оз призвал своих хасидов посещать реформистскую синагогу). Вначале, дабы убедить читателя, Ася Энтова пытается доказать несомненные преимущества еврейской веры перед всеми остальными и, разумеется в первую очередь перед христиан-

ством. Многим из нас ведь Иисусово откровение куда известней веры Авраама, Ицхака и Яакова. Подобные попытки сравнительного религиоведения предпринимались, кажется, всеми писавшими на темы веры. Скажем, такой тонко чувствующий христианский мыслитель, как С.Л.Франк так прямо и писал: “Я должен и могу (курсив автора) увидать и показать, что учение Христа и личность Христа выше, чище, прекраснее и убедительнее, чем учение и личность Моисея, Магомета и Будды”.

Я и сам, грешным делом, был не прочь поискать подобные доказательства превосходства иудаизма, пока до меня не дошла их полная никчемность. Вера Моисея моя постольку и поскольку эта вера моя. И все. Здесь не избежать банальности: нас ведь тоже не любят за наши достоинства и добродетели, и ненавидят не за недостатки. Ни одну женщину на свете еще не полюбили за соответствие канону красоты, и не оставили из-за неполного соответствия. Веру не выбирают, как не выбирают близких. Вс-вышний говорит я есь, потому, что я сущий. Тавтология здесь неизбежна.

Поток доказательств, демонстрирующий преимущества иудаизма по причине его максимального соответствия эталону справедливости, никчемен по той же причине, ибо “говорить о том, что хороши и плохо, можно, если по меньшей мере знаешь, кем и для чего сконструирован человек” (В. Пелевин). Порочного круга не избежать: эталон справедливости, размещающийся по нашему горделивому убеждению где-то возле сердца, на поверхку, чаще всего оказывается шаблоном, с которым мы подходим к набору стандартных ситуаций, унаследованным от отца и деда. А ежели соскоблить еще один слой - почерпнутым из все той же Книги.

Я тоже немало чернил и душевного пыла извел, доказывая превосходства веры отцов, черпая вдохновение в апологетическом задоре в трудах Штейнзальца и Соловейчика. Убеждая близкого приятеля, я лепил цитату к цитате, не оставлявшие никаких сомнений в бездонном гуманизме иудаики: в ход шли Мидрашим и Талмуд, древние и современные комментаторы - знатоки писания, было поведано и о городах-убежищах, в которых мог скрыться неумышленно убивший, и о суде Санhedрине один-единственный раз приговорившем человека к смерти и получившем за это от народа прозвище “кровавый”, и т. д., и

т. п. Но быстро выяснилось, что и оппонент мой не лаптем щи хлебает и на всякий мой довод возводит не менее основанный на первоисточниках контрдовод, и столь же убедительно обосновал человеконенавистнический характер иудаизма вообще и его конкретных представителей в частности.

Жанр апологетики, вполне легитимный сам по себе, в конечном счете никому ничего не доказывает. Мелодию иудаизма для того чтобы узнать, надо сначала услышать в своей душе. Чем становишься старше, тем более оцениваешь сократовскую концепцию знания, знания в сокровенном смысле слова, как узнавания, припомнения того, что в твоей душе уже сбылось. Если отчаянный крик шофара в Рош-А-Шана ничего не будит в душе, это просто значит, что шофар звучит не для тебя, если субботнее чтение свитка Торы не трогает в душе никакой струны, то Тору читают тоже не для тебя. Существует мнение, что количество душ способных к восприятию Откровения и вовсе постоянно. Между прочим, иудаизм не стал мировой религией в первую очередь потому, что этого не хотел. Что-что, а пропагандистский задор ему чужд.

Наша вера никак не может быть сведена к набору цитат, тем паче списку купюр на злобу дня. Можно подобрать цитаты из Талмуда и мидрашей и тогда окажется, что в самом деле Тора идеально соответствует современному неоконсервативному идеалу справедливости. Ну, кто сегодня против демократии? Все за. И у Аси Энтовой оказывается, что иудаизм предполагает демократический механизм принятия законов. Разумеется, автор подкрепляет свое рассуждение сверхавторитетными источниками. Мне не составит никакого труда надергать иные цитаты, и с той же степенью убедительности доказать, что никаким демократизмом в иудаизме не пахнет, по крайней мере в том смысле, в каком его понимает современная либеральная мысль. Иудаизм по духу своему насквозь аристократичен. Ася Энтова пишет об издревле всеобщем еврейском образовании, а "Шулхан Арух" советует отцу, у которого один сын гаон, а другой бестолочь, напрочь забыть о сыне тулице и учить толкового. Какое уж тут всеобщее образование?

Но в более общем плане в программе неоконсерваторов меня смущает не это. Ежели цель движения - возрождение наших исконных ценностей, то бишь, жизнь по Торе, то что мешает неоконсерваторам начать жить по "Шулхан Аруху"

прямо сейчас? Хочешь изучать Святые Книги - пожалуйста, вон их сколько евреи написали, полки книжных лавок Бней-Брака и Меа Шеарим ломятся от прекрасно изданных и комментированных томов сифрей кодеи. Желаешь учиться у выдающихся раввинов - и этому нет помех, соблюдать строжайший кашрут и законы чистоты семейной жизни - вперед: кашерные магазины и миквы на каждом углу. Короче, как писали Ильф и Петров: не надо бороться за чистоту улиц, надо подметать! Наше еврейское государство конечно не идеально: и чиновники в нем воруют, и протекционизм душит и проч., и проч. но все, что нам нужно в отсутствие Храма для нестесненной духовной жизни присутствует. Речь же у неоконсерваторов, по-видимому, идет о чем-то другом: об общественном объединении, преследующем общественные же цели.

И вот тут странные сомнения начинают терзать меня: в качестве утопии - старая добрая Иудея (единат алаха) может быть и не дурна сама по себе, как быть может, неплоха и коммунистическая утопия, взятая как вещь в себе. А вот в деле объективирования подобных утопий всегда наступает период их практической реализации и тут-то выясняется, что без профессиональных воплотителей, говоря проще, неоконсервативного партаппарата не обойтись. А этой публики я боюсь, как огня. Наверное Ася Энтова полагает, что воспитанный на Торе, неоконсервативный правящий класс будет посимпатичней нынешнего. Мне бы тоже хотелось в это верить, но действительность прозаичней, жестче и проще. Клир всегда остается самим собой, без особого различия на чем он присягает. Это еврейский религиозный истеблишмент выдал христианам для сожжения книги Рамбама и обращался к царским чиновникам, дабы последние приструнили мятежное хасидское движение. Это он отказался хоронить Рамхала в ограде еврейского кладбища как злостного еретика (сегодня вряд ли существует ешива, где бы не изучался его комментарий).

Ну хорошо - это все дела прошлые, может быть дела пошли на поправку и можно ждать чего-либо путевого от нынешних чиновников от веры. Ни малейших оснований к подобным надеждам нет - непрекращающаяся травля рава Адина Штейнзальца - глобальнейшего ума нашего времени, херем за херемом, налагаемые на его книги, отсутствие четкой и однозначной реакции на хулиганское субботнее камнеметание со

стороны официального раввината и многое, многое другое не дают никаких надежд на положительные перемены. Но, пожалуй, самая поразительная метаморфоза произошла с хасидским движением. Всего сто лет тому назад родившееся, как противовес официальному рабанту, бунтарское по духу и даже по форме, подарившее еврейскому миру ярчайших лидеров, сверкавшее тонким юмором и ошеломлявшее глубиной мистических прозрений, хасидское движение умудрилось всего за сто лет окостенеть и сформировать собственные аристократию и официоз.

Казалось бы, можно ожидать от еврейского религиозного руководства более пристойного поведения на основании исторического опыта, говорящего о том, что у евреев никогда не пылали инквизиционные костры. На это намекает Штейнзальц в "Социологии невежества", говоря о том, что в еврейских религиозных кругах реакция на открытия Коперника была слабой. Но здесь мне кажется, что сам великий гаон слегка передергивает: возможно, что реакция была слабой просто потому, что у религиозного официоза в галуте не было сил для приведения в исполнение более жестких мер. Творцу всюду и во все времена было душно. Едва ли не во всем остальном отделенные от народов мира, в этом мы, к сожалению, удивительно с ними схожи. Просмотрите комментарии к Торе, считающиеся сегодня классическими; при жизни самих комментаторов не многие из них получали печать кошерности. Творческий человек - всегда диссидент. Сам Всвышний, решив создать мир, принял неслыханно диссидентское решение создать нечто абсолютно небывалое. Творчество ведь предполагает новое, а я что-то не слыхал о том, чтобы тем, кто близок к пирогу общественных благ оно - новое было нужно, им бы сохранять близость к пирогу.

При этом надо отдавать себе отчет в том, насколько трудно творить в иудаизме. Кто только не сетовал на недостаток свежего ветра в иудаизме. И здесь Ася Энтова не случайно упомирает Моше Фейглина - лидера "Зо Арцейну". Из книги Фейглина, некоторых лекций Пинхаса Полонского я понял, что в кругах вязаных кип (к коим я себя с гордостью причисляю) созрело мнение о том, что Талмуд - галутная философия, и писался он для народа, уходящего в тысячелетнее изгнание. Современная же еврейская жизнь в Израиле просто

еще не нашла адекватного алахического отражения и простор для религиозного творчества здесь огромен. И тут мне хотелось бы проявить предельную осторожность. Во-первых, я не верю в творчество по заказу. Во-вторых, грандиозное здание иудаизма состоит из тысяч кирпичиков и ни один из них не может быть вынут безболезненно, а призывы к творческому пересмотрению Моисеева завета на поверку слишком часто оказывались его реформистским демонтажом.

И в третьих - дабы творить в иудаизме нужно, как минимум, его знать. Реально существующий системный кризис иудаизма во многом схож с системным кризисом современного естествознания. Здание современных наук так разрослось, что ориентироваться свободно в нем может только подлинный гаон. За тысячи лет осознаваемой истории еврейский народ создал громадную письменную культуру, требующую необычайных интеллектуальных способностей и усилий по ее постижению. Да и мудрости народов мира накопилось изрядно. Ясно, что подобный интеллектуальный барьер под силу единицам. Впрочем, творчество равов Штейнзальца и Соловейчика самим фактом своего существования доказывает, что дела у нас не так и плохи. Рав Штейнзальц, рассказывая о Гиллеле, изящно оформил представление о еврейском мудреце, которому свойственна с одной стороны безоглядная преданность заповедям, а с другой - широта взгляда, обнимающего целый мир - мир, в котором происходящее измеряется результатами, а изменчивость - неотъемлемое свойство самой реальности. Так вот, с широтой взглядов у нас проблем, как правило, нет, а вот с безоглядной преданностью заповедям у образованной публики - напряженка. Думаю, что Штейнзальц, говоря о Гиллеле, вовсе не случайно поставил этот фактор на первое место. Вовсе не боясь прослыть мракобесом скажу: сначала мицвот, потом революционные преобразования в иудаизме, потом партийная активность. А там, глядишь, и агитировать за Тору не придется.

Кстати говоря, движение Фейглина "Зо Арцейну", да и "Маханаим" Пинхаса Полонского сохранили свои свежесть и обаяние не только благодаря усталости от жизни истеблишмента нынешнего, готового променять полстраны на покойное житье-бытие в Герцлии, но и благодаря тому, что не выродились в партии и не породили профессиональных политиков.

В отличие от Аси Энтовой, я не собираюсь искать в Торе аргументов в пользу демократии. Я не испытываю потребности веры в народоправие, либерализм для меня не кодеш, но весьма удобный инструмент, делающий общественную жизнь не идеальной, но переносимой. Я просто хочу, чтобы народ имел возможность время от времени отодвигать сидящих у пирога и менять на других, заведомо неидеальных, которые может быть будут грабить поменьше, зная о том, что их конкуренты спят и видят: как бы их уличить. Как говорил профессор Лейбович: "Я демократ, потому что хочу демократии". А единственная общественная надстройка, в которой я в самом деле испытываю ежедневную духовную потребность - это миньян. Но ведь миньян - молитвенное собрание, не менее и не более того, никакая общественно-организующая функция ему не положена. Я предлагаю жестко различать алахическую ортодоксию и политические непримиримость и нетерпимость. Между ними нет ровно ничего общего. Они идут рука об руку лишь постольку, поскольку это выгодно официальным кругам раввината. Ровно в той же мере средний избиратель, голосующий за "Мерец", вовсе не имеет ничего против синагоги, но продолжает гневно обличать попов, поскольку верхушке его партии выгодно разыгрывать антирелигиозную карту. Признаюсь однако, что религиозного истеблишмента я опасаюсь больше, ибо вещает он не от чьего-либо имени, а прямиком ссылаясь на Вс-вышнего.

Нужен ли мне еще один неоконсервативный официоз? Мои интересы, как религиозного еврея, вполне эффективно защищают в Кнесете религиозные партии. Да и чем бы занимался этот неоконсервативный истеблишмент? Заставил бы непокорных евреев ходить в субботу в синагогу? Закрыл бы все, что можно закрыть в субботу? Я, как и многие работающее религиозные евреи испытываю массу неудобств от (как бы это помягче сказать) не вполне еврейского характера нашего государства. Скажем, трудоустройство в большинстве фирм хай-тека для меня заказано, ибо фирмы эти не только функционируют в субботу и поощряют специальными премиями субботнюю работу, но и обуславливают этим прием на работу. Ясно, насколько сокращен для меня, физика, рынок предложений работодателей, ибо хай-тек сегодня крупнейший наниматель рабочей силы в стране. (Ситуация вполне аналогична

брежневскому мягкому, бархатному антисемитизму, нежный антисемитизм предполагал, что евреев не уничтожают, но слегка перекрывают кислород и ограничивают в приеме на службу). Но я был бы первым противником насильтственного слома статус-кво в стране, отдавая себе отчет в том, что в государстве, носящем название Израиль, огромному большинству сегодня наплевать на субботу, и едва ли насилие поможет этому большинству субботу полюбить.

А вот итоги последнего голосования в Кнессете, которые видятся Асе Энтовой обнадеживающими в связи с успехом близкого неоконсерваторам ШАСа, меня пугают, ибо свидетельствуют эти итоги об углублении раскола в израильском обществе и отсутствии значимого социального центра. Светской части голосующих люди в кипах представляются контролируемой раввинами, гомогенной массой однодушевых мракобесов. Религиозный Израиль видит своих светских оппонентов точно такой же безликой, контролируемой масс-медиа толпой развратников, вдобавок окуренных наркотой. Что толку скрупляться, отмечая немалую толику истины, содержащуюся в каждой из этих картинок? Куда хуже то, что разделение фаз состоялось, и это не может оказаться на устойчивости общества в целом. (Где это, кстати мой оппонент разглядел возврат к семейным ценностям? Мы-то как раз явились свидетелями окончательного развала светской еврейской семьи. Пал и этот бастион. Семья осталась семьей в религиозном Израиле, так там ценность еврейского дома никогда и не падала. Отношение к семье едва ли не в решающей степени фиксирует раскол общества, и в значительно большей мере нежели голосование за те или иные партии). Не хочется прослыть занудой, но гражданское общество способно поддерживать собственную стабильность лишь постольку, поскольку содержит достаточное количество умеренных членов. Если же умеренные оказываются в меньшинстве, то и демократия не спасет, свободные выборы могут вынести на поверхность (не про нас будь сказано) и фюрера местного разлива. Асе Энтовой хочется напомнить, что в годы, предшествовавшие революционной бойне, российская интелигенция охотно поддерживала самые экстремистские политические группы, включая большевиков и эсеров. В такие моменты кажется, что у разумных, в общем, людей атрофируется какой-то орган, отвечающий за адекват-

ное восприятие реальности (см. эпиграф). С другой-то стороны, скучные и барственые профессора- кадеты ничего такого скоропостижного, романтического и обаятельного не обещали. Так что голосуя за политический экстремизм, хорошо бы отдавать себе отчет в том, что имеет неприятную привычку за ним непременно следовать. Алахитский экстремизм, приверженцем которого я являюсь, ничего быстро достижимого и осязаемого не обещает, кроме, быть может, ежедневной, изматывающей борьбы духа. Насчет же того, что религиозные евреи - наши союзники в борьбе за выживание Израиля и всей цивилизации, так ведь они разные, религиозные евреи-то.

Мрачноватая слепилась картинка, но как сказано: капля света осушит море тьмы; и эта капля света - самостоятельно мыслящие, творческие еврейские головы, в кипах и без оных, всегда немногочисленные и все же неистребимые, на них и надеюсь.

НИНА ВОРОНЕЛЬ

Полет бабочки

(роман)

„Таинственная атмосфера туманного Уэльса и старинной библиотеки в антураже многолетних бытовых традиций, исполнемых по-британски неукоснительно... Арабский правитель, стремящийся установить тайные связи с Израилем... Борьба разведок... многокрасочный калейдоскоп экстравагантных персонажей, среди которых необходимо вычислить „своих“ и „чужих“... И любовь, разворачивающаяся на столь завлекательном фоне“.

„Новости недели“

378 стр. Цветная обложка

„Москва – Иерусалим“
Р.О.В. 44050 Тель-Авив 61440
(32 шек. в Израиле; 22 ДМ для Европы; \$16 для США,
включая пересылку)

РУССКИЙ ВОПРОС

Дмитрий Шляпенкох

РОССИЯ-ФЕНИКС

В тот самый день, когда по Ираку шарапили американские, умные и талантливые, лазером наведенные бомбы, вслушивался я в местное радио, дабы услышать, как к этому относится Россия. Были долгие речи. Конгрессмены и конгрессменши уличали президента в обмане и аморальности. Потом было сообщение о союзниках. С союзниками вроде все было ничего, но самое главное - все обошлось с биржей, тут были опасения, а она, голубушка, не подвела. Курс даже поднялся, но, правда, иенамного. Сообщили и о проблемах: Франция, оказывается, была недовольна. Тут долго обсуждалось, почему, собственно, она не пошла вместе с американцами, а кочевряжилась. Потом было про забастовки в какой-то авиакомпании и как это может отразиться на рождественских каникулах. Потом была краткая заставка - Россия отозвала посла из Вашингтона, а потом опять долгие рассказы о том, как это биржа не подкачала и почему французы пытаются подложить свинью. После краткого сообщения об отзыве посла, через Интернет вышел я на русские известия и узнал, что это краткое, ничем не примечательное сообщение отражало возмущенный вопль почти всей русской политической элиты. Демонстрировалось полное единство, которое трудно было предположить после конфузов с Макашовым и Илюхиным. Возмущались все - от "красно-коричневых" до вполне либеральных.

Вспоминалась мне статья о роли России в мировом сообществе, напечатанная где-то года два тому назад в "New York Times". Автор статьи - сотрудник "Foreign Affairs", одного из самых престижных журналов, где обсуждаются внешнеполитические вопросы. Статья была посвящена расширению НАТО. Автор отметил смысл натовского продвижения на Восток в понимании американской политической элиты. Россию нуж-

но задвинуть подальше к Уралу, чтобы уже никогда не вздумалось медведю подцепить коготком Польшу или Чехию. Автор сам с подобной идеей не согласен, но вовсе не потому, что считает Россию союзником, с которым так не следует поступать, а по иной причине. Суть, по его мнению, в том, что Запад переоценивает значимость России, и не только нынешней, но и будущей. Автор уверен, что Россия никогда не была опасной для Запада и никогда не будет. Российское прошлое это ясно демонстрирует. Все, что было в советское время, не что иное, как блеф: и могучая армия блеф, и космос блеф, и культура блеф. Все это мираж, фантом советской пропаганды. Нужно раскрыть глаза пошире и убедиться, что вся история России - блеф, некий исторический мираж, пугавший почему-то в течение веков, а особенно в двадцатом веке, легковерный и наивный Запад. На самом деле Россия никогда не была великой державой и с середины девятнадцатого века ничего, кроме поражений, не знала. Факты налицо: Крымская война - поражение, русско-японская - Цусима, первая мировая - полный разгром, так же как и в "холодной войне". Промежуток - вторая мировая война, выход к центру Европы - случайность, зигзаг мирового духа. С Россией все кончено, а вернее, ничего и никогда не было. Запад, Америка, в особенности с расширением НАТО, совершает самоочевидные глупости, растратчивая энергию и силу на сдерживание geopolитического фантома. Мысль эта газетой иллюстрируется образно: рисунок, прилагаемый к статье, изображает американского солдата, склонившегося с некоторым любопытством над маленьким простертым плюшевым медвежонком. На лице у него вовсе не ненависть, не страх или торжество над поверженным врагом. На лице совсем иное - некоторое брезгливое удивление. Такое, наверное, бывает у некогда юной первокурсницы, смотревшей восторженными глазами на велеречивого профессора, а по происшествии нескольких лет столкнувшейся с ним в одном из переходов, где он, лысенъкий и с брюшком, клянчит денежки у прохожих. Вот это выражение стыда за собственную глупость можно найти у бравого солдата, обозревающего медвежонка: и вот этого плюшевого я принимал за главного мирового соперника!

Если Россия умерла, вернее, никогда не была великой державой, то совсем иное ее восточный сосед - Китай. Автор

статьи отмечает, что пока американские танки будут вползать в Центральную Европу, в мире вырастет новая сверхдержава. Свидетельства тому очевидны: тут и стремительный рост китайской промышленности и культуры, и конечно, военного потенциала. При этом также подчеркивается, что у Китая существуют территориальные претензии ко всем соседям. Китай - вот та реальная опасность, на которую должен обращать внимание американский солдат. И тут же иллюстрация грядущего: в то время как солдат разглядывает плюшевого медведя, над ним занесена огромная когтистая лапа дракона, которую он умудряется не замечать. Чудовище огромно, столь огромно, что пехотинец не может увидеть его всего, но только когтистую лапу.

В статье многое правильно, но в основном автор лукавит. Суть в том, что о истории дракона он не доказывает. О драконовой жизни ничего не сообщается. А это весьма важно, если не забывать, что бедственное положение медвежонка прямо выводится из его скверной исторической наследственности. Не нужно быть знатоком китайской истории и читать иероглифы с листа, чтобы припомнить историю этой рептилии за последние 100-150 лет. У русского медвежонка история, как мы знаем, была весьма незавидная, о чем автор статьи прямо и пишет. Но если сравнить историю медведя с историей дракона, то легко можно выяснить, что у рептилии жизнь была еще хуже, чем у медведя. Мало того, само существование дракона висело на волоске. С середины девятнадцатого века до конца семидесятых века двадцатого история Китая была почти сплошной серией катастроф. И выстоять удалось Китаю и преуспеть лишь потому, что удалось укрепиться у него просьвещенно-безжалостной власти.

Китай-Феникс

Современная история Китая трагична: опустошительные крестьянские восстания, гряда поражений от англичан, русских, японцев, распад в начале века, а затем оккупация японцами большей части страны.

В 1949-м к власти приходят коммунисты, воцарился Мао. Затем последовали "большой скачок" и "культурная революция", но при этом страна приобрела центральную власть -

беспощадную и требующую абсолютного подчинения. Анализируя действия Дэн Сяопина, утвердившегося после смерти Мао, аналитики указывают на рыночные реформы, которые он начал. Они замечают, что реформы были основой китайского процветания, но при этом забывают о том, что абсолютная власть, полученная Дэном от Мао, не только не ослабла, но еще укрепилась. Это при реформаторе Дэне начались публичные расстрелы с продажей органов казненных за валюту. Это при нем "большой брат" распространил свои шупальца по всей диаспоре. За двадцать лет в Америке я встречал немало китайцев из материкового, красного Китая, но все они мгновенно замолкали, когда я пытался обсудить с ними политические проблемы их родины. Власть и страх власти был основой китайского возрождения и может стать основой возрождения России. Страх оказывается тем золотым запасом, который Российское государство почти растратило. Вопрос, таким образом, заключается в том, возможен ли приход к власти в России свирепо-просвещенного государя, который сможет причудливо соединить "1917" и "1929", мобилизовать народ на восстановление промышленной, научной и военной силы государства.

Судьба России

Не нужно думать, что приход к власти этого государя предопределен. Теория о том, что за всяким смутным временем в России должен обязательно наступить подъем, есть лишь одна из социологических догм, вроде той, что после каждой революции должен обязательно наступить термидор. Мысль эта утешала в тридцатые годы противников большевиков, полагавших, что гибель последних неизбежна в результате неотвратимой "термидоризации". Она, однако, не произошла и вовсе не потому, что была иллюзорной, а по иной причине: термидор был лишь одним из вариантов. Возрождение России не предопределено, и ее распад или перманентное прошибание как третьестепенного государства вполне возможны. Возрождение является лишь одним из возможных вариантов, и здесь необходимо рассматривать варианты обратимости нынешних процессов.

Основной ошибкой тех, кто мечтает о появлении сильного правителя, является народолюбство или народоверие, попытка

найти виновников в элите, вера в то, что в конечном итоге народ "прозреет" и сметет разрушителей государства. Мысль эта постоянно, например, проводится газетой "Завтра", где уже лет семь пишут о зреющих гроздьях гнева. Рассматривая различные варианты развития российской ситуации, те, которых обычно именуют "красно-коричневой" оппозицией, все время предрекают народные восстания, которые и должны привести к власти вождя. Надежда на то, что народ "прозреет", наивна. Наивна и вера в то, что те или иные доводы кого-то убедят и заставят избрать правительство, способное спасти государство. Доводы в истории никогда не работали, ибо на всякий довод существует контрдовод не менее убедительный, а на каждое бойкое замечание - не менее бойкое контрзамечание. Очевидно, что масса устала от умствований и относится ко всякого рода политическим статьям в нынешней прессе совершенно так же, как к газете "Правда" в доперестроечную пору. Она просто их не читает. "Убедить" народ могут вовсе не доводы, а реальность, живой опыт, когда физическую боль не заглушить уже никакими ораторскими приемами, когда сама жизнь станет нестерпимой. Спонтанную реакцию на это резкое ухудшение не предотвратят никакие ухищрения журналистов, телевизионщиков. Она-то и способна привести к возникновению диктатуры, которая может и вытащить Россию из существующего кризиса.

Тиран как спаситель

Роль государства, стоящего над народом и глубоко враждебного народу, центральна в истории России, как и всякого иного азиатского государства. Суть вопроса в том, что не только русское государство создавалось не благодаря воле народа, а вопреки его воле. История России, если вспомнить Карамзина, была историей не народа, а государей. Народ относился к своему государству с полным пренебрежением. Если что и может спасти Россию, втянуть ее в грядущий век не как периферийный лоскут большого мира, если есть у нее шанс избежать судьбы безнадежно отставших (а это вся Африка, Латинская Америка и значительная часть Азии), то совершить это может только сильное государство просвещенно-мобилизующего деспотизма, китайский путь.

Каков путь к этому государству? Как ненависть кристаллизуется в деспотическую власть? Здесь опять-таки те, кто мыслит смену режима как народный бунт, ничего не сообщают. Как мыслится этот народный бунт, как конкретно он должен произойти? Этого механизма захвата власти, того, что Ленин доходчиво объяснял в своих статьях как "захват телефона, телеграфа и т.п.", - не видно. Отсутствие ленинской деловитости у сегодняшних политиков - следствие не только темперамента, но и другого: конкретного механизма захвата власти у сегодняшней оппозиции нет, поскольку она исходит из революционных моделей западного образца. Октябрьская революция тоже ведь списывалась с Запада, с Французской революции, например. Для того чтобы сыграть в "1917" или в "1993", нужны центры власти, вернее двоевластие. Нужен властный Парламент (Советы, если вспомнить 1917-й), "красная гвардия" или иные отряды на все готовых молодцов, нужны ячейки в армии. Нужна дисциплина, координация хотя бы основных элементов антиправительственной структуры. Но ничего этого нет, или есть, но в эмбриональном состоянии. Даже у Баркашова, одного из самых реалистически мыслящих в России, как ни странно это может на первый взгляд показаться, представителей оппозиции. Нет и других явных свидетельств народного взрыва, о котором уже который год пророчествуют "Завтра", "Советская Россия" и другие подобные издания. В истории бывает, конечно, разное. Но чаще всего взрывы революционного насилия не возникают на пустом месте. Если вспомнить, например, "красный террор", то он был не только порождением идеологии большевистской верхушки и желанием копировать французский образец, но вытекал из самой сущности быта тогдашней России. Насилие было действительно бытовым явлением, и не только из-за невиданной волны бандитизма, но и из-за практиковавшегося почти повсеместно линчевания всех и вся. Линчевали не только офицеров на фронте, но и преступников. Это явление было широчайше распространено в деревне и в больших городах, в том же Петрограде, где бросание преступников в канал стало чем-то вроде народного развлечения. Пока ничего подобного в России не отмечено. Если и был у оппозиции боевой задор, желание пойти на баррикады, умереть или победить, то это было в промежутке с 1991 по 1993 год, завершившемся рас-

стрелом Белого Дома. Это был, видимо, последний героическо-баррикадный этап "красно-коричневой" оппозиции в той форме, которая нам известна. Это был тот изгиб истории, та развилка, которая предоставляла оппозиции возможность победы, и победа могла у оппозиционеров быть, окажись в их распоряжении танковая рота. Но танковой роты не оказалось, во всяком случае поблизости, и исторический поезд миновал эту станцию. Те, кто предрекает лаву народного гнева, повторение 1905-го и 1917-го, забывают о наличии внутренних войск. Силы эти не только сравнялись, но и превзошли по мощи регулярную армию, расползающуюся по швам. Здесь, надо сказать, Ельцин или его советники весьма мудро следовали традиции большевиков, которые, положительно относясь к развалу старой армии, заменили ее "красной гвардией" и разными чекистскими формированиями. Преданный Ельцину ОМОН и прочие сходные войска прекрасно знают, за что и за кого они сражаются и что потеряют в случае поражения. Посему смешно полагать, что они разбегутся после первого бульдожника пролетариата или начнут пачками переходить на сторону восставших при первой же стычке - только потому, что пулеметная очередь прошлась по толпе стариков и женщин. После Чечни войска или, во всяком случае, значительная их часть, вообще мало чем могут быть "смущены", особенно если они хорошо оплачиваются. Главная же причина того, почему вариант 1905-го или 1917-го годов маловероятен, заключается в том, что гражданское или, в известном плане, национальное самосознание в нынешней России еще более слабо, чем в императорской. В ней почти нет ощущения классовой солидарности, столь сильной на Западе и давшей Марксу право говорить о классовой войне. Конфликт в нынешней России, во всяком случае, на данном повороте ее истории, осознается не как классовый, а в первую очередь как региональный. Средний провинциал, конечно, не любит своего "нового русского", но неизмеримо сильнее его ненависть к Москве, причем даже не к режиму, а к городу, к москвичам как таковым. Эта ненависть восходит своими корнями к советским временем, но тогда она была приглушенена, и не только потому, что был железный обруч партии и КГБ, но и потому, что Москва была имперским символом, "Третьим Римом". Сейчас это восприятие Москвы почти полностью исчезло

из провинциального сознания. Разговоры о том, что столицу нужно перенести в Петербург или даже во Владимир, хорошее тому свидетельство.

Москвич тоже глубоко отчужден от провинциала. Он ненавидит или презирает его, для него провинциал часто или дурак, или закостенелый в своих предрассудках "красно-коричневый". Это нежелание перестроиться и объясняет, с точки зрения Москвы, нелегкое положение провинции, и москвичи безучастно наблюдают из своих теплых квартир, как стынут дальневосточные города, как будто все это происходит не с соотечественниками, а с жителями чужого, даже враждебного, государства. Этот антагонизм между Москвой и провинцией есть основное, во всяком случае на данный момент, противоречие в стране. Значит, страна еще далека от западного, европейского порядка. Это далеко не всегда понимается западными обозревателями. Действительно, угроза реакции, призрак "красно-коричневости" по сей день является главным пугалом и внутри страны, и за ее пределами. Этот страх питает и часть западного истеблишмента. Мадлен Олбрайт прямо заявила, что разговоры о необходимости продвижения НАТО на Восток нужны не потому, что нужно укреплять народившиеся восточноевропейские демократии, а по причине возможной "красно-коричневой" или просто "коричневой" реакции в России, когда она попытается вновь отвоевать восточноевропейскую империю. Это предполагает, что Россия страна западная и, подобно веймарской Германии, глубоко таит злобу на победивших обидчиков, что каждый танк, двинувшийся по направлению к ее границам, приведет ко все усиливающейся контрреакции. Однако ничего подобного нет. Российский "1933" почти столь же маловероятен, как российский "1789".

Весьма популярно сравнение нынешней России с веймарской Германией, но это как раз и не учитывает разносущность западной, европейской Германии и полуводосточной России. На давление Запада Россия отвечает дальнейшим отступлением. Оно же свидетельствует о том, что нацистская организация с истинно всероссийским охватом, исходящая из чувства гражданского долга и боли за государство, в России, скорее всего, такой же продукт "ложного сознания", как стремление копировать западную демократию. Давление на Россию, унижения ее приведут лишь к дальнейшему ослаблению центра, к усиле-

нию дезинтеграции. Перед самым принятием поляков и чехов в НАТО Черномырдин грозил, что танк за танком станут сползать с конвейера и, "стальной щетиною сверкая", встанет вся русская земля. Результат этого "ощетинивания" оказался, однако, самым что ни на есть странным. Сразу же после угроз было объявлено, что армию укоротят чуть ли не на треть. Под давлением Запада государственное здание стало не укрепляться для обороны, а наоборот, трескаться и осыпаться. И можно предполагать, что вхождение в состав НАТО стран Балтии и Украины Россия встретит не ощетинившимися штыками коричневой реакции, а дальнейшей дискредитацией центральной власти и сползанием к собственному развалу. Модель, в этом случае, вовсе не веймарско-европейская, а скорее китайско-азиатская: столкнувшись с Западом в середине прошлого века, Китай в течение двух-трех поколений перестал существовать как единое государство. Он на поколения, до победы Мао в 1949 году, превратился в страну бандитствующих сатрапов и просто бандитов, которыми кишел каждый уезд. За всем этим последовал страшный голод. Голод ведь бывает не только при социализме и коллективизации.

За время существования советского режима Россия еще более "овосточилась", и посему западный вариант прихода к власти диктатора (революция красная и коричневая) маловероятен, во всяком случае, на данном этапе. Вариант развития скорее всего будет восточным, китайским, где Россия может пойти по дороге мао-дэновской революции. А началом этой революции был распад маньчжурского Китая, что в известном смысле можно видеть и в современной России.

Распад как восточная революция

Быстрый и неуправляемый распад вовсе не нужен местным элитам. Дело не только в том, что какой-то центр, какой-то лидер, что-то вроде императора Священной Римской Империи германской нации, нужен баронам для координации действий и арбитража, но и потому, что в России, в отличие от Китая и той же Священной Римской Империи, масса ракет и ядерных станций. Это предполагает некий централизованный контроль. Бароны хотели бы отделиться от ненужной и совсем уже не страшной (а потому и презираемой) центральной

власти медленно и плавно. Да и Запад этого желает. Такой вариант не исключен.

Но возможен и другой, быстрый и катастрофический, который произошел с Китаем в начале века, да и с Россией приблизительно в тот же период. Детали этого катастрофического периода трудно предвидеть, обрисовать в подробностях. Возможно, он будет следствием резкого обострения конфликта между центром и провинцией. Региональные элиты, особенно те, которые контролируют районы, богатые полезными ископаемыми, не захотят мириться с экспроприацией их добра Москвой, а голодная, расползающаяся на лоскутки армия превратится из армии русской в армию Тюменскую или Дальневосточную. С ней в этом случае произойдет то, что до этого произошло с армией СССР. Ее азиатская громада может распытаться с той же легкостью, с которой единая и непобедимая армия монголов могла рассыпаться после гибели вождя. И здесь, если злоба и отчуждение приведет к перекрытию нефтяного крана, от финансового блеска Москвы, изрядно поблекшего уже после августа 1998 года, может не остаться и следа. "В одну ночь возьмет Бог душу твою".

Нельзя сводить революцию просто к ухудшению положения масс, но и без него обычно не бывает революционных взрывов. Локальные волнения скорее всего не приведут к всеобщей мобилизации, к повторению гражданской войны, во всяком случае на первой стадии. Но этими движениями может воспользоваться региональная элита, которая вполне будет здесь солидарна с местным населением. Не только перетягивание вен трубопроводов может оказаться смертельным для столицы, но и просто отказ провинций, особенно нефтеперерабатывающих, "делиться" с Москвой может принести к резкому обострению ситуации между центром и провинцией. Москва попытается сначала просто сместить или физически устраниТЬ мятежного сатрапа, а если экономические и политические издержки перекрытого крана окажутся слишком большими, может решиться и на "чеченский вариант". Возможно, что и чеченского варианта не будет, а хаос начнется сразу, через фрагментацию России по китайскому образцу 1911-1912 годов. Вовлечение Запада, вплоть до прямой интервенции, вовсе не обязательно должно привести к патриотическому порыву, сплачивающему нацию. Военное вмешательство должно лишь

усилить дезинтеграцию, хаос, дальнейший распад, который может привести к ситуации, когда и ОМОНу, и прочим пре-торианцам платить будет нечем. И вот, если уровень кризиса достигнет уровня нетерпимого, тогда-то и может возникнуть режим, своеобразное сочетание 1917-го и 1929-го (режим по-русски), и даже 1949-го (режим по-китайски), у которого появятся шансы спасти государство.

Новый режим как старый режим

В абсолютном беззаконии режим будет логическим наследником всей послесоветской эпохи, где ни закона, ни традиции не существовало. Беззаконие и абсолютный цинизм, разрушающий государство, был ядом, но этот же яд может быть целителем. И эту целительную роль режим может сыграть, поскольку не будет ограничен ничем. Он не будет ограничен традицией "советской монархии", советского или "старого режима", у которого было сложившееся дворянско-бюрократическое сословие со своими правилами игры, своя религия. (Так же и национал-марксизм - отстоявшаяся идеология, которая, несмотря на скептическое отношение к ней, составляла идейно-экзистенциальную основу большевизма.) Все эти феодальные ограничения теперь исчезли.

Традиция испарилась, вымерла, от нее осталась лишь лужковская бутафория - картонные мечи и шлемы театральных представлений. Умерла традиция, но не родился закон. Его попытались зачать в августовской эйфории 1991 года, но очень быстро случился аборт: в октябре 1993-го, да и затем во время первой чеченской войны. Закон оказался убит, так и не родившись, и его место заняла "реальная политика", сам народ, посадивший на трон Ельцина. "День", "Советская Россия" и прочие издания не жалуют Ельцина. Ельцин для них - старый идиот, полутруп, которого чудо возвело и удержало у власти. Они также видят его не иначе как вурдалака, который вместе с товарищами насиловал Россию. Не могу согласиться ни с первым, ни со вторым утверждением. Ельцин, как и все предыдущие российские лидеры, вовсе не узурпатор. Он истинно народен в том смысле, что воплотил в себе основные народные черты. Народ желал немедленного обогащения и - без труда. Желал, чтобы богатство досталось всем и досталось

тогда, когда экономика летела вниз. И Борис Николаевич исполнил то, что желал народ. Он "приватизировал" имущество. И народ радостно принял приватизацию на первых порах. Помню, был я тогда в Москве, и "ваучер" и стремительное обогащение обсуждалось всеми и везде - на улицах, в очередях, и даже в библиотеках и архивах. Ельцин сжег танковыми снарядами парламент, выгнал пинком под зад импортированного западного попугая - Конституционный суд, и народ утвердил его Конституцию. Ельцин привел армию к чеченскому позору, и народ избрал его в 1996 году. Его правление не было насилием, ни даже грубым обманом народа. Он просто своей политикой и политикой тех, кого он приближал к себе, реализовывал, воплощал во плоти все то, что дремало в душе народа, в его потаенном либидо, то самое, о чем нельзя сказать открыто. Народ желал разрушить государство, и Ельцин разрушил его. И народ признал это как свое деяние, ибо не то что ни одна дивизия, но даже батальон, взвод не поднялся на защиту страны, которой они присягали. Нельзя говорить и о глупости Ельцина. В отношении ко всем - будь то оппозиция, интеллигенция или простой работяга - Ельцин умело играл на своем инструменте. Его балалайка состоит из двух струн, вернее, одной - похоти жадности, властолюбия, тщеславия и похоти страха. И, небрежно бренча по этому нехитрому инструменту пьяной нетвердой рукой, он выкуривает из Белого Дома, а затем снова приручает усатого Руцкого, зовет на государеву службу, а затем гонит пинком под зад неудавшегося первого консула, проводит ночь, выгоняет и опять приводит в кремлевскую опочивальню железного шурика.

Почитатели утверждают, что история оценит и благое, хвалят Бориса Николаевича за то, что он стал воздвигать храмину западного закона, но думается, что главное - в другом. История может найти, что заслуга его в том, что в 1993-м (Дума) и в 1994-96 (Чечня) он показал, что можно все. И вот именно это может оказаться ценнейшим наследием власти.

Собственность и все блага, за ней следовавшие, были взяты просто - ударом сапога, выбивающего дверь. И было продемонстрировано, что можно все. Но обратное чтение текста ведь тоже возможно: ту же дверь можно выбрать и с другой стороны. Другим сапогом. И этот сапог, эта вседозволенность может породить режим, у которого найдутся силы поднять го-

сударство, возродить его почти с той же стремительностью, с которой оно рассыпалось. У этого государства может оказаться сила, необходимая для того, чтобы возродить Россию подобно Фениксу. Невозможно предвидеть ни конкретных событий, которые могут привести к образованию подобного государства, ни конкретных его черт. Но ясно одно: это государство, если оно, конечно, появится, должно быть основано на абсолютной власти вождя-государя и терроре. Это будет государство, ненавидимое всеми, и вот эта всеобщая ненависть и будет свидетельствовать о том, что страна, возможно, находится на пути выздоровления.

Проблема террора и его необходимости требует разъяснения. Сильной и, возможно, террористической власти желают в России все. Те, кого именуют олигархами, естественно, мечтают, что репрессии обрушатся на массы, если те отважатся на бунт. Представители радикальной оппозиции и масса мечтают, конечно, о суровом правителе, который поступит круто с олигархами, в особенности, конечно, с олигархами-евреями. Но дело в том, что это возродившееся тоталитарное государство, государство, ничем не ограниченное, исключительно на грубую силу опирающееся, будет глубоко враждебно всем слоям общества. Оно не будет ничьим орудием.

Тотальность государственного террора будет обусловлена не только идеологическими, но (а это главное или, во всяком случае, одно из главных) экономическими соображениями. Дело в том, что центральная проблема нынешней России - это проблема ресурсов. Все рассуждения о том, что с Запада потекут инвестиции и те, кто перекачал миллиарды на Запад, возвратят их в отчество, относятся к тому же роду рассуждений, которые мы находим в недавнем открытом письме писателя Тополя. Он, как известно, советует Борису Абрамовичу Березовскому и прочим покаяться и поделиться с народом своими миллиардами. Свободных ресурсов для русской экономики нет ни на Западе, ни в самой России. Мало того, их количество будет постепенно уменьшаться, даже если забыть об иноземных виллах: с каждым годом изнашиваются станки и машины, дороги и здания. Свободных ресурсов нет, а те, что не свободны, те, что имеются, не возьмешь руками "государственного регулирования" в стиле Примакова и Зюганова, потому что для эффективности этого регулирования ну-

жен "инстинкт повиновения", как удачно отметил один из журналистов "Известий". А вот от этого инстинкта не осталось и следа. Взять эти ресурсы может только деспотическая власть. Эти ресурсы в стране есть.

1) Нефть и другие природные ресурсы. "Труба" - источник богатства большинства олигархов.

2) Сами "олигархи" и "новые русские". Они никогда не вернут деньги в Россию по своей воле. Но если границы герметически захлопнутся, то у террористической власти найдутся "аргументы", как вернуть миллиарды, хотя бы часть их, в Россию.

3) Народ. Деспотическая власть нужна будет не только для того, чтобы отобрать ресурсы у элиты, но и заставить народ работать, то есть заставить его работать за мизерное вознаграждение. Только деспотическая власть может заново возродить крепостничество. И, наконец, только деспотическая власть может сконцентрировать эти ресурсы для того, чтобы поднять науку и промышленность. Только восточно-деспотическая власть может вывести страну в третье тысячелетие. Произойдет ли это? Никаких гарантий нет, история многовариантна. Не всякая хирургическая операция обязательно успешна, и нет сомнений в том, что многочисленные западные "друзья" будут предрекать неизбежный конец. Но его может и не быть, и Россия не на словах, а на деле вернется в семью великих держав.

В заключение хочется мне вернуться к статье в "New York Times", которая изображала американца в виде пехотинца, а Китай в виде дракона. Никакой любви между пехотинцем и драконом нет. Но пехотинец понимает, что конфликт с драконом может закончиться печально не только для рептилии. А посему подумывает о кооперации. Бжезинский, например, указывает, что хотя Америка и будет мировым лидером на ближайшие поколения, но и ей будет нужен партнер. А им-то и может стать коммунистический Китай. Россия тоже может оказаться среди партнеров пехотинца. Но это может произойти только тогда, когда плюшевый медвежонок превратится в медведя.

Дмитрий Хмельницкий

НОВЫЕ ВЕРСИИ СОВЕТСКОЙ АРХИТЕКТУРНОЙ ИСТОРИИ

В середине девяностых годов в России вышли три книги, рассказывающие о сталинском искусстве и архитектуре с принципиально разных позиций. Это - "Тоталитарное искусство" Игоря Голомштока (Москва, 1995), "Историзм в архитектуре" Александра Иконникова (Москва, 1997) и "Архитектура советского авангарда" Селима Хан-Магомедова (Москва, 1996). Все три автора - известные искусствоведы одного поколения. Все учились в конце сороковых - начале пятидесятых, то есть еще при Сталине.

Первый автор - диссидент и эмигрант. О его фундаментальном исследовании природы тоталитарного искусства на примере СССР, нацистской Германии и фашистской Италии я уже писал (Д. Хмельницкий. О книге "Тоталитарное искусство" Игоря Голомштока, "22", № 104)

Два других автора - заслуженные советские ученые, академики, специалисты с мировым именем. Интересно, что все три книги существуют каждая как бы в своем отдельном культурном пространстве, практически не пересекаясь. Кажется, что и рассказывают они не об одном явлении, а о трех совершенно разных. Нормальная дискуссия между ними трудно представима.

* * *

Смена советского официального стиля в 1932 году была и остается камнем преткновения для всех советских и постсоветских исследований советской архитектурной истории (блестящее исключение - антисоветская книга Владимира Паперного "Культура 2"). Объяснить внезапную гибель новой архитектуры и ее замещение сталинской неоклассикой путем

естественной эволюции никак не удавалось. Иные объяснения - например, идеологический террор по примеру нацистского - были в советское время политически невозможны. В постсоветское, как оказалось, тоже - они ставили под удар репутацию Союза советских архитекторов как творческой организации и множество персональных репутаций. К концу восьмидесятых годов стали выкристаллизовываться версии, которые как будто бы снимали противоречия. Оформились они уже после распада СССР.

Книга А. В. Иконникова "Историзм в архитектуре" посвящена тому, как в европейской архитектуре использовались стили предшествующих исторических эпох. Поскольку практически вся европейская архитектура со времен Ренессанса есть сознательный перебор исторических стилей, книга представляет собой краткий и любопытный пересказ европейской истории архитектуры вплоть до наших дней. Особый интерес представляет глава "Историзм в советской архитектуре, 1917-1954" - возможно, ради нее написана и вся книга. Здесь автор окончательно формулирует концепцию, очерченную им в 1989 году в статье под тем же названием (каталог выставки "Концепции советской архитектуры" в Западном Берлине, 1989).

Суть концепции сводится к следующему - сталинский ампир 1932-1954 годов был составной частью общеевропейской волны неоклассицизма, выражал ту же культурную тенденцию. Поворот к неоклассике был обусловлен естественным процессом художественной эволюции. Бюрократическая "командно-административная система" (позднесоветский эвфемизм, означающий сталинскую диктатуру) влияла негативно на художественный процесс, но не направляла его. Вглядимся в аргументы.

"В условиях жестких экономических ограничений второй половины 1920-х годов общественному мнению импонировал декларативный практицизм конструктивистов" (стр.418). В этой короткой фразе заложена бомба. В основе русского конструктивизма, как и западноевропейского ("Das neue Bauen") лежала новая система художественного и конструктивного мышления, вовсе не сводящаяся к "практицизму". Объяснять его популярность в СССР, а тем более в Западной Европе, тяжелыми экономическими условиями абсолютно неверно. У

советского общественного мнения (партийно-художественной интеллигенции) двадцатых годов было множество других причин предпочитать авангард академизму, в том числе и идеологических. Фраза Иконникова готовит почву для следующего (сталинского) вывода - от конструктивизма народ отказался, когда жить стало лучше.

"После 1928 г. форсированное развитие промышленности... ускорило процессы урбанизации, роста городов почти на всей территории СССР. Коллективизация деревень побуждала к движению в города... огромных масс людей. Прямыми следствием нарастания урбанизационных процессов стало то, что на первый план вышли практические проблемы формирования городских структур - планировки новых городов, реконструкции и развития существующих. К решению этих проблем авангард - конструктивисты и соперничавшие с ними формалисты - не был подготовлен. Творческий метод и тех, и других был ориентирован на внутренне завершенный объект... Такой подход исключал активную реакцию на внешние условия, на структуру контекста. Градостроительные интересы авангарда поглощались утопическими идеями конфликтовавших между собой сторонников "урбанизма" и "дезурбанизма". В дискуссии о градостроительстве, прошедшей в 1929-30 гг, столкнулся ряд блистательных утопий... Но практически применимые предложения не появились. ...И в этой ситуации получили преимущество сторонники историзма. Они предлага-ли решения, которые можно было использовать немедленно, перерабатывая в соответствии с новыми целями и новыми ценностями модель города русского классицизма начала XIX века."

В статье 1989 года Иконников выразился о роли коллективизации в судьбе авангарда еще более определенно: " У авангарда не было и поддержки со стороны массового зрителя. Последнее... определялось притоком в города громадных масс сельского населения, вовлеченных в процессы урбанизации. Для горожан первого поколения долго сохраняли значение стереотипы и ценности сельской культуры, ориентированной на конкретность образов, на традиционное и привычное".

Все вышесказанное не имеет к советской исторической реальности никакого отношения.

Коллективизация и индустриализация вовсе не привели, как утверждает Иконников, к росту городов - они привели к

созданию гигантской сети лагерей и поселков для ссыльных и вольнонаемных в местах разработки и переработки полезных ископаемых. Говорить о влиянии здоровой народной культуры, которую якобы принесли в города ограбленные и миллионами умиравшие от голода крестьяне можно только в порядке издевательства.

Города не росли, а пустели в результате террора начала тридцатых годов. Только из Москвы в 1933 году после введения паспортов и прописки было выслано около миллиона человек "лишенцев". Провинциальные города, "разрешенные для проживания", действительно были переполнены ссыльными, но градостроительных последствий это не имело.

Конструктивисты и рационалисты вовсе не были зациклены на замкнутом объекте. Градостроительством занимались много и плодотворно. Одна из архитектурных организаций, во главе с Ладовским так и называлась "Объединение архитекторов-урбанистов" (АРУ). Дискуссия об "урбанизме" 1929-30 годов осталась бесплодной, потому что ее в одночасье запретили власти, объявив "дезурбанизм" троцкизмом, а "урбанизм" меньшевизмом. Обсуждавшиеся проблемы лежали в русле нового общеевропейского градостроительства и за границей принесли плоды. Летом 1933 года именно в Москве должен был состояться Международный конгресс нового строительства (СИАМ) на тему "Функциональный город". Правительство отменило приглашения за два месяца до его начала. Вместо конгресса летом-осенью 1933 года было организовано "Творческое совещание Союза советских архитекторов", где виднейших конструктивистов заставили признавать свои ошибки и призывать к "возрождению наследия". Над проектами новых городов и нового жилья в СССР с 1930 по 1934-35 гг. работали крупные немецкие архитекторы и градостроители - Эрнст Май, Хайнес Майер, Бруно Таут со своими бригадами. Их работа пошла насмарку потому, что современное градостроительство было в СССР в 1933 году попросту запрещено, а не потому что "модель города русского классицизма начала XIX века" оказалась якобы более практической во времена индустриализации. Дискуссия о соцраселении стала не нужна при новом порядке, так как речь там шла о новых городах для свободного населения с минимальным комфортом для всех, а таких городов Сталин строить не собирался. Лаге-

ря и баракные поселки в архитекторах не нуждались. Для застройки центральных городов парадными дворцово-храмовыми комплексами "модели городов классицизма" подходили идеально, но конструктивисты в этом не виноваты.

В книге 1997 года Иконников слегка подправляет свою прежнюю версию о крестьянском влиянии на советскую культуру тридцатых годов, вводит новые любопытные параметры.

"В сравнении с 1920-ми годами характер носителей "масскультурой" эстетики существенно изменился - в немалой мере как следствие притока в города громадных масс сельского населения, выброшенных деревней, прошедших через коллективизацию. К традициям городской культуры они не были приобщены, слой же интеллигенции, создававший эту культуру, был сильно ослаблен и как бы задвинут на второй план. В этой ситуации разрушались традиционные ценности культуры как города, так и деревни, укреплялась же некая "третья" маргинальная культура, "пригородная", активно влиявшая на всю формирующуюся новую культуру. Для "третьей культуры" ретроспективность обладала авторитетом привычного.... В искусстве привлекала конкретность образов, несущих однозначно выраженное идеологическое и этическое содержание - идеальный реализм конца XIX - начала XX века казался эталоном".

Абсурдна сама мысль о том, что в начале тридцатых годов какой бы то ни был слой носителей "масскультуры" мог оказывать влияние на культурную политику правительства - настолько затерроризированным было все население СССР. "Отодвинутыми на задний план", по элегантному выражению Иконникова, а точнее, полностью разрушенными и иеремешанными были бытовые и культурные традиции всех прежних социальных групп - крестьян, рабочих, городского мещанства и интеллигенции. "Третья" культура безусловно народилась, но назвать ее пригородной можно только имея в виду, что ее носители жили на пригородных дачах. А работали они в Кремле. Их было всего несколько человек, но они контролировали все метаморфозы политической, общественной и культурной жизни в СССР. Решения Политбюро в это время чаще всего бывали полной неожиданностью даже для их собственных подручных, аппаратчиков более низкого ранга. Таким образом была произведена и смена стиля.

Нет никаких признаков, что общественное мнение СССР конца двадцатых - начала тридцатых годов само по себе склонялось к неоклассике. Наоборот, как профессиональные архитектурные критики, так и "представители рабочей общественности" оценивали проекты "эклектиков" однозначно отрицательно, как "идеологически чуждые". Положительной критики и отзывов на проекты "в стилях" в это время не было, только более или менее злобные - вплоть до 28 февраля 1932 года, когда, после распределения премий на конкурсе Дворца Советов, все как по волшебству переменилось.

Заявление Иконникова о том, что постановление Совета строительства Дворца Советов, предписавшее пользоваться "как новыми, так и лучшими приемами классической архитектуры", было подготовлено "материалами общественных обсуждений" полностью не соответствует действительности.

Так же как и следующая его мысль: "Художники и архитекторы остро чувствовали новые тенденции, нараставшие в культуре, и искренне шли им навстречу - в этом истоки художественных достижений периода. Вместе с тем процесс этот направляли и использовали в своих целях новые бюрократы, множившиеся вместе с развитием командно-административных методов управления".

Конечно, архитекторы остро чувствовали новые тенденции и шли им навстречу - от этого буквально зависела их жизнь. Конечно, они были лишены свободы творчества даже в рамках предписанного стиля. Но вот вопрос о том, искренне ли шли, даже ставиться не может. Все крупные левые советские архитекторы - Веснины, Гинзбург, Мельников, Ладовский и прочие - были к 1935 году полностью и навсегда изнасилованы. От их недавних принципов не осталось ничего - достаточно почитать их выступления того времени. Да и Жолтовский вряд ли радовался правительской трактовке его творческих принципов.

Картина естественного творческого процесса тридцатых годов, только слегка подпорченного "новыми бюрократами" - выдумка Иконникова. Так же как и утверждение: "историзм не отрицал достигнутого авангардом". Может, какой-то другой историзм, в других странах (скажем, во Франции) и не отрицал, но в Советском Союзе конца тридцатых вопрос о достижениях авангарда публично даже ставиться не мог. А непу-

бличной, неподцензурной архитектурной жизни сталинская эпоха (в отличие от Третьего рейха) не знала.

В статье 1989 года Иконников объясняет внезапную популярность классицизма в начале тридцатых кроме прочего тем, что уровень жизни в городах рос и "появлялись и расширялись новые возможности приобщения широких масс к духовной культуре". Признак роста уровня жизни - то, что "только за 1933-37 годы национальный доход увеличился вдвое". Это хитрый и очень нечестный ход. Иностранные, на которых была рассчитана статья, вполне могли поверить, что раз растет национальный доход, то растет и уровень жизни, не догадываясь, что в Советском Союзе все было наоборот. Рост национального дохода, то есть военной промышленности, сопровождался диким обнищанием населения и массовым голодом по всей стране.

Иконников считает сталинский ампир частью международной культурной тенденции обращения к классическому наследию, но при этом с сомнениями относится к аналогиям между советской и нацистской архитектурами.

"В западном архитектуроедении стали стереотипом аналогии, проводимые между советской архитектурой и архитектурой "Третьего рейха". Если из всего многообразия направлений и вариантов отфильтровать "стиль Лубянки", элементы внешнего сходства действительно найдутся. Однако в общей картине значительного места они ни качественно, ни количественно не занимали. Главные отличия основного массива советской архитектуры от унифицированного стиля рейха определялись ее связью с массовыми настроениями времени и духом социалистической утопии - в ее российском варианте сохранились народная мечта о всеобщем равенстве и справедливости, вера в торжество добра. Отсюда - не знающий сомнений оптимизм массовой культуры; он эксплуатировался сталинской пропагандой, но не был побуждаем ею".

К "стилю Лубянки" Иконников относит здания Я.Лангмана в Москве (дом СТО в Охотном ряду и НКВД в Фуркасовом переулке) и здание НКВД в Ленинграде Н.Троцкого. Это далеко не единственные советские аналоги нацистской архитектуры. Тут можно вспомнить постройки Л.Руднева, Г.Гольца, И.Голосова, А.Щусева, И.Фомина и многих других. Кроме того, нацистская архитектура развивалась. Стиль Шпеера

эволюционировал в том же направлении, что и сталинский неоклассицизм. Проект перестройки Берлина архитектурно, градостроительно и функционально очень напоминает план реконструкции Москвы середины тридцатых. Сам Шпеер, оказавшись в Киеве в 1942 году, был в полном восхищении от здания Совмина УССР И.Фомина, и даже собирался пригласить его автора на работу в Германию.

Главное отличие советской архитектуры от "унифицированной" нацистской Иконников видит в "ее связи с массовыми настроениями времени". Можно спорить о том, какая архитектура была более унифицирована (на мой взгляд, советская - в силу организационных причин), но связь с массовыми настроениями населения у нацистской архитектуры и культуры была неизмеримо больше, чем у советской. То есть она просто была - нацистская культура и нацистская, относительно либеральная (относительно советской) внутренняя политика не противоречили друг другу.

Сталинский режим был устроен по-другому - чем оптимистичнее и радостнее были советские фильмы, книги, дома и картины, тем страшнее и беспросветнее становилась жизнь. "Народная мечта о всеобщем равенстве, вера в торжество добра" и лагерные сроки за опоздания на работу и смертная казнь для детей от 12 лет не противоречили друг другу только в сознании сталинских пропагандистов.

Сталинская культура действительно отличалась от нацистской - цинизмом, но это не то, что имеет в виду Иконников. Иконников сам принадлежит к поколению, выросшему при Сталине, он не может не знать - "не знающий сомнений оптимизм массовой культуры" был не просто "побужден сталинистской пропагандой", он был ею выдуман.

В разделе, где говорится о нацистском неоклассицизме, Иконников пользуется традиционно резкими и справедливыми выражениями: "Жесткий контроль со стороны некомпетентного руководства и всесторонняя регламентация деятельности вели к глубокой деквалификации германских архитекторов. Антигуманизм и безнравственность, встроенные в образ жизни рейха, вызывали внутреннюю эрозию личности". В главе о сталинской архитектуре (полностью подпадающей под эти определения), лексика и - что важнее - способ исторического анализа резко меняются.

Концепция Иконникова - что-то вроде официального постсоветского взгляда на историю советской архитектуры. Она спасает репутацию Союза архитекторов СССР, возникшего на руинах уничтоженной художественной культуры двадцатых годов и пережившего, в отличие от прочих советских творческих Союзов, развал СССР. Она представляет сталинскую художественную культуру здоровой и достойнойуважения частью отечественного художественного наследия. Она в принципе исключает взгляд на сталинскую архитектуру как на явление тоталитарной, и следовательно, патологической культуры. На реальном историческом материале такой миф не построить - приходится фальсифицировать историю.

* * *

В 1996 году в Москве вышел первый том двухтомника С.О.Хан-Магомедова "Архитектура советского авангарда". Это исследование совершенно другого научного и этического уровня, нежели книга Иконникова.

Хан-Магомедов - крупнейший в мире специалист по искусству советского авангарда. Одна эта тема - для советского ученого - показатель научной честности. С тех пор, как в конце пятидесятых - начале шестидесятых годов советский авангард, как художественное явление, был в СССР реабилитирован, занятия им не запрещались, но и не поощрялись. Не следовало только касаться больных мест. Архитектура двадцатых годов и сталинская архитектура описывались в учебниках как два периода, сменивших друг друга по непонятной причине. Произошла "стилевая переориентация" - и все. Почему - неизвестно. Знаменитая книга Хан-Магомедова "Пионеры советской архитектуры" была роскошно издана в 1985 году... на немецком языке и продавалась в СССР. Русского издания не было, так что говорить о ее популярности в СССР можно только условно. Популярностью пользовался изобразительный материал, впервые поданный в таком количестве и полноте. Книга заканчивалась тридцать вторым годом.

Том, изданный в 1996 году, - совершенно замечательное, самое полное и самое глубокое на сегодняшний день изложение истории советской архитектуры двадцатых годов. Вопросы вызывает только последняя, девятая глава книги, которая называется "От авангарда к постконструктивизму и далее". Она

посвящена процессу превращения государственной советской левой архитектуры в государственный советский неоклассицизм. Хан-Магомедов, конечно же, не позволяет себе никаких псевдосоциологических эскапад аля Иконников. Его текст - подробнейшее скрупулезное изложение событий профессиональной архитектурной жизни СССР между 1929 и 1935 годами. Но, странным образом, детали не складываются в убедительную картину исторического процесса. Многие объяснения выглядят неубедительно. Многие затронутые вопросы так и остаются вопросами. Притом остается главный вопрос - почему все происходило так, а не иначе?

В самом начале Хан-Магомедов пишет: "Сыграв решающую роль в борьбе с эклектикой и стилизацией, в формировании архитектурного авангарда, творческие группировки к концу 20-х годов стали утрачивать свою роль как центры консолидации творческих единомышленников. А между тем... в советской архитектуре сложились объективные условия для творческой консолидации сторонников нового направления. Однако именно в это время теоретическая и творческая полемика отдельных течений авангарда стала перерастать в групповую борьбу, а сам теоретический уровень снизился. Это объясняется и тем, что основные идеологии рационализма и конструктивизма все больше отходили от теоретической борьбы и отдавали свои силы решению... практических задач".

Далее рассказывается о предложении лидеров конструктивистов в 1929 году создать Федерацию революционных архитекторов. "Однако в 1929 году не только не удалось объединить новаторские архитектурные организации... но групповая борьба еще более обострилась, что было связано с деятельностью созданного в том же году Всероссийского объединения пролетарских архитекторов (ВОПРА)".

Здесь возникает множество вопросов. Что значит "сложились условия для консолидации"? Раньше были технические причины, мешавшие конструктивистам объединиться с конкурентами? Вроде бы нет. НЭП - время максимальной творческой и организационной свободы за всю советскую историю. Может быть, исчезли принципиальные творческие разногласия, все авангардисты пришли к одному стилю? Тоже нет.

Почему снизился теоретический уровень полемики? Объяснение автора - вожди перестали размышлять над теорией - выглядит малоубедительно. С какой это стати? Хан-Магомедов дает понять, что могут быть и другие причины, но сам их не называет.

"...Возникновение ВОПРА связано, с одной стороны, с усилением роли идеально-художественных проблем архитектуры и, с другой, - с нарастанием вульгарно-социологических тенденций в теории и критике искусства".

"Вульгарно-социологические тенденции в критике" - это советский (увы!) синоним идеологического террора. Хорошо известно (сам автор это дальше подробно описывает), что ВОПРА (как и РАПП, АХРР, ВАПМ) занималась не художественными спорами, а терроризировала так называемые "попутнические", то есть действительно творческие организации, уличая их во всевозможных идеологических грехах и отступлении от диалектического метода. Именно в 1929 году партия спустила с цепи все эти "пролетарские организации" и они в короткое время превратили советскую художественную среду, и до того сильно ограниченную в возможностях, в форменный хаос. Может, от этого снизился уровень полемики, а не по причине сильной занятости теоретиков практической работой? Целью "пролетарских деятелей культуры" во всех областях было - разрушить "попутнические" организации и объединить их членов снова уже под своим командованием. Можно допустить, что стремление к консолидации у конструктивистов было своевременным проявлением инстинкта самосохранения - плюнув на разногласия и объединившись, легче было бы бороться с новой угрозой. Текст Хан-Магомедова не опровергает, но и не подтверждает такую возможность.

Что такое "усиление роли идеально-художественных проблем архитектуры"? Может быть, до 1929 года советские архитекторы не занимались разработкой профессиональных художественных и теоретических вопросов? Нет, занимались, и даже гораздо более интенсивно. Ничем другим не занимались. Сам же автор и подтверждает, что уровень полемики был выше. Может быть, автор полагает, что середина двадцатых годов - период художественного упадка и безыдейности и к концу десятилетия архитекторы стали это понимать? Наверняка нет.

Его книга как раз и посвящена невероятному художественному взлету советского авангарда.

"Усиление роли идеально-художественных проблем архитектуры" - это термин партийной художественной критики начала тридцатых годов. Он означал, что новый сталинский классический стиль идеологически правильнее и красивее, чем отвергнутый конструктивизм. Получается, что автор тоже так думает. Не стоило пользоваться этим выражением в собственном тексте и без кавычек.

Автору явно мешает отсутствие исторического фона и инстинктивный страх затронуть "политику". Если бы книга была издана в середине восьмидесятых, придиরки были бы бессмысленны - и так ясно, что можно, а что нельзя писать. Но тогда Хан-Магомедов криминальную тему и не трогал. Сейчас же ситуация создалась двусмысленная - наступила демократия, цензуры нет, тема актуальная и абсолютно необходимая в общем контексте книги, а рефлексы, терминология и страх наступить на неизвестно чью больную мозоль еще не прошли. При этом научные достоинства текста вне всяких сомнений. Процесс уничтожения теми же вопровцами к 1931 году всякой нормальной художественной критики в СССР описан Хан-Магомедовым блестяще и во всех подробностях. Он только не объяснен.

Иногда автор сам ставит знак вопроса: "...Самое парадоксальное во всей этой ситуации состояло в том, что наиболее влиятельные и продуктивные в творческом отношении течения архитектурного авангарда подвергались наиболее яростным атакам не со стороны бывших неоклассиков старшего поколения, а со стороны молодежи, среди которой было много учеников лидеров рационализма и конструктивизма... Ввязавшись в борьбу за "пролетарскую архитектуру, они не заметили, как в полемических спорах произошла подмена профессионально-творческих проблем идеологическими и политическими оценками и ярлыками, которые именно в те годы стали приобретать зловещий характер".

Только ли в те годы? Политические оценки и ярлыки в советское время были зловещими всегда. К концу тридцатых они стали намного опаснее, чем раньше. Автор фиксирует ситуацию, но не пытается объяснить парадокс. А мог бы, будучи знатоком эпохи.

Лидеры авангардистов, как и неоклассики, были художниками дореволюционного воспитания, то есть просто интеллигентными людьми - к началу тридцатых вымирающая порода. При всей подчеркнутой лояльности к советской идеологии (иначе им бы в СССР не жить) они не путали ее с профессиональными проблемами. Друг к другу относились с уважением, к взаимному истреблению не призывали. К концу двадцатых выросло (с их же помощью) новое поколение полностью советских студентов, для которых верность актуальным марксистским доктринам и нацеленность на партийную карьеру преобладали над профессиональными ценностями. Тем более, что сделать профессиональную карьеру в отрыве от партийной в СССР было уже невозможно. Об этом еще в 1925 году Николай Эрдман написал свою знаменитую пьесу "Мандат".

Хан-Магомедов пишет: "Лозунги борьбы за "пролетарское искусство" в условиях "усиления классовой борьбы" быстро усваивались молодежью, увлеченной масштабами планов ускоренной индустриализации".

Почему быстро усваивались? Сталинский лозунг "усиления классовой борьбы" означал призыв к массовому террору, в том числе против "старых" технических специалистов. Лозунги "пролетарского искусства", обильно цитируемые в книге, были внепрофессиональным бредом, используемым исключительно с террористической целью. Хан-Магомедов сам пользуется применительно к вопросской критике термином "политический донос". Цель "ускоренной индустриализации" - построение военной промышленности, и сопровождалась она массовым террором, голодом и депортациями.

Мотором всех этих процессов рубежа тридцатых годов была советская партийная молодежь, в том числе и "пролетарские архитекторы" (с чем автор вроде бы согласен). Можно, конечно, эти события и эту терминологию расшифровать иначе, но совсем не расшифровывать нельзя. История архитектуры все-таки отчасти и просто история.

Популярность ВОПРА среди советских студентов автор объясняет так: "...значительная часть архитектурной молодежи... увлеченная лозунгами о "пролетарской архитектуре", пошла за лидерами ВОПРА, не разглядев за внешне революционными декларациями отсутствие профессиональной творческой концепции". Итак, студенты приняли вопросскую ри-

торику за творческую концепцию, а в деятельности ОСА, АСНОВА, АРУ творческих концепций не разглядели. Такое масштабное профессиональное помешательство. Проще предположить, что большинству советских студентов в то время было в высшей степени плевать на любые творческие концепции, если они не соответствовали партийным инструкциям. Они не концепции разглядывали, а следовали политической линии.

Много вопросов к автору возникает каждый раз, когда речь доходит до изменения стиля в 1932 году. Неожиданное объяснениедается художественным достижениям авангардистов - отказ от синтеза с изобразительным искусством. "Лишенные возможности переложить часть задач по созданию художественного образа на элементы изобразительного искусства, архитекторы вынуждены были более интенсивновести формально-эстетические поиски в области разработки новой архитектурной формы". Получается, что отказ от использования скульптуры вынуждал авангардистов вести более интенсивно поиски формы. А то бы не вели... Следовательно, после 1932 года, когда изобразительное искусство само вернулось в архитектуру, задачи архитекторов облегчились и отпала необходимость в поисках формы.

Автор неожиданно соглашается с тем, что установка ВОПРА "главное внимание - идеино-художественным проблемам архитектуры ...вроде бы отвечала конкретным историческим условиям".

Получается, что проворцы правы - назрела потребность в более красивой архитектуре. То, что это было мнение Сталина со товарищи, а не стихийный культурный феномен, автор не уточняет.

Автор фиксирует - "...после конкурса на проект Дворца Советов начался процесс изменения эстетических взглядов...", но не называет причину. Он отмечает, что к началу тридцатых хороших классических построек (кроме дома на Моховой Жолтовского) практически не было, в то время как авангардистских - множество, включая блестящее произведение Корбюзье - здание Центросоюза на Мясницкой. "Но появление этих сооружений почти никак не влияло на творческие поиски. Изменение эстетических идеалов привело к тому, что их художественные достоинства уже практически не воспринимались большинством архитекторов. Больше того, по отношению

к ним стал действовать "эффект отталкивания"... художественные достоинства Центросоюза уже не воспринимались... дом же на Моховой был высоко оценен архитектурной печатью". Неподготовленный читатель может подумать, что опять имеет дело со случаем коллективного помешательства - конструктивисты внезапно разочаровались в конструктивизме, разлюбили собственные постройки и, вместе с rationalistами, стали неоклассиками. Подготовленный читатель, может быть, и догадается, что причина чуда - не массовое безумие, а страх. Сталин приказал изменить эстетические идеалы, они и изменились. Неподготовленный читатель может и не догадаться. Автор ему тут не помощник - он нейтрален.

Невозможно представить себе русское историческое исследование, вышедшее в девяностые годы, в котором коллективизация и террор тридцатых годов подавались бы как явления стихийной эволюции общества. В истории архитектуры такое возможно. Хан-Магомедов Сталина не упоминает практически ни разу. Ссылки на туманную "командно-административную систему" и "вульгарно-социологическую критику" не спасают положения.

Неожиданным образом объясняет автор причину тотального увлечения неоклассикой после 1932 года. "Молодые архитекторы, искренне увлеченные новой архитектурой, но лишенные глубоких знаний в области творческих принципов архитектуры прошлого, оказались более восприимчивыми к влиянию неоклассиков, чем те архитекторы, которые пришли к новой архитектуре, сознательно отказавшись от стилизации, зная архитектуру прошлого и хорошо сознавая, от чего они отказываются". Получается, что если бы молодежь лучше учили неоклассике, она бы не стала к ней такой восприимчивой. Похоже, причина в другом. Молодежи приказали изучать неоклассику - она и послушалась. Приказали бы изучать готику или архитектуру ацтеков - результат был бы тот же. Принципиальность в это время была искореняемым пороком. "Старикам" измена принципам давалась труднее. Сказывалось воспитание.

Говоря о популярности после 1932 года концепций неоклассики И.Фомина и И.Голосова, Хан-Магомедов пишет: "Особенно большое влияние оказывали подобного рода концепции формообразования на молодежь, которая чутко реаги-

ровала на все изменения творческой направленности и на какое-то время оказалась в сложном положении. Лидеры новаторских течений были как бы низвергнуты с пьедесталов. Молодые архитекторы уже не усматривали перспектив в развитии формообразующих принципов рационализма и конструктивизма... их не привлекали ни те лидеры, которые продолжали отстаивать позиции подвергавшихся все более острой критике новаторских течений, ни те, кто спешно перестраивался".

В этом отрывке противоречия и неточности до неузнаваемости искажают реальную картину. Лидеры авангардистов не подвергались критике, то, чему они подвергались, критикой не называется. Они подвергались запретам и травле. Советская молодежь, естественно, на запреты и травлю реагировала чутко и одобрительно. Поэтому больше не видела в конструктивизме и рационализме карьерных перспектив.

"Молодежь инстинктивно тянулась к тем архитекторам, которые сумели в этот сложный период четко и ясно определить свою творческую позицию..." На общем фоне разгрома, хаоса и неуверенности любая разрешенная и понятная концепция - привлекательна, даже если она вчера была чужой, если своего не осталось. С другой стороны, получается, будто Веснины, Гинзбург, Корбюзье, Ладовский не сумели свою позицию внятно сформулировать и поэтому потеряли популярность. О том, что им просто заткнули рот, автор не упоминает и, тем самым, невольно клевещет на архитекторов, которых любит и изучает.

Довольно спорно характеризует Хан-Магомедов короткий период после 1932 года, когда шла отработка официального стиля иrudименты конструктивизма еще проглядывали сквозь сталинский неоклассицизм - в деталях или композициях. Он называет этот период "постконструктивистским" и видит в нем сходство с европейским постмодерном 70-80-х годов.

"И все же, при всех художественных издержках, работа многих архитекторов (на этапе постконструктивизма) в области поиска новых форм и деталей вызывает интерес как опыт формально-эстетического взаимодействия концепций формообразования новой архитектуры и классики (или неоклассики)..." Следовало бы сказать - опыт принудительного взаимодействия.

"...Такие тенденции "врастания" новой архитектуры в классику были характерны в тридцатые годы и для ряда других европейских стран, затем они проявились в 50-е годы в США, а в 70-80-е годы во многих странах (постмодерн). Если в других странах "врастание" новой архитектуры в классику на какой-то стадии останавливалось и затем нарастили обратные тенденции, то в нашей стране в 30-е годы процесс перерастания творческих течений авангарда в новое издание неоклассики (или "сталинский ампир") был доведен до конца. Поэтому-то и представляют такой интерес уроки первого эксперимента, поставленного самой жизнью".

Последнее неверно. Эксперимент поставила не жизнь, а Сталин. Нет никаких оснований полагать, что при нормальных условиях жизнь привела бы Весниных в ближайшие двадцать лет к экспериментам с неоклассикой. Ни с Корбюзье, ни с другими их единомышленниками на свободе, такого не произошло.

Формальное сходство между "постмодерном" и "постконструктивизмом" действительно есть - как между улыбкой и гримасой ужаса. На фотографии можно и перепутать, и мышцы сокращаются почти те же. При этом рефлексы и мироощущения разные, что для анализа стилей очень важно. Европейский "постмодерн" возник от полноты чувств, от осознания исчерпанности модернистских средств, от желания нарушить установленный порядок, внести в него элементы игры, сделать суровый стиль человечней.

"Постконструктивизм" возник от ужаса, игрой тут и не пахло. Делать свое запретили, как надо - не очень объяснили. Ученик решает задачу и надеется, что угадав решение, не получит линейкой по пальцам. А не получив, начинает еще больше любить учителя. Эта архитектура действительно представляет интерес как результат патологического архитектурного мышления. Европейские аналогии тут бесполезны - их нет. Даже нацистская архитектура, наиболее близкая по природе к сталинской, как раз тут не аналог. Гитлер пошел другим путем. Он выбрал одно правящееся ему направление, выбрал подходящих архитекторов, только среди них распределял государственные заказы и государственные средства. Остальных оставил в покое. Ввел цензуру, которая распространялась на всю прессу и государственное строительство, но не на част-

ные заказы. Немецкие архитекторы не прошли такой жуткой психологической ломки, как советские. Поэтому после войны нормальная профессиональная и художественная жизнь в Западной Германии восстановилась практически сразу.

Главные недостатки книги Хан-Магомедова - чисто советские: страх перед комплексным, не узкоспециальным анализом эпохи и сдвинутые этические характеристики. В этом смысле характерен эпизод с А.Веснином.

В феврале 1936 года Александр Веснин, бывший вождь уже запрещенного конструктивизма, выступает на общемосковском совещании архитекторов, где обсуждаются недавние погромные статьи в центральных газетах. Идут последние акции по ликвидации художественного авангарда. Веснин, естественно, не возражает, но призывает не путать "понятную народу" простоту с упрощенчеством и в качестве примеров "мудрой простоты" называет Парфенон и капеллу Пацци Брунеллески. Более свежие примеры приводить опасно. Не выступать, видимо, тоже. Анатолий Мордвинов, один из самых злобных и циничных функционеров раньше ВОПРА, а теперь Союза Архитекторов СССР, задает ему провокационный вопрос: "И Корбюзье на Мясницкой?"

"...А.Веснин совершенно спокойно, так, как он сказал бы и десять лет назад, но как сейчас, в 1936 г., уже никто, кроме него сказать не решался, ответил: "И Корбюзье на Мясницкой. Я считаю, что ряд работ Корбюзье стоит на уровне работ Брунеллески". Такими бескомпромиссными, не меняющими своих творческих позиций и симпатий в угоду временной конъюнктуре, оставались и другие лидеры авангарда. Но не они определяли тогда творческую атмосферу в советской архитектуре..."

Слов нет, поступок Веснина - героический. На него мало бы кто тогда решился. Но к 1936 году от творческих позиций Веснина и его коллег по авангарду не осталось почти совсем ничего. Его собственные проекты того времени имеют к полноценному конструктивизму отношение более чем отдаленное. Свои прежние взгляды все они публично предали. Это не упрек в нечестности - сопротивление было физически невозможно. Хан-Магомедов имел в виду, что порядочный человек Александр Веснин - не чета циникам и погромщикам вроде Мордвинова и отступал только под давлением. Это правда. Но

вещи надо называть своими именами. Между вынужденным отказом от принципов и "бескомпромиссностью" существует огромная разница. В сталинской художественной элите (к верхушке которой А. Веснин, без сомнения, принадлежал) не было и не могло быть людей, "не менявших творческих позиций в угоду временной конъюнктуре".

Собственно говоря, Хан-Магомедов с этим согласен. Более того, он принимает на себя, на свое поколение часть вины и в "Заключении" пишет: "В 30-е годы были сломаны творческие судьбы многих из тех, кто определил формирование советского архитектурного авангарда и поднял планку новаторских поисков на уровень художественных открытий. Все это, конечно, не украшает историю нашего искусства, в котором на определенном этапе восторжествовала идея, согласно которой "незаменимых нет". Отодвинув в сторону лидеров архитектурного авангарда и не позволив им свободно реализовать свои творческие потенции, мы фактически сами добровольно разбазарили главное национальное достояние страны - ее уникальные, "незаменимые" таланты. В результате был упущен реальный исторический шанс превратить отечественную архитектуру в творческого лидера архитектуры XX века".

Увы, шанса не было. "Мы", по Хан-Магомедову, - это весь советский народ, или, как раньше выражались, "новая историческая общность". В такой декларации коллективной вины есть благородство, но одновременно двусмысленность и несправедливость. "Отодвигали в сторону лидеров" и "разбазаривали национальное достояние" не все "мы" и не по глупости, а совершенно конкретные люди по указанию других конкретных людей и с конкретной практической целью. Веснин, Мордвинов, Каганович и Сталин несут все-таки разную ответственность за утрату Россией "исторического шанса". В чем разную - ответом на этот вопрос должна заниматься история, в том числе и история архитектуры.

Не от "нас" зависело развитие событий. От кого - этого С.О. Хан-Магомедов решил не говорить. Почему - неизвестно.

* * *

Книги Голомштока, Хан-Магомедова и Иконникова - это не три разные научные концепции, а три разные науки. И три разных способа мышления. Первые два, в общем-то, допол-

няют друг друга. Голомшток пользуется материалом, которого Хан-Магомедов не решается коснуться и отвечает на вопросы, которые Хан-Магомедов только ставит. Нет сомнения, что он и сам мог бы на них ответить, если бы решился выйти за границы четко очерченных правил поведения в советской науке. Но - парадокс! Занимаясь всю жизнь едва ли не в одиночку темами, которых другие коллеги избегали по конъюнктурным соображениям, Хан-Магомедов уже после раз渲ала государственной цензуры выпускает книгу, в которой выступает как член группы, повязанной общими интересами, общей методикой и общими предрассудками. Отсюда - "мы", по-братьски охватывающее и вдохновителей террора, и исполнителей, и жертв. Отсюда "командно-административная система" вместо "режим Сталина", "вульгарно-социологические тенденции" вместо "марксистское начетничество", "усиление роли идеино-художественных проблем архитектуры" вместо "идеологический и художественный террор". Отсюда полная изоляция советской архитектурной истории в пространстве - как будто не существовало совсем рядом западных конструктивистов, так и не ставших почему-то неоклассиками. Отсюда параллель между "постконструктивизмом" начала тридцатых и западным "постмодернизмом" семидесятых, уравнивающая нормальную эволюцию стиля с насильтвенной, под угрозой смерти, ломкой психики. Отсюда растерянность - никак не подтверждается идея чисто художественного процесса смены советского стиля очевидными историческими фактами.

Сочинение Иконникова свободно от растерянности и безответных вопросов. В нем все логично и последовательно. Все выводы подтверждены фактами, а факты со знанием дела фальсифицированы. Его концепция советской архитектурной истории - прямой ответ на социальный заказ профессионального истеблишмента. Неправильный диагноз, поставленный опытным врачом с корыстной целью.

Ситуация острая. В российском архитектуроведении сосуществуют - спасибо свободе печати - три разные научные культуры - нормальная внесоветская, советско-либеральная и обычнаа советская казенная липа, наследница традиций лысенковской генетики. Пока сосуществование мирное, что вовсе не такой уж хороший признак. Посмотрим, долго ли оно продолжится.

ВОКРУГ ИМЕНИ ВЕЛИКОГО МАСТЕРА

"Шостакович и евреи?" - именно так, с вопросительным знаком, озаглавил свою книгу Владимир Зак (издательство "Киев", Нью-Йорк, 1997). Тут же, как бы желая оправдать столь многообещающее название, в дискуссии с самим собой, автор решительно заявляет: "Вопросительный знак не снимается!" Дело тут не столько в самой постановке проблемы - Шостакович и евреи, - сколько в реальной сегодняшней ситуации, которая сложилась вокруг имени одного из величайших композиторов нашего столетия.

Уйдя из жизни уже почти четверть века тому назад, Шостакович оставил миру гениальную музыку. Его оперы, симфонии, квартеты, вокальные циклы неизменно звучат во всем мире, обретая все новые исполнительские интерпретации. Как объект научного изучения творчество Шостаковича постоянно привлекает внимание исследователей в разных странах. А тем временем в среде профессионалов-музыковедов, музыкантов уже много лет идут дискуссии, яростные словесные баталии между "разномыслящими" сторонами. Они не подвергают сомнению ценность творческого наследия композитора. В этом все едины. Их разделяет другое: как объяснить феномен Шостаковича в условиях тоталитарного режима; каким образом художник выстоял, не сломался под жестким давлением со стороны "руководящих органов"; какое отражение в музыке получила его личная человеческая судьба, исполненная трагических перипетий. Для того, кто знаком с творчеством и жизненной историей композитора, очевидно, что однозначных ответов на поставленные вопросы не следует ожидать. Речь может идти о большем или меньшем приближении к истине, поэтому ответы, которые несет обширнейшая мировая литература о Шостаковиче, можно представить себе лишь как верхнюю часть айсберга. В скрытой же его части содержится сонм вопросов, остающихся без ответов, и, быть может, навсегда останется то, что можно назвать загадкой

Шостаковича. Понятно, сколь заманчива цель проникнуть в эту святую святых внутреннего мира композитора, глубже понять те стимулы, которыми питалось его могучее творчество вопреки трагическим обстоятельствам его личной истории в условиях советского режима.

Началось все с сенсации - опубликования в Америке в конце 70-х годов теперь уже знаменитой (если не сказать - скандально знаменитой) книги Соломона Волкова "Testimony" ("Свидетельство"), которая, по утверждению автора, есть не что иное, как записанные им в ходе многократных встреч с Д.Д. мемуары самого Шостаковича. Всколыхнувшаяся буря негодования ("фальшивка!") со стороны тех, кто близко знал Дмитрия Дмитриевича, - его жены, друзей, учеников, - немедленно вызвала противодействие со стороны не менее многочисленных защитников С.Волкова. В течение двадцати лет не утихают дискуссии, происходящие на самых различных уровнях, от международного - в комитетных университетских кругах - вплоть до местной общей прессы, которая никогда не упустит случая поживиться "жареным".

Суть спора сводится к главному вопросу - о подлинности мемуаров, опубликованных С.Волковым, а значит - существуют ли документально подтвержденные высказывания Дмитрия Дмитриевича, свидетельствующие о том, что он не был тем законопослушным, верноподданным "совком", каким его пытались изобразить официоз, а был в действительности самым настоящим (хотя и скрытым для непосвященных) диссидентом. Словесные баталии продолжаются, и точка в этой ожесточенной дискуссии вряд ли будет когда-нибудь поставлена.

Зато подлинность "Писем к другу", опубликованных в 1993 году петербургским профессором Исааком Давыдовичем Гликманом, сомнению не подлежит. На протяжении более сорока лет Гликмана с Шостаковичем связывали теплые дружеские отношения, а в тридцатые годы он был личным секретарем композитора. Начиная с 1941 года, то есть с момента эвакуации, когда Шостакович покинул Ленинград, между ними началась систематическая переписка, которая прервалась лишь со смертью композитора. Письма Шостаковича - интереснейший документ эпохи, дающий массу пищи для размышлений. Для посвященного читателя текст этих писем - лишь часть того бесконечно емкого содержания, которое мо-

ожет быть раскрыто в связи с подтекстом. Надо отдать должное И. Д. Гликману, чьи достаточно подробные комментарии оказывают в этом существенную помощь. И все же многое вызывает вопросы, на которые нет, да и не может быть однозначного ответа. Более того, может сложиться впечатление, что Шостакович, каким он предстает в своей музыке - сильный, бесстрашный борец со злом, насилием, человеческой подлостью в любых ее проявлениях, и тот Шостакович, что открылся нам в письмах к другу - сдержанный, осторожный, вполне лояльный к советской системе, - это как бы не одно и то же лицо. На самом деле, конечно же, это совсем не так.

Прежде всего приходит на ум самое естественное объяснение. Все мы, члены Союза композиторов СССР, как, впрочем, и члены других творческих союзов, знали, что наши телефоны постоянно прослушиваются, а почта, если не вся, то хотя бы выборочно перлюстрируется. Что уж тут говорить о такой фигуре, как Шостакович, который всегда был "окружен вниманием" властей с избытком. Итак - "внутренняя цензура"? Быть может, и так, но не только это. Саркастическая интонация, всевозможные скрытые знаки, рассчитанные на то, что "понимающий поймет", - все это также было присуще публичным выступлениям Шостаковича. К примеру, в одном из выступлений Дмитрия Дмитриевича в 1940 году можно прочитать следующее: "Наша партия с таким вниманием следит за ростом всей музыкальной жизни нашей страны. Это внимание я ощущаю на себе в течение всей моей творческой жизни" ("Шостакович о времени и о себе", М., 1980, с. 80-81.) Это высказывание цитирует в своей автобиографической книге Галина Вишневская с единственной целью - дать комментарий, раскрыть его истинный смысл. "Я буквально слышу интонацию его голоса, - пишет она. - Сколько ненависти, издевки в музыке этих слов!"

Может возникнуть, однако, и другое соображение: ведь давно известно, что словесные высказывания художника, даже если они документально подтверждены, далеко не всегда соответствуют истинному характеру его личности. Не следует упускать из виду и то немаловажное обстоятельство, что любое документальное свидетельство, имеющее историческую ценность, нередко получает самые различные интерпретации. Одним словом, предположений, толкований может быть бес-

численное множество. Вокруг имени Шостаковича рождается новая мифология, загадка же остается.

Книга Владимира Зака "Шостакович и евреи?" на документальность отнюдь не претендует. Владимир Зак, музыковед, доктор искусствоведения, около тридцати лет проработал в Союзе композиторов СССР, где с 1986 года возглавлял комиссию музыкальной науки и критики. Им опубликовано несколько серьезнейших монографий и более двухсот статей, как в России, так и в зарубежных странах (кстати, и в Израиле). С 1991 года он живет в Нью-Йорке, где и была написана книга о Шостаковиче. Сам талантливый музыкант-исследователь, разносторонне одаренная, артистичная натура, блестательный рассказчик, Зак наделен также бесценным даром человеческого общения. Если к этому добавить еще и феноменальную память, позволяющую воспроизводить прошедшее в живых картинах и текстах (порой тонко подмеченные и сохраняемые его памятью детали буквально поражают), станет понятно, почему именно такая книга о Шостаковиче вышла из-под его пера.

"Скромные эссе в смешанном стиле" - так обозначил В.Зак жанр этой своей работы. По его словам, "эссе скомпонованы в виде популярных музыковедческих суждений или в форме по-любелетристических рассказов", на самом же деле за "популярными музыковедческими суждениями" скрыт подлинно научный анализм, а книга в целом читается как увлекательная беллетристика. С ее страниц звучит голос нашего современника (а ведь все мы, люди старшего поколения, можем сказать о себе, что жили в эпоху Шостаковича), которому довелось долгие годы находиться в самом сердце музыкального процесса в стране, знать обо всем происходящем из первых уст и посчастливилось не только часто видеть и слышать Шостаковича, но также общаться с ним.

О чем эта книга? "Конечно же, "Шостакович и евреи?" подразумевает... "не только евреи", - с первых страниц предупреждает автор. И поясняет, что одну из важнейших своих задач он видит в освещении той социальной атмосферы, в которой творил свои шедевры Шостакович. Так, включены в книжку материалы, "как бы дорисовывающие "портрет" эпохи", ибо все это чрезвычайно важно для понимания творчества и личности Шостаковича. Вот, скажем, небольшой

рассказ о встрече с В.М.Молотовым, в ту пору, в 1966 году, уже "бывшим". Дело происходило на поминках его родного брата, композитора Нолинского (псевдоним Николая Михайловича Скрябина). Буквально несколькими штрихами ярко обрисован образ этого "интеллектуала советского правительства", для которого время как бы остановилось. "...Никто и ничто не могло противостоять закваске сталинского соратника... Необратимость психологии, воспитанной тоталитаризмом", - пишет В.Зак и при этом восклицает: "Но ведь с этими людьми продолжалась жизнь Шостаковича!"

А вот еще один жизненный эпизод. "Тема нашествия" на Валаам" - так озаглавлен этот очерк-новелла. "Визитная карточка" Шостаковича (именно так в предыдущем разделе книги определяет В. Зак значение знаменитой "темы нашествия" из Седьмой, "Ленинградской" симфонии) фигурирует здесь не случайно. И не только потому, что в переплетении судеб главных персонажей этой невыдуманной истории имя Шостаковича и его Седьмая симфония занимают особое место, но еще и в связи с тем, что автор трактует "тему нашествия" необычайно широко - как обобщенный символ зла, насилия, страшной опасности и угрозы самой человеческой жизни на земле. В живой, непринужденной форме ведется рассказ о совместной поездке автора с супругами Элиасберг на остров Валаам, который постоянно притягивал к себе обитателей Дома творчества советских композиторов "Сортавала", расположенного в живописном уголке на берегу Ладожского озера, на территории, до 1940 года принадлежавшей Финляндии. Мне, проводившей в этом Доме почти ежегодно один из летних месяцев и, естественно, не раз посещавшей Валаам, этот рассказ показался очень волнующим. Бегло, скучными средствами обрисован образ этого прежде цветущего острова, с которым были связаны имена выдающихся деятелей русской культуры, в советское время превратившегося в символ разрушения, насилия, одним словом - "нашествия". Действительно, взору туристов, едва сошедших с трапа парохода, сразу же открывалась унылая картина заброшенности, запустения. По мере продвижения в глубь острова путников ожидали впечатления куда более тяжелые, гнетущие, нежели зрелище разрушенных и покрытых нечистотами знаменитых памятников архитектуры - Белого и Красного скитов. В центре повествования

ния В. Зака - случайная встреча с обитателем одного из самых страшных мест на Валааме - дома инвалидов, где доживают свой век в ужасных условиях и в полной изоляции от внешнего мира ("чтобы не смущали, не озадачивали, не будоражили советских людей своим уродством") бывшие фронтовики, вернувшиеся с войны с самыми тяжкимиувечьями. Бывший музыкант, потерявший на войне обе руки ("я скрипач без рук и еврей без паспорта", - говорит он о себе), узнает в Карле Ильиче Элиасберге того самого, известного дирижера, под чьим управлением он слушал Седьмую симфонию Шостаковича в осажденном Ленинграде. И, конечно, в его горький рассказ о своей трагической жизни, естественно входит музыка. Он с восторгом говорит о лирике Шостаковича. И это значит, что душа его, невзирая ни на что, не зачерствела, не ожесточилась. Он мечтает вырваться из этого кошмара, добраться до Ленинграда, где живет его товарищ и где, быть может, он сумеет начать жизнь сначала. Но государство, за которое он воевал на фронте, лишило его элементарных человеческих прав, в том числе права иметь документы, удостоверяющие личность. Супруги Элиасберг без раздумий решают помочь этому несчастному человеку попасть без документов на пароход, которым они возвращаются в Сортавалу. Попытка заканчивается печально. "Нарушителя порядка" снимают с борта отплывающего парохода и под конвоем уводят. Под впечатлением прошедшего и развивая тему, затронутую в беседе с инвалидом-музыкантом, Карл Ильич Элиасберг говорит о своем понимании "темы нашествия": это не только "универсальный в мировой музыкальной литературе "марш жестокости", но в то же время и "самое убедительное доказательство от противного" - еще одно напоминание о подлинной цене человеческой жизни. Кстати, и в этом высказывании Карла Ильича и в его немедленной готовности помочь случайному встреченному человеку, очень точно отражен его благородный характер. Эта небольшая новелла (скорее всего так можно определить жанр этого раздела книги) - дань памяти человеку, дирижеру, чье имя сама история неразрывно связала с именем Шостаковича.

И все же, наверное, самое интересное, самое ценное в этой книге составляют те ее разделы и страницы, в которых представлены собственно музико-исследовательские на-

блюдения автора. Его тонкий аналитический слух, позволивший уловить в музыке Шостаковича то, что порой оставалось незамеченным многочисленными исследователями, его обширная эрудиция, создавшая предпосылки для широких обобщений, и, наконец, его эмоциональный тонус, который ощущим как в самом движении его мысли, так и в способе изложения, - все это придает исследовательскому в своей первооснове труду черты увлекательного повествования с множеством неожиданных "поворотов" и очень личной, проникновенной интонацией.

Разумеется, специальное внимание уделено сочинениям, непосредственно связанным с еврейской темой, - Тринадцатой симфонии на стихи Евгения Евтушенко, нередко именуемой "Бабий яр" (таково название первой части, несущей основную смысловую нагрузку в этом пятничастном произведении) и вокальному циклу "Из еврейской народной поэзии". Из наблюдений над интонационной сопряженностью выразительных лейтмотивов, постоянно возвращающих нас к "Бабьему яру", рождается вывод о философском фундаменте музыкально-поэтического построения симфонии. "Зло по природе своей едино, - пишет В. Зак. - "Незримое" присутствие "Бабьего яра" в составляющих симфонию частях - ясный показатель важнейшей идеи произведения: антисемитизм ведет не только к бедствиям евреев, но к обнищанию духа всего общества".

Чуткое ухо музыканта улавливает многие интереснейшие детали, но автор отнюдь не стремится к конкретизации смысла музыки, ибо это противоречило бы самой ее природе. Он также не предлагает читателю готовых истин. Это лишь его размышления, включающие попутно множество ассоциаций - художественных, житейских, личные воспоминания о том или ином событии, встрече, беседе и лишь затем - обобщения, в которых раскрывается его понимание глубинного смысла музыки. Точнее даже - глубинных культурных смыслов того или иного конкретного музыкального явления, того, что постигается, скорее всего, интуитивно и лишь постепенно обретает выражение оформленной мысли.

Таково развитие одной из сквозных тем книги - музыка Шостаковича как мощнейшее выражение трагического в искусстве XX века. Ставится вопрос, почему и какими путями еврейское (имеется в виду не только тематика, вербальные

тексты, но и сам характер, интонационные истоки музыкального языка) проникает в его музыку, становится ее неотъемлемым свойством. И вот один из ярких примеров - появление еврейской темы в финале фортепианного Трио, посвященного памяти талантливого музыкального критика Ивана Ивановича Соллертинского. "Смерть любимого русского друга и еврейская тема..." - как бы про себя вопрошают, размышляет Зак. И ответ: "Еврейская тема в кульминации как максимум откровения, как апогей трагического". Это был год 1944. Характерные еврейские интонации можно услышать во многих произведениях Шостаковича, написанных в разное время, но Зак обращает внимание на то, что именно в послевоенную пору композитора неодолимо влекло к еврейской интонационности и, более того, непосредственно к еврейской теме.

Не случайно вокальный цикл "Из еврейской народной поэзии" был сочинен Шостаковичем в том самом, трагическом для евреев Советского Союза 1948 году (первое публичное исполнение состоялось лишь через семь лет!). Осмысливая характер воплощения еврейской темы в музыке Шостаковича, Зак слышит в ней не только интонационные связи, но и такое глубинное, не лежащее на поверхности явление, как отражение еврейского менталитета. Он обращает внимание на то, что многие "еврейские" музыкальные темы Шостаковича имеют изначально танцевальную основу, что не мешает им в процессе развития, в общем контексте обретать новый смысл, вплоть до высот трагедийности. Ключ к объяснению этого драматургического приема - в его (Шостаковича) собственном высказывании: "Евреям причиняли боль так долго, что они научились прятать свое отчаяние. Они выражали свое отчаяние... в танце". Но танец - это не единственный источник. Танцевальность у Шостаковича, считает Зак, органично сплавлена зачастую с национально-характерным еврейским говором (например, в вокальном цикле), а еще - с жестом. При этом он ссылается на очень любопытное высказывание Соломона Михайловича Михоэлса, поведанное ему одним из близких друзей великого артиста - Львом Михайловичем Пульвером, бывшим главным дирижером ГОСЕТА (тоже - увы! - бывшего Еврейского театра в Москве). Соломон Михайлович усматривал в музыке Шостаковича в целом, безотносительно к использованию каких-либо характерных еврейских интонаций,

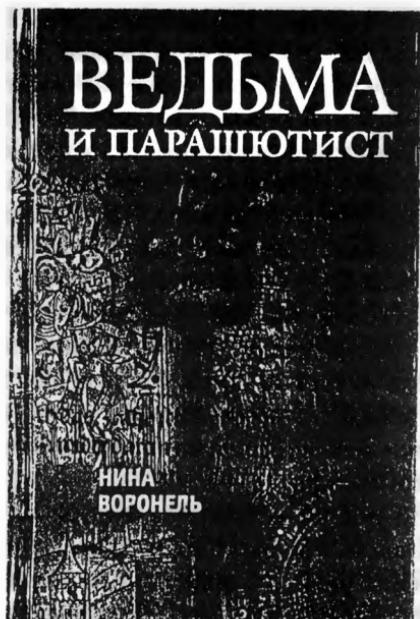
связь с еврейской экспансивностью, выражаемой именно жестикуляцией. Продолжая и развивая эту мысль, Зак пишет: "Не сама ли история евреев заставляла их точно и ясно понимать обобщённый язык жестов? Ведь таковой заменил конкретику слова, постоянно таившего в себе опасность "разоблачения". И далее: "В "говорящей мелодике" Шостаковича язык жестов обретает значение лейт-интонаций, передающих важнейшие смыслы".

Тут я позволю себе небольшое отступление от темы Шостаковича и поделюсь теми мыслями, к которым привела меня странная, на первый взгляд, цепочка ассоциаций и размышлений. Началом послужила затронутая выше тема жеста в музыке. Тут же я сопоставила это с тем, что давно заметила, какое значительное внимание уделяется этой теме в работах американских музыковедов. Понятие жеста в них рассматривается как ключ к объяснению выразительной стороны музыки и трактуется достаточно широко, не только как пластика физического движения, но и как движение души, как усилие воли, устремленность к какой-либо цели и т.д.. Для нашего же, "русского" уха в данном случае было бы приличнее говорить о "музыкальном образе". И эта, казалось бы, незначительная деталь, и те суждения американцев о музыке Шостаковича, с которыми знакомит нас Зак, - еще раз говорит о том, какие мы - разные. Разные, прежде всего, потому, что воспитаны на разных традициях. Тем более ценно, если мы, не только пользуясь разной терминологией, но - главное - имея за плечами каждый свою историю, можем, тем не менее, найти общий язык и понять друг друга. Тема диалога культур, поисков путей взаимопонимания, столь актуальная сегодня для всех нас, получила в книге Зака вполне локальное, конкретное отражение и даже стала в некотором роде сквозной. Кстати, здесь попутно обнаруживается еще один, для нас не менее актуальный, аспект - интеграция в условиях эмиграции. Дело в том, что переехав на "постоянное место жительства" из Москвы в Нью-Йорк, Владимир Зак, будучи человеком чрезвычайно деятельным, сумел найти "свою нишу" в этом новом для себя мире (и тем более в достаточно немолодом возрасте - нынче он на подходе к своему семидесятилетию). Он сразу же стал регулярно публиковаться - преимущественно в русскоязычных изданиях, выступать с публичными лекциями о му-

зыке в самых разных аудиториях. Постепенно завязались множественные человеческие контакты - сказалась его общительная натура, - и на каком-то этапе родилась идея семинара (ее подсказали сами слушатели-амericанцы) на уже открытии ставшую к тому времени тему - о еврейском у Шостаковича. Материалы этого семинара широко использованы в книжке, что тоже весьма любопытно, поскольку дает представление, как пишет автор, о "своебразии понимания некоторых сочинений Шостаковича, трактовавшихся семинаристами с неожиданных позиций". Это они, "семинаристы", впервые заговорили о "бблейском" в творчестве Шостаковича, о том, что пафос его музыки - преодоление зла - взращен на этическом фундаменте иудаизма (позднее ставшем этическим фундаментом христианства), и о многом другом, что получило дальнейшее развитие в их беседах и попало на страницы книги. Автор с очевидной заинтересованностью обсуждает предлагаемые "семинаристами", порой неожиданные суждения о музыке Шостаковича, хотя и усматривает в них свойственную американской ментальности "неискоренимую наивность Нового Света". И тут же он объясняет, что его решение обнародовать беседы с американцами о Шостаковиче - "результат... убежденности в том, что подлинная наивность скрывает в себе и прелесть нравственного целомудрия, от которого мы, бывшие советские, к великому сожалению, отошли слишком далеко. Быть может потому, что оказались отлученными от старых, вечных истин?"

Книга Зака изобилует интереснейшими фактами, порой неожиданными сопоставлениями и связями. Она густо населена именами - известными и не очень, она полна свидетельств очевидцев. Немаловажное достоинство книги в том, что автор не навязывает читателю свои суждения в виде готовых истин, а напротив - зовет к размышлению. "Только терпеливо распутывая сложнейший клубок реальных обстоятельств, в которых трудился Великий Мастер, - пишет он, - можно оценить его жизненный и творческий подвиг". Это означает, что "вопросительный знак не снимается", загадка Шостаковича все еще существует.

ЗАМЕТКИ КНИГОЧЕЯ

Михаил Юдсон

Москва

2000

УДАЧА, ИЛИ ДНЕВНИК ЧИТАТЕЛЯ

(О романах Нины Воронель "Ведьма и парашютист", "Полет бабочки")

- "- Где ты была, сегодня, киска?
- У королевы у английской.
- Что ты видала при дворе?
- Видала мышку на ковре".

(Самуил Маршак)

Нина Воронель написала нечто необычное. Это история об удивительной любви и необыкновенных приключениях Ури Райха, десантника из Тель-Авива, о путешествии его в заклятые земли и о его злоключениях в Замке, куда он был выброшен в одиночестве, и как попал он на Остров (в Библиотеку), и как всех почти победил (окончание - на сладкое -

еще только следует). Этакая увлекательнейшая читательная смесь из глав "лав стори", детективной кашви и дневниково-исторической прозы. И, наконец, конечно же - перед нами взрослая сказка (ибо что есть сказка, как не детектив для детей!), где шестью восемь вовсе не обязательно сорок восемь, а, например, "семь сорок" супротив "восьмидесяти восьми"...

Пересказывать содержание запрещал еще Заратустра, да и действительно - это всегда достойно жалости, что-то тут от Башмачкина, от его радости творчества - переписки бумаг своими словами. Поэтому, ребята, просто кусочки впечатлений, так сказать - что я видел. Смотри, читал я на ходу, повсюду - у себя в жалкой съемной норе, лежа на чем-то старапеньком, продавленном; сидя и подпрыгивая в ползущем, как тромб, тель-авивском автобусе; украдкой на рабочем месте, отложив ненадолго дружелюбную швабру, - и осколки прочитанного впились мне в очки и желудочки... Ну-с, как говорил Анаксагор, приступим.

Странствующий израильский рыцарь Ури попадает в тевтонский Замок, где принцесса Инге немножко ведьма и держит свиней. Сразу вспоминается из детства - как землемер К. очень хотел попасть в Замок, да никак не мог, а вот небожитель (парашютист!) У., наоборот, сначала рвется наружу, но, поцеловав и разбудив, и возбудив ("В этот день они больше не читали"), прилипает к Замку, как братско-гrimмский гусь. (на шуке)

Роман на четыре голоса без оркестра - тут одни и те же события озвучивают разные персонажи - любовники УрИнге, парализованный старик Отто (отец панночки - барон и ветеран) плюс деревенский дурачок Клаус. Каждый видит свое, кому чего отпущено, - и получается такой немецко-еврейский расемон. Особенно странен и трогателен рассказ слабоумного мальчишки, где шум и ярость внешнего мира (мамки Марты) мешаются с тихими радостями безобидной убогой души. (в очереди в Битуах леуми)

А как Клаус спасал своего друга-поросенка!.. - не шучу, эта штучка будет посильнее "Темы и Жучки"! Здесь триллер (так сказать, Смит-Бессон) смолкает и вступает сплошной Сентон-Томпсон. И ведь написано-то как здорово, с удивительно чистой наивностью... (вечером за чаем)

Природа там вокруг, в книге, конечно, великолепная. Так бы все бросил - и в грандиозный сумрак горных лесов, в журчанье фут... (Посетите, говорят, Германию, общество друзей кремации!) Но зло затаилось и в Замке - когда-то там жил-был дракон Карл (подпольная кличка - Гюнтер фон Корф, моорист, террорист, голый гад да и вероятно марксист). Сейчас от него остались только моши и кучка одежды. Но драконы, увы, живучи, охочи до драки и перевоплощаемы. Дракон явно перелетает (и нас несет за собой) из "В и П" в "Полет бабочки", где станет зваться Яном и всем еще задаст.

Осточертивший бобовый суп со шпеком, который, давясь, глотает Клаус и вожделенный любимый протертый супчик из зеленого горошка - от Отто... Это полюсные вкусовые символы семейного раздражения и ненависти, и заботы и -эх, хе, хе - ласки... (открыв холодильник)

В Замке ползает призрак Замзы, и эхо Эко маятником отмахивает в гулких подземельях. Для меня Замок, конечно, не тевтонский, а центонский - воздушный, сотканный, очень реальный ("В и П" - это также "Время и Пространство"). Все потому, что язык очень хороший, с пупырышками - сочно видишь изображаемое, страницы аж обжигают пальцы, они вдруг ускоряются, несутся к развязке, тревожно шелестят - пусть Инге не боится Мартовских ид и Дитерских козней, но зло сгущается, неладное нарастает - и гибнет Отто. Но спасается Ури. И возвращается кабанчик №15, мой с Клаусом любимец, вот действительно радость так радость! (За Ури я был как-то спокоен.) И Карл больше не придет, и очень хорошо.

Посмакую еще напоследок один из лакомых кусков - как Инге укутывает на зиму горшки с геранью - так это домашне, неспешно, уютно написано! (в дождь под навесом)

Но вновь продолжается бой - и мы отправляемся в "Полет бабочки". Это очень непривычная книга, "ПБ", космополитичная какая-то - действительно, Новый роман, написанный-то кириллицей, но тут не Русью пахнет, а Уэльсом. Библиотека расходящихся тропок, где и сам Борхес пробирается на ощупь, увитых "то ли жасмином, то ли жимолостью", - ох, Набоков бы перевернулся и ухватил бы за бочок! - и тутопашние бабочки, конечно же, от него, внимательного (так сказать, из замка Гумбертус Гумбертус), а не из здешнего кабач-

ка, который - по мне, так - перелетный кабак Гилберта Кита Честертона, да и библиотекарь не от мира сего - из честертоновского же "Возвращения Дон-Кихота", да и дело происходит в каком-то подозрительном Честере... Есть и еще кит, как-то: Агата К. - агенты в замкнутом пространстве, такой ближневосточный экспресс без колес. Б. Шоу подмигивает эпизодическим профессором Хиггинсом. Чайные церемонии, шпион-китаец (здесь - японец, но поди их, фасеточноглазых, разбери!); двуликий Янус - Ян фон Карл; зеркальные Лу - Ули, "инь" и "янь" (для тех, Кто Понимает, для людей "ин", а Посторонним - В)... Уж так я вижу, и слышу, и что поделаешь!

Библиотекарь Брайан, хранитель саг, - мягкий и пушистый гномик-гомик, добрый ниделунг, у которого Карл-Гюнтер-Ян-Зигфрид похищает... кольцо, ключ... - неважно. Брайан, этот божий одуванчик, гениален и эпилептичен - он расшифровывает текст во время приступа болезни - здесь поразительное описание процесса творчества: поезд мчит в туннеле, а по стенам - письмена, осколки слов откалываются и падают, туннель встает вертикально и превращается в колодец, и в этой бредовой системе координат вдруг выстраиваются фразы, которые надо успеть вслепую скопировать, пока они светятся... А потом уже аккуратно, с удовольствием переписывать. "И отчего-то было светло и радостно на душе". Да, хорошо угадано.

Где-то в середине "Полета..." триллер внезапно споткнулся и в мениппею воткнулся (карнавальность ей свойственна!). Возникают, как будто высекая из камина и ударяясь об землю, все новые и новые персонажи - все тайные офицеры и явные джентльмены, но превосходит всех яркостью и манерами отец Георгий (тень отца Брауна?), неустанно пьющий цуйку. Вот страницы, уносящие меня в мир прекрасного, - читаю, непроизвольно облизываясь, этого я еще не хлебал!

Как среди всех этих скопившихся людей недоброй воли, разных национальностей и цвета кожи выявить наших - вот задача читателю. А наши есть, можете не сомневаться. "И румынский иерей тоже, видимо, еврей!" Евреи, евреи, кругом одни они! Миньян вполне можно сообразить.

Смешение языков, как при Башне, но не шотландской стражевой, а с раньшего времени; "птичий щебет чужой речи",

но все всех понимают - все наверняка слизнули каплю крови; пространство-время расплывается - Уэлс плавно впадает в Ватерлоо, исчезают дни недели... Нет дней недели в книге - вообще!.. Понедельника там, вторника... Кто же тогда был Четвергом? Год известен - 1990-й - 175 лет со Дня Ватерлоо (16-18 июня 1815 г.), уловил я также, что Ури 1961 г. рождения, то есть ему под тридцать - не мальчик, но муж, в на-мереньях упорный...

В инвалидную коляску Отто пересаживается растворяющаяся в воздухе улыбающаяся миссис Муррей - мол, мурmur... Но кончается это печально, и возникает гипотеза - может, все дело в коляске?

"Японец с пулеметной скоростью строчил на портативном компьютере". Пулеметная скорость - это, скорее, звуковая метафора - треск, стрекот пишмашинки. Компьютер бесшумен, как трубочка, стреляющая жеваной промокашкой. Кстати, японец бос. И златокудрый викинг Толеф тоже бос. Вот и попались! Воннегут бы сразу раскусил - эти заодно, люди одного "карасса", с бойни-колыбели.

"В каждую книгу можно войти через сто дверей", - утверждал Грин (тот, который Степаныч). Иду анфиладой - читаю про Ури, читающего дневник Карла, в котором тот читает дневник Вагнера, читающего дневник своей жены Козимы... (готовясь спать в одиночестве на кухне, засунув голову под раковину, а ноги - в щель между холодильником и посудной полкой)

Усомнившийся Вагнер хотел "откреститься от своего еврейства". Архиверная, батенька, формулировочка! (На полях - "Сволочь!")

Вагнер полюбил Бакунина, но не успел трижды пропеть "петух", и он заложил его, предал, так и не поцеловав. Обыкновенная диссидентская история. Было, было все и ничего не будет нового, ибо трудно романы тискать, создавать действительность...

Вообще же трилогия называется "Гибель падшего ангела", у многих персонажей есть сложенные крылья. Немецкая ведьма Инге - бывшая стюардесса, израильский наш папаш(ютист) Ури - летающий в тучах всадник, гордый и беспстрашный. И любят они друг друга, и прямо парят на простирающихся, как над местечком. А уж разнообразные валькирии -

все эти вильмы, доротеи, ульрики, лу - полет, бабочки (в смысле - эх, бабоньки! Пора по пабам!), всего попутного вам!.. Да и малость святой Клаус, пролетая над своим гнездом кукушки, периодически посыпает приветы к Рождеству. Зато злой Карла в очередной раз пролетает (и поделом ему, пад... Ангелу!), хотя вроде и успевает, уносит ноги - но он ли лично? Мелькнул лишь, как клив, козырек спортивной шапочки (или берет с пером?) - только вот сам демон рядом с Патриком Рэнди - иль очередной подставной баварский Людвиг?.. Несколько слов о человеке-бабочке Рэнди: эх, Патрик, Патрик, не угадал я вас, гада, упустил! Но - ура! - Ури-Ули улетает в погоню, он ведь тоже не промах и у него невидимый (малиновый) берет набекрень...

Вечер. Несколько тоскливо. Схожу-ка я в Библиотеку - там свет, смех, тепло, все уже знакомые. Сюда так и не приходит инспектор, но имеется спектр - Каждый (и даже не в день Охотника) Желает Знать, Где Сидит... Есть тут и желтые, есть знать... Странный, закутанный в цветной туман мир Библиотеки. Других берегов, кисель-лазурных, сотри случайные черты - на крыльях бабочек ажурных сюда слетаются мечты. Сам создал, вот этими руками, зажав авторучку. Еще мазнем - слышал я о существовании метафизического гомосексуализма - "если братъ последний как причину тотального бунта, гностического вызова бытию, ненависти к материи..." Тогда Карл, "красный", причудливо окрашивается и в голубые цвета (и это перекликается с "либидиной песнью революций" по Воронелю Александру).

Когда мы, отложив очередные весла, свешиваемся в книги - иногда дно видно, а иногда - фиг. И остается подслеповато, с чувством бормотать: "Они дивные, дивные, дивные!" Ведь что-то мнилось мне, что-то чудилось, свербело, и - осенило, осенило (где-то в декабре), дошло, иаконец: Ури-Ули - канешно же Улисс! ("А хули?" Э. Лимонов) Простой наш еврейский Одиссей - Райх там, или Блюм какой-нибудь... Инге - помотавшаяся по свету Цирцея, осевшая подле своего свинарника. Амazonки-лесбиянки - профессорки Доротея с Вильмой. Златокудрый и босой викинг-вегетарьняц - лотофаг Толеф, etc. Эт Цетера, Итака далее!..

Сказано же - Гомер, Мильтон и Пани... простите, Борхес. В Мильтоне, безусловно, слышится милиционер, в данном де-

тективном случае - некий грядущий интерполицай, который вдруг возникнет из машины и снимет со стены висячее...

"Золотистый шорох опавшей листвы" - ироничный отзвук европейской культуры (по Нине Во...) - ау, где ты? Эйфо, так сказать, ата? Ныне мы, господа офицеры и джентльмены, без листопада (разве что "осыпает мозги", в смысле - достать "чернил" и плакать...) Все ушло, все умчалось... Отлетело, утекло. Словно бабочка в стекло, а песок сквозь пальцы, а пальцы в пыльце... Шерстью осень... сорок сороков... "Осем"... Холодно. Жарко? Холодно. Пусто. Пусто. Пусто. Книги, любимые домашние шуршащие существа, куда-то попрятались. Осталась местная монструальная действительность с устным творчеством бродячего фалафельщика за окном...

Ну ладно, ладно. Эти книжки переворошив, я намотал себе на условный ус - талантливый текст, как кекс, многослойен, изюмчат. В нем каждый находит и выколупывает желаемое.

"Как добротно в старину переплетали книги - в современную книгу ничего бы спрятать не удалось" ("Полет бабочки"). Удалось, удалось! С удачей вас, Создательница, - и далее без остановок!

А вот интересно - какой будет третья, заключительная (?) часть Романа. Что там будет происходить, какие еще штуки "удерут" герои? Заканчиваю свой дневничок в надежде - поживем, почитаем, увидим!..

Виктор Голков
„ПО ТУ СТОРОНУ СУДЬБЫ“
(стихи)

Тель-Авив, 1996 г.

Цена - 10 шек.

Заказы принимаются по адресу:
Израиль, Азур, ул. Ицхак Саде, 6, кв. 1

ОТКЛИКИ

Ян Зарецкий

В ХОРОШЕЙ КОМПАНИИ, НА МАЛЫХ ОСТРОВАХ...

Приятно оказаться в хорошей компании. Тем более в наше непростое время, когда сплошь и рядом... Впрочем, не будем развивать тему - вы и сами все прекрасно знаете.

Попал мне недавно в руки альманах "Артикл" №2. Признаюсь, к различным альманахам и подобным сборникам еще в бывшем Советском Союзе питал некоторое недоверие. Предлагают тебе под "одной крышей" группу разных авторов (каждого в минимальном количестве) и разбирайся с ними по собственному усмотрению. Ну а большинство их израильских аналогов вообще серьезного разговора не заслуживают: обычно издают оные шумные содружества местечковых графоманов, собравшихся под сенью какого-то "дворцового" клуба и сумевших вытребовать подаяние на книжку у муниципалитета или местного отдела министерства абсорбции.

Со схожими чувствами (пройдусь сейчас от всей души!) стал я перелистывать и вышеупомянутый "Артикл". Тем более, что повод для сего имелся: при беглом ознакомлении с многочисленным составом редакционной коллегии и редакции (почему бы еще не создать счетную и ревизионную комиссию?!?) и оглавлением, и там и сям мелькали одни и те же фамилии. Ну чем не возможность позубоскалить насчет "нового самиздата"?

Правда, данное желание несколько отступило после начала чтения и окончательно испарилось, когда я закрыл сборник. Есть о чем поговорить, и поговорить довольно серьезно.

Если взять всю книгу в качестве некого архипелага, то в нем явно выделяются три больших острова: проза, поэзия и публицистика. Не все на каждом из островов радует глаз, но попутешествовать можно, иной раз и не без удовольствия. И взяв на себя неблагодарную роль гида, к этому и приступаю.

Здорово, что альманах открывается на редкость удачным рассказом Александра Карабчиевского. Эта фамилия редко появляется на страницах русскоязычной израильской периодики и раньше как-то не нашла места в моей записной книжке гида-любителя. О чем ныне жалею. Обещаю впредь пристально следить за опусами сего (молодого? старого? средних лет?) человека, ибо неброский рассказ "Мальчик", буквально пронизывающий тебя до глубины души (если такая существует!) того стоит. И просто, и страшно, и больно, и радостно одновременно. Хочется читать дальше, а нет - уже закончился, выплеснув на тебя гамму непонятных, но ярких чувств, в которых еще придется покопаться впоследствии. После таких рассказиков надо отложить в сторону книжку и задуматься, но мы пойдем дальше - маршрут ждет и время подпирает.

Михаил Кагарлицкий, ранее известный мне как автор многочисленных сереньких триллеров для гнусных еженедельных образчиков желтой прессы, поразил двумя весьма милыми новеллами. К явному недостатку коих следует отнести определенную лапидарность. Такое ощущение, словно ты вместо полнокровного сценария фильма читаешь короткую авторскую заявку. Но работать в этом направлении стоит. Перспективно.

А вот "Хорошая абсорбция" Леонида Левинзона вызвала недоумение. Как будто бы - сочно, знакомо, образно, но... Спустя мгновение ловишь себя на том, что все это уже было. Много-много-много раз. И куда более мастито, интересно, своеобразно. Слишком много вторичности на одни квадратный инч странички.

Дина Рубина - это Дина Рубина. Пожалуй, единственная из русскоязычных писателей страны, способная в любом городе собрать полный зал настоящих читателей (явный конкурент в данном плане разве что Игорь Губерман). Грешен, люблю читать Дину Рубину. И пусть говорят (иногда не без оснований), что потенциал Рубиной по сравнению с

"ташкентско-московскими" временами резко снизился, и это уже не та Проза, которая завораживала и привлекала не одно поколение интеллигентных книгоочеев, все равно: от старой привязанности никуда не деться. А потому - без комментариев.

Поэт Петр Межурицкий написал умную, ироничную новеллу (над последним словом я несколько задумался - жанр определить довольно сложно, даже для опытного гида). Как правило, когда поэты берутся за прозу, ничего толкового не выходит. Но бывает и исключения. Межурицкий из их числа. Стоит прочитать его "Дневник человека". Первая ("По всей видимости только я никоим образом не причастен к разрушению Советского Союза") и последняя ("Здешняя жизнь совершенно не располагает к ведению дневника") фразы - пре-восходны (не так ли, господа экскурсанты?!), остальные, к сожалению, несколько хуже. Но потенциал имеется. С чем и поздравляю.

А теперь самое время перебираться на другой остров. С поэзией намного проще: даже малоопытному путешественнику ясно - стихи говорят сами за себя. Можно придираться к метафорам, подтрунивать над рифмами, обсуждать "авторские задумки", но если причудливый строй строк заставит внимать себе, то перед тобой настоящие стихи.

Обращают на себя внимание Нина Демази и Рита Бальмина. Если слово Демази больше тяготеет к философскому осмыслению окружающего и пытается выбраться из суеты будней, то водопады сравнений Бальминой как раз и восхищают своей повседневностью: да, это все так, - но попробуй выразить сие подобным образом! Впрочем, девушке повезло, девушка уже в Америке и ныне ее рифмы гуляют по другим, совсем иным просторам...

И в заключение нам остался островок публицистики (простите за бранное слово!). Здесь вам грозит переломать все кости, оказавшись на дне политической ямы или заблудившись в роще риторических высказываний. Потому будьте осторожнее. Публицистика хороша на газетных страницах, а не в тонких книжках, где она уродливо и грозно выглядывает, аки разбойник, притаившийся на дне придорожной канавы.

В "иронических" наблюдениях Пинхаса Шлафера "Неомонархизм или вакантный престол" можно найти все что угодно, кроме иронии. Сама идея стара, неоднократно обкатана и столько же раз благополучно похоронена. Зачем же, пардон, некрофильствовать, когда вокруг столько "живых и здоровых"? Впрочем, ведь есть и любители...

Зато исторические наброски Григория Марговского (опять поэт!) завораживают. Невольно попадаешь в плен обаяния стиля, - господи, какой неординарный лексикон, давно не читывал таких словечек! - и уже не очень-то и важно, о чем написано, главное - как! Смачно, размашисто, неожиданно и всплывающе индивидуально. Пишите, Григорий, пишите. Пока на древке еще колышется стяг российской словесности, у вас всегда будут читатели-почитатели.

Вот и все, господа путешественники. Мой рассказ об "Артикле номер два" закончен. Рекомендую посетить лично. Не пожалеете. По крайней мере, хорошую компанию гарантирую.

Нина Воронель

Ведьма и Парашиотист
(роман)

Хотите ли вы опять, как в детстве, испытать захватывающее чувство вовлеченности в чужую жизнь? Израильский парашютист, роковая женщина, таинственный злодей, средневековый замок, европейская интеллигентская элита... и убийство.

464 стр., цветная обложка.

"МОСКВА-ИЕРУСАЛИМ",
P.O.B. 44050, Tel-Aviv 61440

Цена: 39 изр. шек.
(19 DM для Европы, \$15.5 для США, включая пересылку).

ДНО "ВЫСОКОЙ ВОДЫ ВЕНЕЦИАНЦЕВ"

Хотелось мне потолковать о "Высокой воде венецианцев" Дины Рубиной как образце утонченно-элегантной и все-таки неистребимо банальной эстетики, какую некоторые упорно пытаются выдать за реализм. Кажется, один ничтожно-мелкий шажок отделяет эту прозу от трагедии - все ведь сказано так, чтобы убедить, что происходящее на страницах повести трагично, - но шаг этот не может быть сделан, ибо трагедия по сути "не имеет места быть". Есть все что угодно: нарциссическое самолюбование с распущенными волосами в ванной, неизлечимая болезнь, используемая, похоже, в качестве острой ресторанной приправы, иностранный любовник и, наконец, противоестественная тяга к тени собственного брата. Психологизма столько, что через край, - жутко психологично и романтично, но абсолютно не совмещается с простой, известной любому и каждому, человеческой правдой. В самом деле, зачем требуется мчаться в Венецию, узнав о собственном смертельном заболевании, до детской ли игры в прятки в такую минуту? Понятно: экстравагантный и шокирующий поступок, эдакий отчаянный шаг. Но все же, не испытав, храни Господь, на собственной шкуре, стоило бы выведать какими-нибудь окольными путями у знакомых, что чувствуют в подобных случаях, Ну, а не найдется таковых, так прочитать на худой конец "Раковый корпус" или там "Смерть Ивана Ильича". Но над автором повести совершенно отчетливо нависает "Жизнь взаймы" Ремарка с ее Лилиан и Клерфэ, с санаторием для легочных больных - красота и смерть, смерть и красота. И тут повеивает неким соблазном, навроде того, чтобы стать как бы новым израильским Ремарком, ну и отойти маленько от житейской правды, провоцировавшей мерзкознакомыми больничными миазмами. Куда привлекательнее, отбросив все, броситься в прекрасную Венецию и там, фальшиво и нелепо рисуясь, погрузиться в сферы настолько высокие, что и не помыслить простому смертному, и

все только для того, чтобы очутиться "под занавес" в одной постели с нарочно на сей случай сконструированным иностранцем, пошляком именно в той кондиции, какой требует ситуация. А ситуация эта меня не устраивает в главном и в целом не только своей пошловато-изысканной надуманностью и банальностью постремарковских красот, но дешевой литературной напыщенностью, а также, надо признать, весьма мастерски упакованной фальшью. Становится не по себе от этой игры в преферанс со смертью, грозной отнюдь не в иррациональном, но, напротив, в самом лобовом и доступном смысле. Никаких распущенных волос и итальянских любовников. Все куда примитивнее и жутче: блевотина и боль, страх и рак.

Банальность всесильна - банальная истина. Но все же в чем секрет ее всепобеждающей популярности? Не в самой ли конструкции наших душ, так и ищущих, чем бы оболваниться? Возможно, в общем, что все гораздо проще и нам попросту приятны доступность и панибратство, с каким околачивается банальность возле настоящего искусства и куда притащает за компанию заглянуть и нас, таких, какие мы есть, - жутко далеких от этого самого искусства, настолько, что просто пес не валялся.

Впрочем, не мне обучать азам мастерства маститого прозаика, даже если, поддавшись неодолимой любви к себе, он попусту высматривает собственную тень где-то на скользкой колодезной глубине "Высокой воды венецианцев".

„ИЗРАИЛЬ-50“

Впервые вся история Ерейского Государства за 50 лет. Главные и второстепенные события; войны; борьба с террором; экономика и культура; люди, чьи имена вписаны золотыми буквами в историю государства; скандалы, всколыхнувшие общественность.

Праздничный альбом, 160 цветных страниц.

В Израиле – 87 шек. В Америке – 37 долл., включая пересылку.

В Европе – 30 долл., включая пересылку.

Издательство „Меркур“, ул. Дов-Хоз, 11/7, Тель-Авив.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПРОСТОГО, ТОЛЬКО
ПО-РУССКИ ГОВОРЯЩЕГО ЧЕЛОВЕКА
НА ВЕЧЕРЕ, ПОСВЯЩЕННОМ ВРУЧЕНИЮ
Г-НУ БАСОВСКОМУ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ
СОЮЗА РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ,
ЖИВУЩИХ В ИВРИТОЯЗЫЧНОМ ИЗРАИЛЕ

Я выступаю от имени и по поручению простых читателей, то есть обывателей, по вашему, по писательскому определению, от израильских тружеников полей, небольших мастерских и "хеврот битуах". Что же мы хотим сказать Науму Басовскому?

Прежде всего, спасибо тебе Наум, что ты уважаешь нас! Что значит "уважаешь"? А это значит, что, читая твои стихи, нам не становится мучительно стыдно за свою необразованность, нам не надо, образно говоря, большим пальцем левой ноги доставать до мочки правого уха (или наоборот), нам не надо, кряхтя и краснея, лезть за словарями или спрашивать жену, что означает то или иное слово, никогда ранее нами не виданное или не слышанное.

Ты обращаешься к нам как друг, а не как учитель, как собеседник, а не как непонятый гений; как товарищ по несчастью (или, много реже, к сожалению, по счастью), а не как человек, которому заведомо известно, что он много умнее тебя и поэтому дает, позевывая, тебе стихи свои, потому что ты, дурак, мещанин эдакий, заплатил сколько-то там шекелей за изданную им книжку.

Наум уважает меня. По сути дела, он и пишет-то для меня, но не потому, что я не могу обойтись без его стихов, а потому что он не может их не писать. Это дыхание его.

Вот как мы относимся к поэзии Наума Басовского, господи.

Вот хвалю я Наума по-обывательски так, по-простому, по-доброму, а на сердце тревожно, потому что наверняка найдут-

ся в этом маленьком зале поэты и писатели, точно знающие, что похвала обывателя и есть тот низ, куда искусству и ступить не положено, ибо искусство должно быть не понятно народу, а только лишь понято им. Впереди нас, стало быть, должно находиться искусство. А это предполагает, что мы, простые израильские, но все еще русскоговорящие труженики теоретически можем находиться еще в "Журбинах" товарища Кочетова или, в лучшем случае, в любовной лирике Степана Щипачева. Ан вышла неувязка - не Щипачева читаем мы, а Басовского. Так не принижает ли наша любовь к нему поэзию его, не низводит ли она ее до уровня той простоты, которая постыдна для нашего времени Интернета и всеобщей, хотя, порой, и талантливой халтуры, называемой современным искусством?

И пришел мне на ум - извини, Наум, за против воли моей, но удивительно к месту вырвавшийся из меня каламбур - пример воды, да-да, простой воды. Что видит ребенок в ней - мокроту всего лишь, ребенок ведь. Школьник уже ощущает разнообразие ее: она и лед, и кипяток, и река, и океан... Студент-химик видит и знает красоту и невообразимую сложность одной из самых, на первый взгляд, простых молекул, созданной нашим еврейским Богом... А уж ученый, посвятивший себя воде, видит в ней целый мир, полный значения и величайшей тайны.

Так и мы, разнообразно образованные и по-разному чувствующие поэзию труженики, относимся к стихам Басовского. Одни видят в них летопись нашего с ним поколения от времен Сталина до, слава Богу, времен Биби Нетаниягу и Эхуда Барака; другие - задумчивую, ненавязчивую, но щемящую сердце грусть. Для кого-то его стихи - это мудрость достаточно пожившего и много повидавшего человека; для кого-то - магия слов, мед поэзии. Для кого-то - воплощение тоски по России, для кого-то - удивительное открытие красоты и мудрости библейских текстов.

Лично же я не могу не привести в заключение своего выступления одновременно отчаянно веселые и в то же время грустные строчки:

*Не в том беда, не в том печаль,
что мне сначала не начать
пути земного,*

*а в том печаль и в том беда,
что дни сомнений и стыда
вернутся снова.
Не в том печаль, беде под стать,
что никогда мне не свистать
щеглом беспечным,
а в том печаль, под стать беде,
что никогда я и нигде
не буду вечным.*

И через эту концовку я обращаюсь к тебе, поэт Наум Басовский: а вдруг ты ошибаешься? Вдруг твои стихи ждет тобою же предсказанная судьба слов:

*Кто готов поручиться, что знает слова несомненные?
Может быть, лишь поэт, сочетавший слова несравненные,
где зозвучие цвета, соцветие звука и запаха
даст и чувства осмыслить, и смыслы почувствовать заново.
Кто готов поручиться, что знает слова несомненные?
Это может пророк, произнесший слова несогбенные, -
подымают они и ведут, словно сила несметная,
от свечи до костра и потом от костра до бессмертия.*

И мы желаем тебе, Наум, не только дожить до ста двадцати, но и писать стихи до этого же периода. И еще - пройти стихам твоим от свечи до бессмертия. минуя все-таки стадию костра.

„Без преувеличения можно сказать, что такой книги об израильской кухне еще не было“.
Вести

„Кухня Шулы – это предложение нанести визит на кухню с гарантией „Не пожалеете“.
Время

„На каждой странице находишь что-то, что возвратит тебя в мир детства с его сладкими снами, в мир, который никогда не повторится“.
Новости Недели

КУХНЯ ШУЛЫ – израильская поваренная книга, более 100 недель возглавляющая список бестселлеров. Перевод с иврита. Израиль: 79 шек, За-границей – 20 долларов.

МЕРКУР, ул Дов Хоз 7/7, Тель-Авив. Тел: 03-527401

СЕΦЕР INRI

СЕФЕР INRI

перевод с латинского

*В оформлении использованы
репродукции работ
Ирены Френкель*

*Графический дизайн
Александра Ганелина*

Copyright by Lev Berinsky

Птолемаида-Акко

2000

*Светлой памяти моего дяди
Арона Сусленского -
столяра*

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Занимаясь многие годы текстологическим сопоставлением переводов "Псалмов", "Книги Екклесиаста, или Проповедника" и "Песни Песней Соломона" с традицией Pieta у таких крупных, впрочем, ориентированных на западное христианство представителей культуры, как, скажем, Рильке, Феллини или даже еврей Визенгрунд - Теодор Адорно, я давно уже предполагал, а позже, ознакомившись с Апокрифами ("Сфарим Хицоним") из Кумрана, окончательно утвердился в убеждении, что между обеими частями Библии, а именно - между Заветом Ветхим (Тора Шеевик) и Новым Заветом (Брит Ахадаша) отсутствует, по меньшей мере, одна Книга, один Сефер, некий навесной мост, который соединял бы мир древних пророков с современным ощущением земной нашей цивилизации.

Я искал. Подобные интуитивные или чисто теоретические предположения хорошо известны в астрономии, в археологии; достаточно назвать Тейяр де Шардена, обнаружившего, в палеонтологии, такое "недостающее звено" - синантропа...

В августе 1982-го я с Наташей, к тому времени четырнадцатилетней моей дочерью, прошел по еврейским местам Смоленщины. В Микулине, селе под Рудней, невдалеке от трагически известного танкового рва, где во время войны были расстреляны и засыпаны 1200 евреев из окрестных городов и mestечек, на старом заброшенном кладбище, позади надгробья с высеченными квадратными письменами я вдруг увидел в заболоченной траве какой-то сверток - завернутый в kleenку манускрипт. Я тут же его пролистал: латынь.

Сейчас невозможно сказать, каким образом рукопись попала туда и кто ее автор - сам легендарный персонаж или кто-то другой, неизвестный и, похоже, не в полном здравии сочинитель. Многое в тексте вызывает сомнение: например, современная терминология, каковой сочинение перегружено. Но, с другой стороны, если нам зачем-то и кем-то подброшена энigmatischecкая сия подделка, то и в этом случае она имеет

сегодня историческую уже ценность, поскольку сфабрикована была в эру минувшую, то есть в эпоху, предшествовавшую обнаружению человечеством озоновых Дыр, о которых, знай он только про них, автор - явный любитель "образованность показать" - упомянуть не преминул бы.

Как бы там ни было, нам не следует торопиться с решающими выводами относительно аутентичности ветховатого оригинала, тем более что и он, в свою очередь, может оказаться не тем первичным⁽¹⁾, вообще не известным нам текстом, которого так не хватает в Библии, а лишь латинской его транспозицией: легендарный персонаж (см. Матфей, 27:46; Марк, 3:16; 5:41;7:34 и др.) разговаривал на наречии, представлявшем собой некую помесь "святого языка" ("Лашон кодеш") с арамейско-сирийским: "Или, Или...", "талифа куми", "эффафа" и т.п., да и весьма притом словцом поиграть любил, в духе Альфреда Жарри или даже В. Хлебникова.

Поначалу я перевел эту венец на идиш: в Москве шел год именно 1984-й, и мне представлялось, что на еврейском будет проще ее опубликовать. Надежда оказалась пустой, но работа все же была не напрасной: теперь это сочинение существует на одном из живых и достаточно распространенных языков; а для читателя русского я, совсем уж недавно, поселившись в древнем городе Акко, на самой его окраине с видом на "мягкие холмы Галилеи", подготовил к публикации предлагаемый перевод.

"Сперва создают абстракции, - пишет Энгельс в своей "Диалектике", - отвлекая их от ощущимых предметов, затем пытаются эти абстракции познавать на чувственном уровне, желают увидеть время и обонять пространство".

Возможно, наш случай - один из таких.

Л. Б.

Май 1993

Ах, да бросьте вы умствователь, сыпать хохмами, сладостной
рифмой!

Вот - вишу я, еврей из Нацрата, на кресте, засратом
когда-то

стай белых голубок или знаю кого там, так не знать бы мне
доли и боли

вот здесь, в моем левом плече, как не знаю доныне:
кто я был на земле и кем стал, то есть что со мной стало
в небесах, на моем деревянном кронштейне, в обнимку

со Вселенной, 730 000 бездомных ночевок -
дохляк, дед капустный, страшила, соломенный козак,
которого вовсе никто не боится - ни ангелов дикие стаи
или птиц черно-белых, ни полчища славных на вид
индоавтов *

у которых аж слюнки текут, так влечет их и манит
своим воздухом, пеньем лесов медоносная наша Земля, -
и машу я руками, и вспархиваю, их отпугивая, но сторож,
из меня, если правду сказать, как из гоя хазан:

Recurrent Dislocation - мое левое, то есть, плечо
то и дело вываливается из капсулы, из суставной моей
рваной

и лепестками там, наверно, свернувшейся сумки,
и растянуто так сухожилие, что головка кости и лопатка
больше не конгруэнтны, от боли просто хойшех в глазах,
и последние мысли в черепной моей, слышу, коробке
повисают и прочь ускользают, чередой облаков выплывают
вместе с обморочным дыханием, расходясь в атмосфере,
как туман, в кучевые ли соединяясь большие массивы
или перышком белым - ах, неслышным

Воздушным Голландцем

отплывая в лазурную даль, там пугая Эль-Аль
иль залетный Аэрофлот над глубоким ландшафтом,
проплывающим между ступнями босых моих ног:
два освещенных солнцем хребта, паралельных,
Ливан и Хермон,
пара горных цепей, протянувшихся берегом узким

* Космические путешественники.

шириною в двести верст (это *maximus!*); западный склон,
обращенный к Ям-Атихон, к Средиземному морю,
восточный -

к Аравийской пустыне; вдоль - родясь у подножья Ермона
и на юг устремившись - река по низинам болот
протекает, совсем пропадает в мутных водах Мерома
с камышами и гнилью его, выбираясь опять,
запевает, струясь, и бежит к мощным глыбам базальта -
камням, нахламленным вулканом; в теснине вскипая,
рывком

разливается, став Галилейским, благословенным
морем грэзы и яви - и сердце мое, стоит вслух
это имя произнести, тихо плакать во мне начинает.

И дальше, и дальше стремит свои воды Иордан -
гордость этой земли, Инд ее или Волга, планетарная
слава и влага,

которую пьете вы еще и сегодня, в которой крещенье
принимаете, или сверкающе плещетесь, возле которой
знойно дремлете в солнечном гуле на пляжах Флориды
и Бат-Яма, и Варны, акватория мира, где страх
супертанкеров бродит и атомоходов, из коей,
охладясь, образуются айсберги в дымке и лед на горах;
освященная влага, которую вы из клозетов
по утрам с девяносто седьмого своего этажа
вниз пускаете дружно - и ревет Ниагара такая
в мощных трубах, такой говнопад; но когда из небес
сыплет реденький дождик, светлый весь, как из лейки,
или тьма грозовая

разверзается в высях над вами, озона обвал, утоляя
ваши пашни, и озимь, и сад, -
как же можете вы, в торжество водосвятъя, среди капель
и струй

обо мне позабыть, вашем Боге, водой окропленном?
В Синайской

плоскогорной и горной пустыне, в которой осадки
составляют, по сводкам ООН, в среднем 10, 15
миллиметров рег *annum*; в Перуанской пустыне;
в Ливийской,

где дождей или снега вообще не бывает, нет понятий таких-

обо мне вспоминайте, гидрогенном современнике вашем:

2800 орбитальных кругов среди звезд
на Земле занимает процесс обновленья всех водных
ресурсов.

Шар земной тихо вертится: отдаляясь, плывет подо мной
то поселком рыбачьим пейзаж, Кфар-Наум, то глухим
городком

Бет-Лехем, и опять в той воздушной я вижу щели -
путь бесстрашный, мой дерзкий маршрут, юный дрейф
поисковый

по следам Шуламиты, терзающей с детства любви:
фантастический, сказочный Козий Источник - Ен-Геди
в овражном оазисе, пальмы и желтый бальзам,
виноград среди мертвых песков на почти неземных
берегах Ям-Амелэх, воды, что собою являет
феномен в этой вечно для всех тектонической зоне;
Ен-Геди,

где сердца расцветают кипером, и - словно песнь
или тост - возносили молитвы ессеи, и они-то меня
приучили

к вину; ой, Ен-Геди у моря, в котором не встретишь
ни рыб,
ни зверей - лишь бактерий наплыв; Хешбон, старый град
амореев,
моавитян обитель, и город евреев, с вратами
Бат-Равим и двумя озерцами
голубыми - такими,

как царю Соломону со сна или вдруг с бодуна
показались глаза у девчонки; Тирца - город-невеста,
он у них называется Тель-эль-фара; горный кряж,
где поздней в двух глубоких пещерах, Схул и Табун,
обнаружили вы, докопавшись, сенсацию века,
мацерированные черепа человека; поросшие склоны -
дуб и маквис, олеандр и мирта, и веет

левантийский - к Антиливану - от диких фисташек
горьковатый, листвою трепещущий ветер: Галил -

Галилея моя на холмах под садами орехов
и гранатов, и яблонь, с большими кругами теней -
словно солнечные часы - вокруг пальм, зной и пыль,

городишко

Назарет, Аль Насира, Нацрат, с синагогой по тем временам,
Банной улицей, вдоль протянувшейся, к самым дальним
окраинам, хатам
глиnobитным, крестьянским дворам, где, белая, чеснок
и мешки хлебной нежной муки вверх вздымались,
топорщась горами;
глушь заборов с их дикой травой, и крапива, идущая в
борщ,
злые рощи над "рыпой" (как еще и теперь называют
в Каушанах канаву), целый лес, райский сад крапивы,
терпко ноздри щекочущей; а в четверг набрезгу молдаване
- ах, да что я! - галилейские гои свозили на шук
свежий лук, раскладали по стойкам, в белесой холстине
сыр вываливали на доски, а то - прямо наземь
золотыми, как масло, кругами на алый розарий
кленок, на крылья коней и лебедушек; живность
пернатая в страшных плетенных корзинах; а гогот гусиный?
а мертвая рыба, смотрящая нагло? на арбах и подводах
у бочек бокастых выбивали, как девке, запайку
или кляп, с хриплым криком:
- Вин хибрид, пиять шистесят!
а потом, поздно вечером, разъезжались, в порожних
повозках
лежа навзничь, ноги кверху и врозь, белым шляхом,
безмолвной
опасной Дамасской дорогой, что жива и стара
как и сам человек, и служила народам, и поздним
крестоносцам звучала как песнь: Via Maris - в камнях
под селом Ин-Эт-Тином прорублена, ведет она дальше
через мост Дочерей Иааковых, и привела
в Магдалу шалопая, чтобы там он взглянул, нагляделся
на Марию, на дикую серну; это самый тот путь,
что проходит у Наблуса, где у жадного устя в долину,
над которой царят, с двух сторон, Гаризим и Эбал,
я бабенку, шомройку, я помню, безмужнюю встретил
у колодца Бир-Якуб, оставшись в тот вечер один,
ибо Шимон и Левий Андрей, и другие талмиды
за жратвой побежали - а я, к тому времени странник
многоопытный, знал уже: хлеба нужнее - вода...

О, святая земля... Мое детство, халупы, евреи...

Я, Йешу из Нацрата, я - единственный, в мире рожденный
Девой в чуде, зачавшей от Руах Элоним⁽²⁾, аминь,
я - из рода Давида и Царь Иудейский, Господь мой
и Отец мой - ваш Бог Цебаот... И как дым поутру
опускается снова в трубу, когда печка, бывает, погаснет, -
так бессмертье в мою оседает отошедшую жизнь;
как воздушный наверх поползет пузырек, знает плотник,
если уровень чуть наклонить, - так последний мой вдох,
по трахеям всплывая, мне лицо на кресте подымает.

Как бабочка с парой проколотых крыльев
(о хищность натуралиста!),
встрепенется сердце во мне, стоит вниз посмотреть
меня с булавки моей - на всемирный такой, голубой
океан, где качаются шесть континентов, мигрируя: грунто
Австралии сонной Victoria regia плывет на восток;
на запад Гренландия движется; Южной Америки
остов пошел неспеша - к африканскому берегу,
так что краны Белена когда-нибудь впрямь подплывут
разгружать сухогрузы под Лагосом - ой, это будет
еще тот мегалополис! литосферные плиты, яйцо
эллипсоида - скорлупы ненадежней: мышонок
промелькнет - только ломкое крошего... Льдины земель
в океане покачиваются и тают, свой контур меняют
под углом или в плоскости зодиакальных созвездий,
попыхающих в черном пространстве над вами, откуда
надвигается из вселенных незримых миров
не заря Belle Epoque, не геула, светозарное чудо -
а грозные тени космических катастроф.

Люди, вы что себе мыслите, люди? Вам еще до полетов
и войн? Ваши тонкие льдины... скорей позаботьтесь, о том
чтобы вас не засыпало с полюса крошевом, с облака - ломом
стеклокаменным, или пылью железной; сойдясь хоть разок
заблаговременно, обмозгуйте, как бы расчистить
вокруг Эйфеля место, вокруг башни Останкинской, вокруг
Сирс-Фаллос-Билдинг срамного,
и на что вам из общей той Пизы торчащий косок...

Как поплавок то ко дну я иду в небесах,
то взлетаю, как легкая пробка
в голубых и зеленых волнах стратосферы, в фиолетовых
волнах

ионосферы, в красно-пурпуровых волнах
биосфера, в многогранно-сверкающих хладных волнах
ноосфера, где меня простужает

космогенез или — как вам угодно — христогенез;
в серебряных, полустеклянных волнах техносфера,
в которых я обмираю перед ней, надо мною встающей
третьей тоффлеровой волной⁽³⁾. Чудо вовсе не в том,
что Создатель меня воскресил и к себе меня было
вознести вознамерился, чудо — в том, что повис
над планетою я, на моем полпути, ни вверх, ни вниз:
или сил не хватило

Всемогущему — преодолеть притяжение вод,
гравитацию снов и садов? Или просто потом
позабыл обо мне Он, покуда так долго, с трудом
я карабкался вверх между прашной и истинной твердью —
между стаями, тучами, смертью?

Или может — в том Промысл был: приподнять над Землей
меня этаким полукосмическим, вне-орбитальным
полуискусственным сторожем-спутником, рациональным
Регретиум Deus, ни единого ватта, ни угля, ни крохи
хлеба не требующим, ни воды, бо, рабойсай, увы,
с процессом ассимиляции (вот где, подлинно, горе!),
как и диссимилияции — у меня как бы все на запоре,
диета

абсолютно небесная, что восхищает гастрологов (это —
и астрологам тема!); в короне под Солнцем я в полдень
или в полночь под звездами, руки раскинув, вишу
на дрючке моем, вздернутый грубо

в эмпиреи за шкирку, лишь теперь понимая, как глупо
и насколько поспешно в тот раз возопил я: "Или!.."

Подо мною — Земля, надо мною — чужая орбита,
мне б сейчас бы взмолиться, расшуметься б стихами
Давида:
Лама? Лама савахвани? (4)

Ах, внизу рыбаки тянут сеть - на плевке, на смурном
пятачке озерца Кинеретского, осень, Земля в повороте
мне заносит их между лодыжек — и то ль невод вдали,
то ли, ближе к глазам, повисает порожний, сморщинясь,
мешочек,
из которого весь дор наба* мой погреться ушел под живот.

Савл, вон тот
и другие внизу, все они - Авраамово семя? Я тоже!
Евреи? Я тоже! Израильянин? И я!

Что ж они, сыны Божьи, сговорясь, нанизали меня
— растянув, как летучую мышь, голяком, до разрывов —
на штуковину эту декартову⁽⁵⁾ так, что когда я
вдруг припомню, бывает, забыввшись немного, о ней,
о Марии, — я чувствую: через кадык, через пуп или точку,
где он, кажется, был или не был, и ниже, мешочек пронзив —
вот! стрела сверху вниз (или дрыни снизу вверх?)
контур мой просверлила
или ось мировая, "ось времени"⁽⁶⁾ (ось! подыбись!
ось вона! — вскрикнет лембергский ксендз, тыча пальцем);
абсцисса —
два плеча поперек мне проткнула (а все ж — как дразнилка
насмешила б ребенка!), в капустах у пугала сползшим
коромыслом повисла ошую, мирам угрожая —
больно ж, Господи! — вывихом — больно! — плеча моего.

У, как больно... Мария... как зной... зона ливней... Мария...
или слез... О, Мари... озона... илима... риолан...
камарица... марицама... ри...

Девочка... шиксэлэ... кем ты была, когда в город
твой я пришел?.. чтобы только взглянуть... насмотреться
на пухлявые, жизни нежней, пару щечек, Мария,
мы прошли над Рангуном⁽⁷⁾, над слезным сезоном,
в набирающем свете
я опять тебя вижу, Мария, на радужном сгибе портала
над планетой ты - ах! - на верхушке уселась и машешь
ногой, ах ты кошка босая, оторва ты, юная блядь.

* Будущее поколение (иврит)

Мария, не сбрось только солнце, пусть сон будет вечным
и светлым.

Мария, ты меня узнаёшь? я ж — тот Юзик, тремпист
из Напрата!

А что, кто-то ж должен был стать кем я стал вам теперь —
бог на палочке, жуткий страшила, соломенный козак,
Мария,

помнишь чукчу под галстуком, с Банной? — и как из бани
там подбросив, бывало, позорника выпускали в окно,
так они мою жизнь, раскачав, запуздырили в вечность,
в это хмурое — глянь — христианское божество.

А знаешь Мария, я сам ведь чуть было не стал
одним из прушим* - кривоногим и пакостным никфи
ходившим цепляя брускатку носком башмака,
или — грязным кицаем-ханжой, удивляющим город
раскровавленным лбом: это он, понимаешь, так крепко
закрывает глаза, чтобы женщин не видеть — и сходу
бьется об стены лицом мудак; или, помнишь, вонючкой
медужком,что, бывало, бредет вдвое сгорбившись; или —
тиками, желобярой

с парой плеч здоровенных, на которых едва ль не Тора
и Вселенная держатся — стропила и свод мирозданья!

Мария, ты помнишь их, швонцов? Представляешь, я сам
чуть таким же не стал — от изнеможенья, от страха
перед твоей красотой, от тоски в твоем солнце и мгле —
по любви, по единственному — от тебя — поцелую, так мало
означал бы он там для тебя, но во всей Магдале
ты, пожалуй, единственному, Светлана, мне не давала.

И когда уже позже, на Лысой во всемирной столице Горе
я повис, если помнишь тот склон, над долиной Гинома,
в самом центре небес, если шла ты от Биркет Мамилы,
и — почти уже Бог — с верхотуры, с шеста моего

*Фарисеи (иврит). Упоминаемые далее никфи, кицаи и пр.
различные группы и направления среди прушим.

глянув вниз, сквозь багрово-воздетые головы, лица
и прозрачные уши топочущих, пляшущих орд,
и гопак кулаков, и воскрылья взлетающих белых
истеричных девиц и вприпляску бредущих детей
долом, сказкой арабских дворов и павлинов - когда я
увидел, Мария, тебя среди них - о, позор
моей боли больней и видней моей казни! - Мария,
я почувствовал вдруг как хотенье мое мне тихонько
приподымает тряпицу... И вот тогда-то
горлом вырвалось, ропотом страшным: лама, Эли?..

Моя вахта, Мария, кончается скоро: в 2000-ом минус
19 столетий да 8 десятков, да 3
года их на земле; 9 месяцев - в масле кататься
и в сырье, потом у кого-нибудь наспех родиться и лет 18 -
помоги ж подсчитать! - подождать, а потом уже я
женихом пред тобою, Мария, предстану, вот только
ты блондинкой, Мария, опять приходи, ага? в Каушанах
блондинка
- ведь это ж! Ведь слюнкой залыются... К тебе я так тихо
подойду, и чтоб черт ни один не додул - на ушко
ботать, пала, по фене начну, по тибетской, Мария:

ОМ МАНИ ПАДМЭ ХУМ!
ОМ МАНИ ПАДМЭ ХУМ!
Ой, Маня, с`халт мэх ун...(8)

Говорящий на незнакомом языке - говорит не людям,
но Богу, но я имею против себя,
что любовь свою первую бросил⁽⁹⁾, я,
столяр, а не станет,
случалось
работы любимой - не стеснялся и плотником: please,
надо шкаф - будет шкаф вам, сарай - так сарай,
хоть искусством
полагались две вещи: кровать и, конечно же, дверь⁽¹⁰⁾.

Кровать состояла ad modum, из двух заготовок:
каркас и матрас. Раму держат две пары ножек,
в свою очередь вставленных в прочных четыре колодки,

защищающих их от сырого, всегда земляного
пола; стояк для надежности подпираешь
деревянными козлами: этак будет, хозяин, верней!

Кровать, таким образом, то есть рама с опорами - восемь
собой представляла частей. Набивку матраса
начинаешь, бывало, с того, что древесный скелет
оплетаешь веревками или ремнями - наподобие сетки,
так, чтоб каркас - веревками или ремнями
был бы вдоль и, понятно, поперек оплетен; к доскам рамы
веревка или ремень прикрепляется прочной железной
проволокой, то есть: проволоку продеваешь,
пропуская ее сквозь опять же - железные кольца,
и притягиваешь к доске. С изголовья, помню, кровать
должна спинку иметь, небольшую, на 7-8 пальцев,
на нее, когда спать, опирают подушку; после того,
как веревками или ремнями перетянули ты
каркас - настилаешь матрас, у бедняков
в дело шло почти что попало: папирусный луб,
солома, болотные травы, разных порослей: *Carex hirta*,
Carex caespitosa, *Carex brizoides* - осока
росла у заборов или за нужником. Впрочем,
и такая была поговорка: "Мут сакех вэ-гави" -
приспособь-ка, жено, свой мешок да не менкой, ляхай уж!

Мастер - мастером назывался, когда он умел
смастерить колыбельку, диван, "походную койку",
"ложе счастья", "царское ложе", "подвесную постель"
(а! обычный гамак), обеденную софу, раскладушку
на ножках, кровать- "мишпахтит"^{*} (ингородние нанимали
ее до утра), ну и так далее, азой вайтэр, et cetera...

А, Мария? пойдешь за меня? не какой-то же ж халамитник!
Уже б, кажется, мог, а смотри же - тружусь, над садом вишью
как сторож на вышке
или в море на мачте матрос в своей бочке: *La tierra!* -

* "Семейная" (иврит)

или телеграфист, на последний взобравшийся столб,
на "когтях", и успевший к сети подключиться, и хрюпло
в свою трубку орущий, что, мол, дело хреново, село
к херу на хрен разносит стихия - пожар, камнепад,
половодье...

Я - телеграфист над круглой этой землей, головой
за нее отвечаю - перед Высшим, Вселенским Судьей,
чей посланец я тут и наместник: еврей, как известно,
споконвеку - то вице-, то зам-, то И.О., то И.Х.

Пост, я знаю, у меня не из лучших, иные успели
ухватить синекуру, лафа ж им, да что говорить,
так было и будет: кто как смертник - склад с динамитом
охраняет, кто - на кухне кемарит сидит,
в ароматах капусты кайфуя, размышиляя
кому как потрафить...

Да я ведь
это сразу и понял - попался! еще в самом начале,
мальчишкой
на Банной, на улице с желтой вдоль рыбы травой...

Пять птичек купить я в детстве мечтал. Боже мой,
царство целое за две монеты...

Главное в деле сохранения всякой планеты, каждой
экосистемы
- стаи птиц ли, других каких цац ли -
не вмешиваться...

Полное обновление массы животного вещества в океане
занимает 33 дня; фитомассы, т. е. общей плоти растений -
1 день; человек намного стабильней: на суше
суммарный обмен живой массы занимает у вас 8 лет!

Ну и ветер...

Народы, понятно, мигрируют легче
и быстрее, чем континенты, но при этом порой
происходят необъяснимые вещи, к примеру:

евреи впервые увидели свастику (и от нее
сбежали) еще в Вавилоне, на ивах, но толком
обогнуть горизонт не успели,
как в Германии
(под землей, что ль, прополз этот крот,
в самом деле?)
Hakenkreuz, будь он лих, поджидал уже их.

Кстати, сам я убит на простом, на латинском кресте.

Со временем, ясное дело, стал крест мой
универсальным
орудием пыток⁽¹¹⁾, ибо - в результате
прогнозов погоды,
под влиянием зимних муссонов, сов полярных и
снов, Куросио,
Гольфстрима, циклонов и антициклонов, с
каждым запуском гидро-
или атомных станций, в самой тесной связи
с атмосферным
давлением либо его изменением - резко меняется,
раздвигается или сдвигается угол
между штангой Креста и его поперечиной;
кстати: формы соотношения
пространства и времени я только так
ощущать и могу
в релятивном, нелепом эйнштейновом мире -
не менее
от него, чем от Троицы, у меня мутится в мозгу.

Вот мой Крест стал египетским, Т-образным крестом:
голова
глухо вжата в ключицы, насестом для птицы; а вот я -
мистер Х, из туманной Бургундии: на руках и ногах
сухожилья натянуты так, что не пёрднешь: лопнут;
или греческий крест:
я - рэвэх Вселенной, космический плюс,
в каждом доме кладите меня задарма и мне в пуп загоняйте
кол рождественской ёлки!
А уж русский, Мария, мой крест!

Голова уплощается как у гуся, из нее выпирает
позвоночник между ушами, и обе руки
страстным жестом оратора - к двум горизонтам простерты;
ноги - к паху подобрана правая, вкось свисает - другая,
и еще посредине там что-то, торча иль свисая,
бросает на землю, на мир человечества, на белый день
непотребную, как от коня на лугу, предвечернюю тень.

Златом, златом червонным меня золотите и прямо несите
к святу храму, на купол в Кремле, на преславный собор
славной дюжины агитпропов моих, горлопанов...

- Зэт, а луфтменч!* - попадет пальцем в небо еврей.
И - х'зол лейбн! - он прав... Страстотерицы мои,
христолюбцы,

крестоносцы, ведь жить на земле и всю жизнь волочить
свой крест на себе - это глупости подвиг (тем паче -
крест чужой, как понес его, помнится, праведный Симон
Киринеянин, или Спиноза, в душе), этих игр
не понять мне: с чего сия дурость слывет у адептов
правоверных за подвиг, как и, впрочем, у диссидентов
(Богемские Братья, А.Сол. & А.Сах., и пр.)

Крест судьбы или веры... Да ведь ежели посох пророка
за собою таскать, аль дубину народную, или
вроде Байрона трость, а хоть бы ветерана костьль -
это ж можно, ребятушки, съехать с ума. Вы представьте:
каждый ходит с крестом со своим на спине, все вокруг
задевают, цепляют за подмышку друг дружку, за шею,
попробуй

в трамвай протолкнуться с крестом, или с дамой пройтись
в легком танце l'amour, разве вот хула-хуп, или спяну
впрыгнуть к верной, простите, супруге в постель,
так уже хорошо? -
а наутро отцепиться не можешь: сидишь разбираешь

* "Гляньте, человек воздуха!" (идиш), т. е. человек без
определенных занятий, известный персонаж Шолом-Алейхема.

эту дубль-конструкцию, уныло листая с крестами
Лярусс или Даля по-русски: титло, бруск, крестовина,
поперечина, балка, подножка, стояк...

Нет уж, братие, это
не по мне! Я - противник крестов. Мой Принцип и Credo!

Я говорю*, состав времени вывихнут: боль
в моем левом плече, моя каждая слезка, улыбка -
надпланетный, космический знак для вас: на земле
наступает эпоха обожествления человека -
после эры очеловечивания богов,
что, конечно же, было трагической и фатальной ошибкой.

Выходите на свет, мрак и глупь покидайте, и вонь
вашей ниши, экологической, между червем и птицей,
все пещеры, прибежища, крови, Схул и Табун
с черепами, где воздуха вам и тогда не хватало
для дыханья и воображения,
и задохся ваши мозг, словно крик, -
этот великолепнейший, но весьма ненадежный
орган,
под монастырь вас ведущий, в эволюционный тупик.

Станьте как боги - на земле, в небесах, подарите
травам и древам свой разум, и еще, может быть,
мертвым скалам и льдинам,
и пусть вместо бедной щепотки
вековечной прикидки, смекалки в облысевшей коробке -
опьянение чудом к вам явится, с ним вы летали
в сновидениях - над дорогами и маяками,
островерхими крышами или стогами, скользя, изгинаясь
в телеграфных провисших в степи проводах, удивляясь,
целуясь
с Гретой Гарбо, выигрывая атомную войну,
ну, а если бы хоть одного из вас или одну
занесло ко мне вдруг - я бы вам еe passant, между делом
рассказать захотел бы, возможно, о том, что я мог
тут понять насчет модной проблемы: не утратил ли Бог

* Чистейший plagiat, см. "Гамлет" Шекспира.

интерес и любовь к своей родной вселенной, и кстати -
насчет математически выверенного Ньютоном мироустройства...

Прав был Савл: Не все мы умрем, но изменимся все мы⁽¹²⁾.

Если ж по Темброку: социальное поведение
индивидуума - на службе находится у
коллективной стратегии самосохранения
вида... Тыфу!

Вы б, конечно, хотели спросить: когда я читаю -
я читаю в душах.

Бактерии, обитающие в прибрежных
морях Антарктиды, - от внешнего мира отделены
льдом толщиной в 420 метров, другие -
в гейзерах выживают, при 98
или 100 даже градусах, точка кипения, или в реакторах
атомных (Господи, пронеси!)

А грибы с их устойчивым канцерогеном?

И как метят бактерии или ставят на атоме знак -
так
народ мой помечен судьбою.

Дорогой мой народ - chet ами...*

Пусть не будет ничто для вас чудом: ваш мираколизм
бедуинский, продутый песчаными черными насекомыми
ветрами,
опасней чумы - для тех, кто не знает: "Пути
Господни неисследимы". Чудо -
есть обман на земле: Сакья-Муни - шальной этот Дзэнн⁽¹³⁾;
Адольф Гитлер; Мун с его суперсвадьбами, на 10 000
персон - маньяков и курв; избранники, дуче, вожди,
предводители масс, всесоюзные старосты, суй им в лапу⁽¹⁴⁾,

* "Ами" - "народ мой" (иврит)

а кроме -
чудотворцы-спасители гибнущих родин
(орлеанские девы и др.) -
откормленные
коны⁽¹⁵⁾.

Как мой Арл говаривал:
- Хоч бы день перед смертью, блять, не видеть их в этом аду.

Хоть бы день после смерти ему б их не встретить в раю...

По Л. Б.: судьба личности или *in toto* рассмотренной нации
- это стабильность либо, напротив, мутация
индивидуального или коллективного гена
в расширяющихся условиях Вселенной.

В условиях, когда Теосфера, паря,
натянулась шампунной цветной оболочкой
Его (или в Нем?) пузыря, -
Он, Руах Элоим,
не объемлет уже вездесонным сознанием своим
разбегающихся владений, летящих как тени,
и - нравится вам или нет -
Он меня поднимает, подвесив на путях биогенных планет,
то одной зверофермы смотрителем, то другой -
и не знать бы мне боли
в моем левом плече, так не знать бы мне доли: зачем,
почему я, еврей из Нацрата, заарканенный в небо когда-то
на бревнине засратой, Я - держу пред Всевышним ответ.

О, озинбная, о, озоновая зона риска!

300! 300! 300!
SOS! SOS! SOS!

Но один больше всех не дает покоя вопрос любому друому
мне:
кто Его подучил,
чтоб меня Он вознес вот так -
на бревне?

Шел домой я, Шимон рассказывает, после смерти
и воскресения
по веселой дороге. Вдруг видит он (так и пишет, невежда)
знамение:

Крест - на шляхе, шагает в пыли,
шагов на пять меня впереди,
словно в отпуске бравый ефрейтор, Господи, пощади...

И вишу я бессонно теперь, и клюю я без просыпну носом
в летаргии моей или, што ль, в хирургии
под общим наркозом?

Доктор Гельвиг, Юрий вы мой Александрович, что ж так
боль горяча,
я - земной еще
чи в синеву, Gott sei dank, уношусь без плеча?..

Отчерпните лазурь, поскорей, она мозг ослепляет...
смотрите,

фантастический мир тихо блещет, сверкает внизу
и вращается медленно вместе с морями, горами,
лесами, снегами, песками, огнями в грозу!

Я, Йешу бен Довид, мир сей благословляю, но, Боже,
о как тяжко Плутон надо мною навис,
на потылице бедной моей
загноился ожог, это Сириус снял с меня кожу
излучением жестким как жесть, а по волнам морей
межпланетных - ватаги пиратов, банды звездных бродяг,
падших ангелов стаи к вам на землю прорваться грозят
в атмосферу и в нежные поросли роз и детей...

Много роз ли цветет вроде нашей у Бога в саду?⁽¹⁶⁾

По ночам полуширем дна подо мною мерцает
сквозь прозрачную водную пленку земная кора
всеми красками спектра, фосфорическим блеском горя,
все слои и прослойки ее: изумрудный во мгле чернозем;
глубже - гумус голубоватый; под ним - словно пламя
фиолетовой лампы - граниты; желтые окна

в преисподней - базальты; а золото в дюнах, в растекшихся
лунах
полуночных пустынь....⁽¹⁷⁾ А потом, словно зайчик в глаза,
на рассвете, в налетах редеющей тьмы -
вдруг какая-то блёстка,
проблеск детства ли, счастья, Севан, божья тихая слёзка
или, может, моя, с косяками форелей, слеза?

Горные минералы, медь, серебрящийся уголь
в пластах с их палеонтологией - с деревами
обуглившимися и зверями; нефть, силикаты,
кристаллы, структуры ионов с элементами мира,
проникающими в тела небесных объектов,
Луны или Марса; грунтовые плотные воды,
что стоят и питают мою Волгу и мою Миссисипи,
мой Иордан; оранжевые плацдармы
светящихся атомом станций, огненные пунктиры
и силуэты предметов и плотей; ах, как пылает спектральный
контуры Борнео и очертанья Валдайской возвышенности.

Ах, как ядерный лучится состав, молекулярный
абрис малаховской девы - изнутри разлетаются искры
(как при сварке! при автогенной!), собой ослепляя
и заливая бледностью, от светом бледи
автора этого гимна или псалма:

Слава Вернадскому!
Слава Катуллу!
Слава Светлане!
Аллилуйя!

Слава старому мастеру Иегове - рукам Его и голове!

Но и я себе лыком не шит - обойдите спросите:
вся Эрец Исраэль, Святая Земля помнит двери мои.

На белом камне написано
имя будущее мое - но оно
никому не известно, кроме Того, Кому будет дано.

Вы, остатки двенадцати иаковлевых колен,
повара, парикмахеры, закройщики, задающие моду,
мойщики окон и автомобилей, программисты, дантисты,
заместители главного или просто инженера -
вы, спешащие жить, бодро вспрывгивая с утра,
оглянитесь на мир - и на миг полюбите природу!

И чудо природы - древо баньян, целый сад!

И - “не пропустите священного дня сирийских евреев”.*

Воскресать вам лучше всего будет так:
на Пасху, когда солнце ##### ###### через ####
от ##### кванта, и люди
начинают ##### ###### ##### или #####,
чтобы пыль, нейтронный состав плюс протоновые #####,
хлорофилло-##### и ##### ##### элементом Н, азотом
тахион **
обе руки ##### потом
вверх.⁽¹⁸⁾

Вечером, в солнечном ветре, веющем с дальнего солнца,
тварям становится зябко, твари впадают
в метеопатию - нечто подобное смерти
или бессмертию - и тогда не спеша и спокойно
можно, в руки взяв карандаш, у них подсмотреть
все божественнейшие тайны: истинный праздник
для натуралиста! До сих пор, хвала Господу, вы подражали
природе:
аэроплан- это птица... Наступил, полагаете, срок -
чтобы вам подражала природа? Ваш телевизор
станет... Кем же станет он, что за жуткая особь и род?

* Овидий Назон. "Искусство любви". Книга 1-я, стих 75.

** Гипотетическая частица, скорость которой превышает скорость света.

И как назовете вы существо, похожее на ракету
с расщепляющейся головкой? А животные древних пород?

Им ведь большие не выдержать, вы только вокруг
оглянитесь:

воробы, живущие с вами, коготками — шерсть у собак
научились выщипывать; голуби! — точно как свиньи
по помойкам пищухарят; разумных дельфинов семья
выбрасывается на берег; да и сами вы, дай только повод,
только ждете с катушек слететь и покончить с собою

в толпе

и с толпой — вслед за Джонсона* страшной общиной
в джунглях Гайаны,
этой райской земли у лазурного моря, и т.д., и т.п.

Если те, кто ведут вас,
говорят вам: "Смотрите, Царствие в небе!" -
знайте: птицы небесные опередят вас среди облаков.
Если же вам говорят, что, мол, Царствие — в море,
рыбы морские вас обгонят в пути, как мальков

Что еще? Да, чуть не забыл: об упомянутой выше
ассимиляции. Для сообщества наций,
как и для свойственной моей нации,
опасней всего вот какие на свете новации:

1. Ракетизация флоры и фауны.
2. Материализация грезы и всяческой галлюцинации.
3. Эстетизация - полная феминизация смерти.
4. Глобализация антисемитизации, согласно:

Св. Луке,

Ф. Ницше

и Ж. Э. Ренану,

профессору Дози⁽¹⁹⁾, а также альфонсу Daudet

и поэту Ю.К, и еще не почившему в бозе

идн-фресеру Спасу Воняеву, и т.д., и TV...

* Джонсон, Джим - руководитель религиозной обороны "Народный Храм", поселившийся в джунглях Гвианы (Гайаны) в ожидании конца света. В 1978 г. около 1000 членов обороны по приказанию Джонсона покончили с собой.

5. Обоюдная и всеобщая пеленгация.
 6. Трансплантация психики - как пересаживают почку вам или глаз.
 7. Инфибуляция*, идеологизация поцелуя - magna pars в странах СЭВ⁽²⁰⁾, но также ЕЭС.
- 60 000 в год - умерших от "мирных" ожогов, а сколько утонувших, задохшихся спяну, удавившихся, у- и вы- павших из окна, с буровой вышки или просто на ровном месте, зихронам левраха. **

ОПАСНОСТЬ, ГРОЗЯЩАЯ ПЕШЕХОДУ В СОВРЕМЕННОЙ АВТОМОБИЛИЗИРОВАННОЙ СТОЛИЦЕ, РАВНА ТАКОВОЙ ДЛЯ ПЛОВЦА, РЕШИВШЕГОСЯ ПОРЕЗВИТЬСЯ В ЗОНЕ ОБИТАНИЯ СТАИ АКУЛ - ЧЕРНОЙ КОЛЮЧЕЙ ИЛИ ГОЛУБОЙ.

На какую им вечную жизнь уповать, им, несчастным, погибшим в беде, - о счастливцах уж не говоря, павших в битвах во славу Отечества.

или мирно почивших с улыбкой блажной на биде?

О букеты, о роза планеты на крышках гробов!

Молитесь, коленоисклонно молитесь - по вертикали восходит молитва, горизонтально - прощается к ближнему и к медлящим девам любовь.

А порою мне снится:
мой крест, дельтаплан мой отныл на спине у меня,
и в небесном моем беспробудном наркозе -
я лечу, свое тело как ворон крена,
или белая-белая Ноева голубица,
две крылатых руки разбросав для объятья -
и в звездной пыли,
потопившей пространство, шныряю: куда б нам прибиться? -
хоть полоску б земли для Земли...

* Истребление позывов секса.

** - Благословенна память о них (иврит)

КЛЮЧ К СВ. КНИГЕ INRI

INRI (лат.) - аббревиатура надписи, упоминаемой, в частности, у Луки (23:38): "И была над Ним надпись, написанная словами греческими, римскими и еврейскими: "Сей есть Царь Иудейский".

1) "Может оказаться не тем первичным..." - как это нередко случалось в древней литературе; фактов достоверной идентификации авторства того или иного текста самим переводчиком у нас очень немногих; редкостный в своей определенности случай - "Евангелие от Фомы" в переводе на коптский язык, найденное в Хенобоскионе: "Это тайные слова, которые сказал Иисус живой и которые записал Диодим Иуда Фома".

2) Руах Элоим - Дух Божий; числовое значение (гематрия) этого понятия - 300; еврейское же имя Иисуса Христа - Йешу составляет число 310, а буквенное написание его может быть понято как аббревиатура слов: "йимах шмо везихро" - "да сотрутся имя его и память о нем".

3) Тоффлер, Элвин (род. 1928) - американский социолог и публицист. В недоступных, помню, мне книгах "Столкновение с будущим", "Доклад об экоспазме", "Третья волна" и др. он излагает свою концепцию истории человечества: после сельскохозяйственной (10.000 лет) и индустриальной (3.000 лет) эпох нас ожидает технологическая эпоха, которую он рассматривает как новую цивилизацию.

4) Начальные строки 22-го псалма Давида, которые Иисус выкрикнул перед смертью: "Или, Или! лама савахвани?" - "Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты меня оставил?" (Матфей, 27:46). Иисус произнес этот стих на сиро-арамейском, в святом же оригинале, на лашон-кодеш, данная фраза должна была бы звучать несколько иначе: "Эли, Эли, лама азавтени?"

5) "На штуковину эту декартову..." Декарт, Рене (1596-1650) - французский мыслитель. В понятии природы оставил

только те определения, которые составляют предмет математики: величину, фигуру и движение, пытаясь создать некую систему координат, назвать каковую "штуковиной" по меньшей мере в положении INRI неосмотрительно.

6) "Ось времени"- понятие, введенное Ясперсом. Ясперс, Карл (1883-1969) - немецкий философ-экзистенциалист. Цель философии, в его концепции, - это создание путей общечеловеческой "коммуникации" между странами и веками. Возможность этой связи обеспечена достижениями "осевого времени" (8-3 вв. до н.э.), когда одновременно действовали первые греческие философи и основатели важнейших религиозно-философских традиций в Азии. С копиями этих черновиков К. Я. мне довелось познакомиться в лейпцигском "Auerbachkeller", знаменитом пивном погребке, где некогда Фауст, наподобие Гете предаваясь gnodt seanton*, хулиганил потом на пару с Мефисто.

7) В древнем происхождении всех 70 народностей, населяющих Бирму, и сложившейся там цивилизации сомневаться не приходится: заметим лишь, что над этой именно страной причудливого буддизма и тропических муссонов (годовые осадки: от 500 мм в год на равнине до 3500 мм в горах) INRI постепенно теряет сознание и начинает бредить, о чем свидетельствует плохо артикулированная орфоэпия монолога, в котором, однако, вполне распознаемы такие слова и имена как "О, зона" ("блядь" - иврит), "Марко Ланца" (певец, исполнитель упомянутой там же неаполитанской песенки "О, Мари"), "царица", и даже - "Ри", одно из популярнейших имен в европейской демонологии (Берири - Рири - Ри).

8) "ОМ МАНИ..." - "О ты, сокровище на лотосе" - формула ламаистов; идишский перифраз ее ("Ой, Мания...") в пояснениях не нуждается.

9) "Говорящий на незнакомом... - любовь свою первую бросил...", вся фраза - дикое смешение из переиначенных слов Павла (I Коринф., 14:2) и Иоанна (Откр., 2:4).

* нечто вроде самоанализа у греков

10) В рукописи фрагмент, приводимый ниже, следует сразу за описанием изготовления кроватей; переводчик позволил себе, в интересах общей композиции, немножко "разгрузить" основной текст, вынеся данное описание в Ключ. Вот оно:

"Дверь - это проем, в который домовладелец может не только войти, но и выбежать, бегством спасаясь впустить либо выставить, либо с утра запереться и никого не видать, либо жену запереть.

Двери делали деревянные, также встречалась дверь из камня, и очень уж редко - железная дверь; дверь бывала: двусторчатая; цельная; лист фанеры, приставляемый к входу, - у нас такой примитив назывался "дверь вдовушки": ни навесок, ни крючков, ни задвижек она не имела; дверь с порогом; дверь с лавкой, на которой, бывало, рассевшись - вот сельпо! - шумно щелкали женщины в руку фисташки, зубоскаючи до ночи. Дверь обычно имела два шипа - шип сверху и снизу, их разом вставляли в пазы, то есть вставить-то дело-пустяк, заменить-ка попробуй такую модель, когда время придет заменять!

Гвоздь в двери - был не просто гвоздем. Гвоздь был - символ. "Дверной гвоздь невозможно вытянуть из двери, не поранив самой древесины?" - мудрец назидает.*

Гвоздь, пред тем как забить его в дверь, громко благословляли - как благословляют военный поход или как освящают знамя. Но больше, чем гвоздь или знамя - я nudistские пляжи люблю!"

11) Упоминаемые разновидности крестов имеют также названия: мученический крест (латинский); крест Антония (египетский); андреевский крест (бургундский) и т.д. В христианстве известны 18 форм креста, одна из которых стала эмблемой Международного Красного Креста, пытающегося, впрочем, от мучений и смерти спасать и язычников.

* "Мудрец назидает": S.Kraus. "Talmudische Archaeologie" s.339.

12) "Не все мы умрем..." (1 Коринф.,15:51) - интересно, что в различных переводах Нового Завета (через греческий и латынь) мы встречаем разное толкование этой фразы, к примеру, у Лютера: "Wir werden nicht alle entschlaffen" - "Не все мы уснем", во французском - "Serons pas tous morts", в английском "We shall not all sleep", на румынском "Nu toti vom adormi" и т.п. В этом, я полагаю, этимологически выражалось представление каждого народа о смерти как о только земном или же обще-космическом конце человека.

13) Сакья-Муни - одно из имен Будды. "Дзэн" - положение в буддизме, учащее, что человек может соединиться с Богом уже во время его земной жизни, открывая его "в собственном духе, в собственной природе".

14) "Суй им в лапу" - в тексте непечатный латинский матюг, который переводчик попытался, впрочем, воспроизвести не только близко фонетически, но и придав ему видимость осмыслинной фразы: "сунуть в лапу" - выражение вполне всем понятное в "высших" коррумпированных сферах, окружающих личность, подобную перечисленным в тексте.

15) "Откормленные кони" - "Это откормленные кони: каждый из них ржет на жену другого". У многих авторов, только более, может быть, отдаленно, звучит или подразумевается этот стих Иеремии (5:8), к примеру, у Льва Толстого в "Анне Карениной", где Бронский - не случайно же, конечно, - так ярко запоминается нам в сцене скачек.

16) Вот полный текст этой песенки, непонятно зачем вставленной - наподобие балаганной, для смеха, репризы - в такое серьезное и столь отличающееся по стилю сочинение:

Много роз ли цветет вроде нашей у Бога в саду?
Ты - моя нежная, ты - распускаешь, алея,
пышный бутон и красуешься вся на виду
эйнсофа, тхома*, любовь моя, Sinatomea.

* "Эйнсоф" (Эн-Соф) - каббалистическое понимание Бога как неопределенной беспредельности; тхом - ограниченное пространство вообще (в России - черта оседлости).

Праздник души, день рождения ее, торжество слез лепестковых, повисших над бездною, вея благоуханием рая, дыханьем его —
ты, несказанная, ты, моя Sinamomea.

Sinamomea, сон или яркая быль?
Господи, благодарю Тебя: в грезах лелея
план Мироздания — вглядеть в чертеж не забыл
сочный цветок, и цветок этот — Sinamomea!

Не говорите о жизни, о смерти со мной!
Я — ваш иаванский* не знаю, забыл по-еврейски,
песнь распускают свою небеса подо мной —
алую синь, симфонически, синамомейски...

17) Удалось расшифровать следующий поврежденный фрагмент:

1. Живое вещество, рассеянное в мириадах особей, — тайна радостей и страданий.
2. Биогенное вещество, создаваемое и перерабатываемое жизнью: уголь, битум, известняки, нефть — источники высоких энергий и тайна ересей.
3. Косное вещество: твердое, жидкое, газообразное, — тайна горных пейзажей, пустынь и морей, облаков.
4. Биокосное вещество — тайна почвы и вод, и кораллов, и горной коры — тайны жизни.
5. Вещество, находящееся в радиоактивном распаде, — тайна смерти.
6. Рассеянные атомы, создающиеся из всякого рода земного вещества под влиянием космических излучений, — тайна воскресения.
7. Вещество космического происхождения — тайна зачатия.

18) ##### вверх”. Латинский манускрипт поврежден. Некоторые текстологи, к которым я обращался, полагают, что, исходя из содержания данной строфы, она с самого начала не могла быть прочтеною. Био-

* Иаванский — греческий (возможно, здесь прозвучал какой-то фонетический намек).

ники, напротив, считают, что тут был выписан настоящий "рецепт" воскресения, который, возможно, позже намеренно был кем-то испорчен - каким-нибудь благочестивым католиком или цензором. Микулинский поп убежден, что тут вмешалась сама рука Господа.

19) Дози, Рейнхарт Питер (1820-1883) - голландский историк. О нем упоминает в одном из писем к Карлу Марксу Лион Филипп: "Этот крупнейший ориенталист доказывает, это его открытие, что наши предки Авраам, Исаак и Иаков никогда не существовали; израильтяне были идолопоклонниками и таскали всюду с собой камень в ковчеге" (Залтбоммелль, 12 июня 1864), на что сорокашестилетний, духовно зрелый Маркс ответил ему с мудрой усмешкой: "С тех пор, как Дарвин доказал, что все мы происходим от обезьяны, вряд ли еще какой-либо удар может поколебать нашу гордость предками" (Лондон, 25 июня 1864).

20) Институция эта могла быть упомянута автором вплоть до 90-х г.г. нынешнего столетия, да и то лишь во времени прошедшем, что в какой-то мере нам помогает определить "ближний край" временных параметров и пространственно-социального охвата, горизонтов данного сочинения.

Коротко об авторах №116

Олег Юрьев - российский писатель ("22" №96, 101-103, 113). Живет во Франкфурте.

Сергей Рузер - историк, писатель ("22" №56, 66, 71, 79). Преподает в Иерусалимском университете.

Владимир Яськов - поэт, филолог. Живет в Харькове.

Варда Карелина - журналистка. Живет в Тель-Авиве.

Андрей Курков - писатель, киносценарист. Живет в Киеве.

Мордехай (Михаил) Зарецкий - писатель ("22" №71, 101). Живет в Реховоте.

Марк Амусин - литературный критик и публицист ("22" №83, 84, 86, 87, 91, 93, 96, 98). Живет в Иерусалиме.

Меир Визельтири - израильский поэт.

Нелли Гуттина - писатель и публицист. Живет в Тель-Авиве.

Ася Энтова - социолог. Живет в поселении Карней-Шомрон.

Эдуард Бормашенко - физик и публицист ("22" №98, 103, 106, 108, 111-113). Живет и преподает в Ариэле.

Дмитрий Шляпентох - писатель и социолог. ("22" №53, 69, 110). Живет в США.

Дмитрий Хмельницкий - архитектор и публицист ("22" №81, 95, 96, 99, 102, 110). Живет в Берлине.

Ирма Золотовицкая - музыковед. Работает в Тель-Авивском университете.

Михаил Юдсон - писатель ("22" №73, 74). Живет в Тель-Авиве.

Ян Зарецкий - псевдоним литератора, живущего в Тель-Авиве.

Виктор Голков - поэт ("22" №95, 111). Живет в Азуре.

Марк Львовский - инженер. Живет в Тель-Авиве.

Лев Беринский - поэт, председатель Союза писателей на идиши. Живет в Акко.

Главный редактор - Александр ВОРОНЕЛЬ

**Редакционная коллегия: Н. ВОРОНЕЛЬ, Н. ГУТИНА, А. ДОБРОВИЧ,
А. ДОНДЕ, Н. ДРАЧИНСКАЯ, Э. КУЗНЕЦОВ, М. ХЕЙФЕЦ,
Д. СОБОЛЕВ, Д. ЦИФРИНОВИЧ, И. ЧАПЛИНА, Н. БАСОВСКИЙ,
В. КРАСНОГОРОВ, Э. БОРМАШЕНКО**

Заведующая редакцией - Мириам БАР-ОР

Компьютерная обработка - Алекс ВАЛЛЕЙ

Печать - издательство "МЕРКУР"

Всю корреспонденцию направлять по адресу:

"22", Р.О.В. 44050, Tel-Aviv 61440

Телефон редакции - 03-7394525

Все права на материалы журнала (за исключением особо оговоренных случаев) принадлежат издательству "Москва-Иерусалим", и их использование без ведома и согласия издательства не разрешается.

Стоимость годовой подписки в Израиле - 120 шек., для организаций - 130 шек., за рубежом - 80 долларов (авиапочтой в Европу - 90, в США - 95 долларов), для организаций - 100 долларов (включая пересылку).

Стоимость подписки для новых репатриантов (до 1 года в стране) - 90 шекелей (с рассрочкой в два платежа).

Отвергнутые рукописи не возвращаются и в переписку по их поводу редакция не вступает.

ПОДПИСНОЙ ТАЛОХ

Прошу подписать меня на журнал "22", начиная с №.....

Прилагаю чеки (чеки) №..... на сумму.....

Журнал прошу высылать по адресу.....

(пишите разборчиво, желательно указать номер телефона)

Жертвуя в фонд журнала.....
(фамилия)

Наш адрес: "22", Тель-Авив 61440, п\я 44050

